

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

7

1990

Формирующееся правовое государство предъявляет все большие требования к судебным органам. Они же далеко не всегда готовы к работе в новых условиях. Перестройка судебной системы еще только началась, и работы здесь непочатый край. Это хорошо понимает Елена Ивановна Черкашина — член Карагандинского областного суда Казахской ССР.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 7 (235) ИЮЛЬ 1990. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

И. СТАРОСТИНА, П. МОРГУНОВ. Дефицит: анатомия распределения 3
Комментирует Пресс-центр МВД СССР 10

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Следователь: как он работает? Беседа с кандидатом философских наук, подполковником милиции Н. Е. КАЛАЙТАНОМ 12

15

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

М. ФЕДОТОВ. Закон для (против) неформалов 15

Ю. ДМИТРИЕВ. Митинг — в рамки закона 22

В. ХАДАЕВ. В цепких путах приказов. Каким быть Закону о школе 25

Вокруг опровержения в прессе. Беседа с председателем Свердловского районного народного суда г. Москвы Л. В. ГЛЕБОВОЙ 30

38

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
В. ДЕМИН. Для женщин, для детей, для семьи 38

НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ
Г. КРУГЛОВ. Знаки на дороге 43

Проверьте ваши знания 44, 51
Как бы вы поступили? 45, 51

Азбука дорожного движения 46

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 48, 127

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
В. СЛАВИН. «Где мой настоящий папа?» 49

ОТ «А» ДО «Я»
Л. КОРШУНОВА. Халатность 52

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА 29, 53, 89

54

К. РОДИОНОВ, С. ЯНИ. Интерпол: портрет во весь рост. Очерк 54

72

М. МИХАЙЛОВА. Наш двор.
Повесть. Фрагменты 72

85

СОБЕСЕДНИК

Без юристов не обойтись.
Беседа журналиста С. ЛЕ-
ПИХИНА с народным депу-
татом Ю. В. ГОЛИКОМ 85

ОБЗОР ПОЧТЫ

В. КАЛИТА. Спасите наши
души. Несколько штрихов
к портрету знакомого не-
знакомца 90

К. ХРОМОВА. Отец Игорь.
Репортаж из сельского
прихода 97

103

Б. РУДЕНКО. На бильярде
играют в одиночку. По-
весть 103

122

ФЕЛЬЕТОН

А. УХВАТОВ. «Возледач-
ный» роман 122

126

КРОССВОРД

Знаете ли вы право? 126

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

Сегодня часто можно слышать сетования на то, что рабочих от-
теснили с арены активной общественной деятельности: их представи-
телей мало в органах власти. В чем причина: происки «коварной
интеллигенции» или отсутствие лидеров в рабочей среде? Думается,
ни в том, ни в другом. И лидера найти можно, и провести его в пар-
ламент никто не помешает. Было бы желание. Пример тому — размет-
чик завода АвтоВАЗ Иван Антонович Барышников — председатель
совета трудового коллектива, народный депутат СССР.

ЧЕЛОВЕК
И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,
Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),
В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
И. В. ИЛЬИН, В. Д. ПОВОЛЯЕВ,
И. С. САМОЩЕНКО, П. И. СЕДУГИН,
Ю. С. СЕМЕНОВ, Е. В. СМИРНОВА,
А. Я. СУХАРЕВ, А. А. ТРЕБКОВ,
А. М. ФИЛАТОВ, И. Ф. ШИЛОВ

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА
Оформление М. Ю. БАЙКОВОЙ
Фото в номере В. С. ЗИМИНА

ПЕРЕСТРОЙКА:
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

ДЕФИЦИТ: АНАТОМИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Мы привыкли стоять в разных очередях. С длинными списками, которыми энтузиасты из толпы жаждущих, как охранными грамотами, оберегали подходы к прилавкам. Очередь, где чернильными карандашами наносились номера на ладонях, поначалу казалась унижающей, потом к ней привыкли. Там все были равны. В такую очередь ни дважды, ни трижды не становились. Желаящим погреть здесь руки на дефиците прежде нужно было тщательно эти руки отмыть. Очередь двойной номер на ладони не принимала. Принцип своеобразной формы социальной справедливости действовал безотказно.

Сейчас об очереди есть смысл говорить в прошедшем времени, потому как в последнее время магазины страны, похоже, избавились от позорного явления, порочащего советскую торговлю. Сказка, и только. Но мы ведь умеем сказки делать былью. Не правда ли?

Как подтверждение — один из документов, вышедших из стен Главторга Москвы:

«...Учитывая имевшие место в 1986—1987 гг. нарекания на скопление больших очередей у магазинов, торгующих товарами повышенного спроса, в 1988 году Главным управлением торговли Мосгорисполкома приняты меры, обеспечивающие распределение этих товаров непосредственно по трудовым коллективам организаций, предприятий,строек и т. д.

...Это позволило ликвидировать основу возникновения больших очередей в магазинах...»

«О, РАСПРОДАЖА!..»

Слово это в последние два года стало поистине всеильным, оно может замедлить темп работы станков, остановить конвейер, сдвинуть часы приема больных и работы транспорта. Слово это звучит гордо. «Где купил?» — «На распродаже!» И в тоне ответа чуть превосходства, чуть элитарности, чуть небрежности, там, мол, куда не всех пускают.

Распродажей трудовые коллективы начинают жить загодя. Дефицит, как известно, на всех не рассчитан, поэтому, как правило, в тех местах, где грядет распродажа, накануне проходит первый этап распределения. Распределяют людей, которым завтра будут распределять товар. Успехами в труде, участием в общественной жизни,

или перстом судьбы — жребием определяется, кто достоин, ибо действует принцип: на всех не хватит — хотя, к примеру, в той же Москве официальными документами определено каждому работающему «направить» дефицита (абы какого!) на 250 рублей, студенту и пенсионеру на 100 рублей. Таким образом, говоря языком официального документа, предлагается работающему и неработающему люду, а также учащейся молодежи за свои деньги получить вовсе не то, что ему нужно, а то, что «привезут». Ладно, допустим, мы приучены брать то, что дают. Но если годовая доля работающего в год определена неким количеством товаров на сумму в 250 рублей, то кто в таком случае имеет право на приобретение кожаного пальто за 1500 рублей? Следуя установкам и рекомендациям управления торговли Мосгорисполкома под общим названием «Об упорядочении продажи товаров повышенного спроса», шесть человек должны купить его вскладчину и носить по очереди? Или же один счастливчик, «оторвав» импортную кожу на меху, в течение шести лет не имеет права близко подходить к магазинному прилавку? А как быть с теми, кому шуба за шесть тысяч досталась? Он же «съел» долю двадцати с лишним работающих и шестидесяти неработающих? Им, обойденным, в суд обращаться? Абсурд, честное слово. Действующая модель обмена дефицитных товаров на кровные советские рубли очень сложная, запутанная, далекая от принципов социальной справедливости, порождающая гипертрофированные перекосы на рынке. При этом существует немало ее защитников теоретическими обоснованиями, подтверждающими ее целесообразность.

Хорошо все же, что мы живем во времена плюрализма мнений. Потому как существуют столь же глубокие теоретические обоснования и тоже специалистов торговли, убежденных в полной бесперспективности и, более того, в ненужности подобной формы обмена денег, заработанных одним человеком, на товар, выбранный по усмотрению другого.

Я ИМЕЮ ПРАВО, ТЫ ИМЕЕШЬ ДЕНЬГИ, ОН ИМЕЕТ ТОВАР

Когда в нашу жизнь начали входить «различные формы рационализации», именно так специалисты именуют продажу товаров по талонам, по документам на предприятиях, предполагалось, что появится возможность сократить время на покупку тех, кто работает, усилить рабочий контроль за реализацией дефицита, перекрыть товарам дорогу к черному рынку. Благие намерения, увы, таковыми и остались. Как временная, вынужденная мера, продиктованная дефицитом, выездная торговля, безусловно, частично снимает некоторую остроту покупательских страстей. В самом деле, идет человек на работу дело делать, возвращается то с шубой, то с термосом, то еще с чем, что в хозяйстве сгодится. Правда, другой после рабочего дня домой несет лишь рубли, на которые в магазинах ничего купить не может, потому как он работает «не на том» предприятии. Что и те, и другие предприятия существуют, вынуждены признать специалисты управления торговли Мосгорисполкома. Многие руководители универмагов, торгов и райисполкомов допустили преимущественное обеспечение некоторых коллективов организаций за счет уменьшения завоза товаров на фабрики и заводы. В списки «некоторых коллективов» и не только в Москве занесены организации, как правило, солидные, влиятельные и при некотором стечении обстоятельств

весьма нужные В том числе и отдельные организации правоохранительных органов.

Лет двадцать подряд, не меньше, повсеместно в стране звучал призыв «Учиться торговать!». Отраслевая торговая пресса, центральные газеты и журналы последовательно и настойчиво освещали тему повышения качества торгового обслуживания. Судя по публикациям, учились торговать повсюду и всерьез. Курс обучения закончился тем, что на сегодняшний день специалисты вместо продажи насчитывают около двадцати форм и методов распределения товаров. Сейчас для того, чтобы состоялись многие покупки, помимо денег, требуются паспорта с соответствующей пропиской (Вильнюс, Таллинн), карточки, которые кокетливо названы визитными (Ленинград), талоны (Свердловск, Симферополь).

Специалисты уже сегодня насчитывают около двадцати форм и методов реализации товаров. И ни один (!) из этих способов не имеет абсолютно никаких научно обоснованных критериев. Товар делим как бог на душу положит, и никто при этом не задумывается об «отдаленных результатах», о последствиях, которыми чреват этот дележ. Ведь прежде всего нарушается принцип материальной заинтересованности в результатах труда, более того — принцип деформируется и искажается в своей сути.

Сейчас получается, что, сколько бы человек ни работал, он получит нормированное количество материальных благ, зачастую и вовсе не тех, в которых испытывает потребность. При этом пустота магазинных прилавков объясняется не только недопоставками и упущениями в работе промышленности. Это, безусловно, главная затаянная болезнь нашей экономики. Но помимо ее значительно усугубляет ситуацию взрыв ажиотажного спроса. Совершаются незапланированные покупки, приобретаются вещи впрок, действует принцип «если привезли, если положено, надо брать». Так происходит с сахаром, мылом, стиральным порошком и многими промышленными товарами. И это наглядно подтверждают расчеты специалистов: коэффициент насыщенности рынка значительно превышает коэффициент уровня наличия товаров, значит, почти треть товаров в открытую продажу не поступает.

Дефицит — слово, с которым выросло, возмужало и состарилось не одно поколение. Сегодня «эффект дефицита» высок как никогда. Велика также и величина искусственного дефицита, вызванного в немалой степени активным увлечением различными формами распределения товаров.

Многоликий дефицит, разрастающийся на глазах, и принцип социальной справедливости — явления трудно совместимые, что и было доказано торговой практикой предыдущих десятилетий. С выводом так называемой выездной торговли и обслуживания на предприятиях была предпринята очередная попытка утвердить принципы социальной справедливости в условиях разгула дефицита. Затея изначально была обречена, тем не менее, облекшись в одежды из высоких слов, новые формы распределения получили широкое распространение. Хотя о справедливости вряд ли приходится говорить, когда талоны, заказы, предварительные записи, а значит, и приобретение швейных, стиральных машин, мебели, холодильников, доступны весьма ограниченной части населения. Согласно данным опросов, проведенных сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса населения, в городах, где действуют нововведения в распределении перечисленных выше товаров, только десятая часть

опрошенных наделена возможностью получить талон, примкнуть к предварительной очереди.

Сейчас как получается? Один производитель материальных благ для общества имеет деньги и ограниченные возможности эти деньги истратить на покупки, у другого возможностей побольше, и он, как правило, максимально их реализует. Существует и третий — тот, у кого в конце концов оказывается любой товар, правда, за немалые деньги.

«КУПЛЮ ТАЛОН», «ПРОДАМ ЧТО УГОДНО»

Выездная торговля, распродажи явились неожиданным подарком спекулянтам. Полный ассортимент импортных товаров (которыми запрещено торговать в магазинах. Только — на предприятиях!) регулярно бывает представлен на мини-толкучках Москвы. «Черные рынки» южных городов не пропускают мимо себя ни одного изделия, мало-мальски достойного внимания. Руководитель одного из торгов города, расположенного на берегу Черного моря, вытянув ногу в роскошном башмаке, как-то проиллюстрировал метаморфозы рынка: «Англия. Пятьдесят рублей. А на городской толкучке пятьсот за них ломают».

«Черный рынок» «ломит» цены, порой недоступные самому богатому воображению. Сблaзн погреть здесь руки, безусловно, велик, возможностей это сделать также немало. Вот почему многочисленные протоколы, составленные работниками милиции в различных городах страны, как правило, схожи, будто написаны под копирку. «Гражданин Н. скупил на выездной торговле и перепродал...» Разнятся лишь суммы, название и количество товаров. Действия же идентичны. Повсеместно идет разнузданная спекуляция вещами, талонами, приглашениями. И это при том, что согласно справкам иных торгующих организаций «отоваривание» происходит под строгим контролем многочисленных инстанций. В данное утверждение сегодня, пожалуй, верят лишь авторы подобных заявлений.

К примеру, сотрудники УБХСС Москвы свидетельствуют о том, что всякого рода распродажи стали благодатной почвой для теневого бизнеса, переживающего нынче свой звездный час.

Безусловно, в немалой степени его регулярно подпитывают те, кто имеет доступ к выездной торговле. Примеров тому множество. Мастер Московского пивобезалкогольного комбината А. Иванов, оказавшись среди покупателей на выездной торговле в управлении по эксплуатации высотных домов и гостиниц Мосгорисполкома, стал обладателем 6 пар женских сапог, 5 пар мужских туфель. Он был задержан при перепродаже обуви у московского «Детского мира». Обыск, проведенный на квартире, показал, что мастер пивзавода посещение распродаж поставил на широкую ногу. Изъяты 21 пара мужской и женской обуви, 240 упаковок лезвий «Шик» — тому подтверждение.

Пока работники предприятий и организаций, ослaстливленные выездной торговлей, решают, кто имеет право на покупку, «ловкие люди» скупают все и помногу. Пенсионерка Т. Дмитриева, к примеру, в магазине «Белград» на распродаже для работников Гостелерадио СССР купила различных изделий на 3000 рублей. И тут же приступила к их реализации, естественно, по ценам «черного рынка». 12 пар женских сапог, 12 мужских рубашек, 2 женских пальто, 8 блузок, 4 пары мужских туфель — такова разовая покупка Т. Тятенковой.

Все это ей, нигде не работающей, удалось приобрести в ГУМе на распродаже, организованной для сотрудников строительной выставки.

Сотни уголовных дел, тысячи составленных протоколов о фактах спекуляции, многочисленные административные взыскания, огромные массы импортных товаров, попадающих в руки дельцов «черного рынка», — таков фон, которым в основном окружены нынешние формы торговли, задуманные якобы для блага рядовых тружеников.

Было бы несправедливо умолчать еще об одном источнике, снабжающем огромный «черный рынок», расползшийся по стране. Речь о том, что все эти распределительные мероприятия в виде распродаж создают иным работникам торговли широкие возможности для различных злоупотреблений, способствуют появлению «оптовых» спекулянтов, взявших в свои руки многие вопросы в товароснабжении населения страны.

Работники милиции, службы БХСС в нынешней ситуации порой готовы расписаться в собственном бессилии. Их неохотно извещают о предстоящих распродажах, держать же в поле зрения каждый маршрут выездной торговли практически невозможно. Количество таких маршрутов несоизмеримо возросло, число сотрудников отделов БХСС осталось прежним.

Когда читаешь милицейские сводки, понимаешь, почему у выездной формы торговли существует немало защитников. Иным, право, есть что защищать. Так, под предлогом выездной торговли в филиале магазина № 3 торга «Мосодежда» постоянно накапливали меховые изделия. Для кого? Ответ, видимо, особых затруднений не вызывает. За солидные вознаграждения дефицитные меха регулярно уходили в руки спекулянтов.

За спекуляцию импортными парфюмерными товарами в особо крупных размерах задержана директор магазина № 11 торга «Мосгалантерея» Г. Богодушко. Проводя очередную распродажу на Московской ситценабивной фабрике, директор магазина решила стать здесь основной покупательницей и скупила 500 упаковок французской туши для ресниц. В тот же день она была задержана с поличным, успев все же реализовать часть своей оптовой покупки.

Сотрудники универмага «Вешняки» посчитали, что для коллектива вентиляторного завода привезенного товара более чем достаточно. Поэтому часть его на сумму свыше 13 тысяч рублей сами прибрали к рукам. Так что вопрос «Кому и сколько дать?» решается отнюдь не в главках и прочих высоких инстанциях, где всерьез пытаются рассчитать количество дефицита на среднюю душу загнанного покупателя.

Надо сказать, в пылу активной борьбы со всякого рода нарушениями создаются ситуации, мягко говоря, провоцирующие эти нарушения. Так, приказом Минторга СССР «О порядке продажи дефицитных товаров и мерах по пресечению их припрятывания» предусмотрена ответственность за сокрытие дефицита. Этот же приказ разрешает накапливать товары для выездной торговли. Вот и получается, что любое припрятывание можно при желании выдать за накопление.

Дележ товара, который сейчас идет повсеместно, и тот ажиотаж, который возникает вокруг распределительных акций, несомненно, не способствуют улучшению социального климата. Многие из того, о чем сказано выше, раздражает людей, вызывает у кого зависть, кого-то непроизвольно толкает на путь легкой наживы. Даже в тех городах, где не первый год мебель, товары длительного пользования

продаются по спискам профсоюзов, где за любой крупной покупкой установлен контроль рабочего коллектива, самыми популярными стали объявления «Продаю»: «Продаю мебельный гарнитур (в упаковке!), холодильник (в упаковке!)» и т. д. Позвоните по указанным телефонам, убедитесь, что ни одно предложение не вызвано альтруизмом. Велик соблазн, что и говорить, легко получить двойную цену за доставшуюся вещь.

Печально то, что при дележе товара правых не бывает. Подтверждением тому события, случившиеся в Клайпеде. Здесь более двух лет, по признанию руководителей городской торговли, не торгуют, а распределяют. Практически все товары работающие жители города получают с ведома и согласия профсоюзных комитетов. Десятки людей составляют списки, выдают талоны, следят за тем, чтобы по справедливости делились холодильники, сапоги, пальто, колготки. Надо сказать, что учет и контроль, требующий немало сил и времени, в Клайпеде действительно был эффективен. И случаев, когда товар на завод не довели, когда продавцы превращались в оптовых скупщиков дефицита, город не знал.

И что с того? Этот вопрос сегодня задают многие, кто знал, сколько продуманности было в клайпедской системе распределения при нынешнем диктате дефицита. Дело в том, что кому-то в Клайпеде показалось, что наличие товаров на складах и отсутствие их в магазинах и есть факт нарушения и злоупотребления. Тут же началось манипулирование общественным мнением, разжигание нелепых страстей, что, кстати, весьма нетрудно сделать в среде людей, чье сознание сформировано затяжным дефицитом.

Потом проверили, посчитали. И товары, и накладные, и приглаательные талоны — все сошлось. На складах лежали товары, которые продаются в магазинах по талонам, изделия, предназначенные ветеранам, инвалидам, производственным коллективам согласно их спискам. Страсти погасли. Но... А. А. Лихтеншайн, свыше сорока лет руководивший торговлей Клайпеды, создавший модель торгового механизма, при котором жители города не знали, что такое очереди в продовольственных магазинах, не ведавшие, что есть обвес и обсчет, вынужден был к своему прежнему титулу «начальник управления торговли» добавить слово «бывший». Что говорить, обидно за Аркадия Авадьевича Лихтеншайна, лауреата Государственной премии СССР, создателя и разработчика системы индустриализации торговли. Но, право, во сто крат обиднее за само дело, по которому в пылу эмоций, не разобравшись, ударили непрофессионалы.

«НЕ ДЕЛИТЬ, А ДЕЛАТЬ»

Именно этот путь к стабилизации потребительского рынка специалисты торговли, местные Советы Белоруссии считают единственно возможным. В столице республики решительно отказались от распродаж, выездной торговли. И жители Минска поддержали данное решение.

Мнение заместителя министра торговли Белорусской ССР однозначно: «Торговля товарами длительного пользования на предприятиях не оправдала себя. В свое время многие партийные, советские работники предлагали: «Отдадим дефицитные товары на предприятия. Пусть их распределяет рабочий класс, чтобы все было по справедливости и без обид». Но такая система распределения дефицита долго не протянула. Надежд оптимистов она не оправдала.

Мы убедились: если товаров катастрофически не хватает, никакие вариации в торговле не помогут. Видимо, головы стоит ломать не столько над тем, как делить, сколько над тем, как делать больше и лучше».

Минчане не одиноки в занятой ими позиции. Мнение Министерства торговли СССР четко высказано в одном из документов, направленном в правительство: «Министерство торговли СССР не поддерживает такую форму торговли». Начальник Управления организации торговли министерства Ю. П. Химонин поясняет, почему:

«Прежде всего подобные новшества при распределении товаров полностью нарушают правовую основу советской торговли. Кроме того, все эти мероприятия экономически невыгодны торговле, каждая распродажа несет за собой нерациональные транспортные расходы, многочисленные перевалки товаров, при которых изделия теряют товарный вид.

В ажиотаже распределения оказался напрочь забыт покупатель. Ведь выездная торговля производится, как правило, в непригодных помещениях, где нет условий ни рассмотреть, ни примерить изделие. А уж если купленная вещь окажется с браком, обмен товара превращается в проблему из проблем.

Минторг однозначно против подобных форм торговли еще и потому, что они наносят невосполнимый моральный урон. Ведь пустые полки в магазинах — один из основных аргументов антиперестроечных сил».

Получается, что распродажи и пустые полки магазинов — явления, связанные между собой? В немалой степени да.

Дело в том, что согласно статистическим данным, поставки товаров в торговлю хоть и медленно, но растут, причем в натуральном исчислении — в штуках, килограммах. Но этого прироста покупатели не видят, потому что товар уходит по многочисленным каналам распределительной системы. В результате последствия психологического давления, испытываемого покупателем, трудно предсказуемы. Его раздражение и пессимизм — одна сторона дела. Вторая — активное приобретение товаров, тех, что нужны, и просто так — впрок. Есть ли выход из порочного круга дефицита?

Вывод специалистов по изучению рынка весьма категоричен: «Расширение различных форм и методов рационализации, регламентирования снабжения населения товарами не только не обеспечивает справедливого распределения товарных ресурсов, но и усиливает искусственный дефицит, создает условия для злоупотреблений».

Экономисты, социологи, специалисты по организации торговли предлагают комплекс мер, способных несколько сгладить деформации потребительского рынка, снизить силу давления дефицита. В их числе на первом месте значится неременное требование изменить распределительную политику, отменить талоны, выездную торговлю и другие формы регламентации торговли. Только при этом условии комплексная программа по нормализации потребительского рынка может дать желаемый результат.

...Итак, нет распродаже? Представляете, сколь громким будет голос протеста? И прежде всего тех, кто сумел вкушать сладкие плоды дефежа товаров, кому под боком распродаж тепло, сытно, денежно. Им-то глубоко безразлично, что путь широкомасштабного распределения товаров — это дорога в тупик.

**И. СТАРОСТИНА,
П. МОРГУНОВ**

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук Б. МИХАЙЛОВ**

За последнее время активизировалась борьба с организованной преступностью. В минувшем году, по официальной статистике, изобличено 1310 организованных преступных групп, что на 20 процентов больше, чем в предшествующем периоде. Ими совершено 93 убийства, 377 разбоев, 355 грабежей и 4691 кража государственного, кооперативного и личного имущества. У преступников изъято более 300 стволов огнестрельного оружия и 122 единицы различных технических средств.

Более дерзкими становятся такие преступления, как вымогательство. Почти каждое третье из них совершалось с применением насилия, причем в 192 случаях опасного для жизни и здоровья граждан. Высокой остается латентность этих преступлений.

Особую общественную опасность представляют так называемые «боевики», которые, выступая в роли конкретных исполнителей в организованных группах, совершают дерзкие преступления корыстно-насильственного характера с применением огнестрельного, а зачастую и автоматического оружия.

Продолжаются вооруженные столкновения между организованными преступными группами за раздел сфер влияния, причем многие из них с тяжкими последствиями.

Так, 13 марта этого года в г. Одессе произошла перестрелка между группами преступников, в результате которой два человека убиты и один ранен.

В соответствии с постановлением второго Съезда народных депутатов СССР для создания эффективного механизма борьбы с организованной преступностью в настоящее время прорабатывается вопрос создания в стране специальных региональных подразделений по борьбе с организованной преступностью.

Практика показывает, что при тесном взаимодействии всех заинтересованных министерств и ведомств результаты такой борьбы наиболее эффективны.

Так, в текущем году в стране был проведен ряд совместных с сотрудниками КГБ операций по разоблачению и аресту преступников.

Совместными усилиями столичного управления КГБ и милиции обезврежена кунцевская бандитская группировка под условным названием «Орда».

С 1988 года «Орда» насильственными действиями и угрозами их применения занималась вымогательством крупных сумм денег у кооператоров, должностных лиц государственных предприятий торговли и бытового обслуживания в Кунцевском, Сокольническом, Перовском и Киевском районах г. Москвы. По имеющимся данным, за указанный период «Ордой» незаконно получено более 250 000 рублей.

Началом реализации послужил арест активного члена группировки Н. И. Ботинкина за незаконное хранение огнестрельного оружия (пистолет «ТТ» с боеприпасами) во время раздела «Ордой» сфер влияния с другой преступной группировкой.

На основании полученных УКГБ материалов, показаний потерпевших и других доказательств был арестован руководитель «Орды» Х. Юсипов. Были собраны доказательства участия в преступлениях других активных членов группировки. 20 марта арестованы 8 человек. ГУВД Мосгорисполкома в отношении указанных лиц возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 95 УК РСФСР.

Арестованные члены группировки не работали, трое из них ранее судимы. В процессе оперативно-следственных действий изъято более 20 единиц холодного оружия, осветительные ракеты, баллончики со слезоточивым газом, 8 портативных армейских радиостанций, удостоверение сотрудника ГУВД Мособлисполкома, 55 000 рублей, ценности на сумму свыше 200 000 рублей.

Следствие продолжается. Участники «Орды» предстанут перед судом.

В Мордовской АССР обезврежена организованная преступная группа, куда вошли члены нескольких торгово-закупочных кооперативов. Они намеревались проводить расправы с представителями конкурирующих кооперативов, применяя огнестрельное оружие и взрывчатые устройства, пытались переориентировать отдельные кооперативы на преступную основу. У преступников изъяты два автомата ППШ с патронами, малокалиберная винтовка, обрез винтовки австрийского производства, пистолет «Вальтер», самодельный револьвер, обрез охотничьего ружья, большое количество взрывных устройств и боеприпасов, три комплекта стационарных радиостанций, противогазы. По указанным фактам проводится расследование, арестовано несколько человек.

Сотрудниками Краснодарского края в ходе проведения совместных оперативно-розыскных мероприятий задержана с поличным группа расхитителей, в состав которой входил начальник отделения профилактической службы одного из ГОВД. В ходе следствия выявлены хищения свыше 400 тонн мяса на мясокомбинатах, 200 тонн семян подсолнечника и пшеницы, 700 литров спирта. Среди арестованных были председатель райпотребсоюза, бывший начальник ГОВД, начальник одного из подразделений ГАИ, председатель райисполкома. Всего по уголовному делу арестовано 19 человек.

В ходе совместной работы сотрудников УКГБ и УВД Горьковской области в текущем году раскрыто убийство двух лиц из револьвера системы «Наган», совершенное 14 января. Револьвер изъят, 4 преступника арестованы, их связи имели выход на организованные преступные формирования в других регионах.

Успешная борьба с организованной преступностью возможна лишь при активном участии всех правоохранительных органов и заинтересованных министерств и ведомств.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: КАК ОН РАБОТАЕТ?

Что по этому поводу думают обитатели СИЗО?

Возможно, такой подзаголовок удивит вас, уважаемые читатели. Однако авторский коллектив ВНИИ МВД СССР, изучая общественное мнение о деятельности следственных органов, решил положить в основу этих исследований именно целенаправленный опрос лиц, содержащихся в следственных изоляторах города Москвы в качестве обвиняемых или подсудимых.

Почему было принято такое решение? Каковы результаты опроса? С этими и другими вопросами наш корреспондент обратился к руководителю данного авторского коллектива кандидату философских наук, подполковнику милиции Никите Евгеньевичу КАЛАЙТАНУ.

— Итак, Никита Евгеньевич, почему же для опроса была выбрана именно эта категория граждан?

— Видите ли, в следственных изоляторах содержатся люди, привлеченные к уголовной ответственности. Естественно, что длительное время они испытывают на себе правоограничения. И при этом непосредственно могут наблюдать за работой органов дознания, следствия, суда, прокуратуры, следственного изолятора. В связи с этим эмоционально реагируют, оценивая деятельность этих органов. Вот мы и решили узнать мнение обитателей СИЗО о работе органов внутренних дел, чтобы иметь представление об оценке их деятельности, так сказать, изнутри. Знаете, большинство опрошенных обвиняемых и подсудимых (82 процента) заинтересованно восприняли наше предложение и активно участвовали в его реализации. Думаю, это объясняется тем, что, несмотря на изоляцию от общества, эти люди продолжают сохранять активную гражданскую позицию, хотят участвовать в политической жизни страны (77 процентов), поддерживают проходящую в стране перестройку.

— Хотелось бы немного подробнее узнать о самих опрошенных: их возраст, социальное положение и т. д.

— В основном это люди 25—30 лет. Среди них: рабочих — 56 процентов, служащих — 20 процентов, неработающие и неучащиеся составляют 13 процентов опрошенных. Высшее образование имеют 18 процентов, среднее, среднее специальное — 75. Ранее судимые составляют 55 процентов.

— Вероятно, основное, что интересовало исследователей и опрашиваемых, — нарушения законности?

— Пожалуй. На вопрос: «Были ли в отношении Вас допущены нарушения социалистической законности работниками милиции,

прокуратуры, суда, СИЗО?» — 88 процентов ответили утвердительно. Причем 51 процент анкетированных указали, что эти нарушения были допущены работниками милиции и оперуполномоченными уголовного розыска, 42 процента — участковыми, 8 процентов — руководством органов внутренних дел. Опрашиваемые называли и другие учреждения и организации, сотрудники которых нарушали законность. Так, 28 процентов респондентов назвали суд, 26 — процентов — следователей органов прокуратуры, 25 процентов — прокуроров, 20 — администрацию следственных изоляторов, а 13 процентов — рядовых сотрудников СИЗО.

Среди нарушений социалистической законности на первое место опрашиваемые ставят унижение достоинства, угрозы, обман, шантаж (70 процентов), на второе — понуждение к признанию своей вины и даче показаний (66 процентов), на третье — фальсификацию, подлоги, неправильную запись показаний (57 процентов). 47 процентов отмечают причинение телесных повреждений и рукоприкладство, а 46 — формализм и безразличие в отношении их судьбы.

20 процентов опрашиваемых выразили мнение, что они незаконно привлечены к уголовной ответственности, задержаны и арестованы. Большинство анкетированных также указали на предвзятость и обвинительный уклон в деятельности следственных и судебных органов, нарушение ими презумпции невиновности, отсутствие независимости следователей, судей и адвокатов.

— Вы перечислили очень серьезные нарушения. А обжаловали ли все эти люди незаконные, с их точки зрения, действия следственных органов?

— С жалобами в различные инстанции обращалось всего 56 процентов опрашиваемых. По их мнению, правоохранительные органы формально подходят к разрешению таких жалоб.

Так, 24 процента считают, что жалобы не были рассмотрены вообще. На 40 процентов жалоб не было получено какой-либо информации о результатах рассмотрения или причинах отказов в их рассмотрении. 92 процента опрошенных отметили, что результатами рассмотрения поданных жалоб они не были удовлетворены, так как 65 процентов из них получили формальные отписки, а 21 процент указали, что жалобы были рассмотрены не теми лицами, которым они адресовались.

Здесь нужно сказать и о том, что у 42 процентов обвиняемых вызывают недовольство действия следователей органов внутренних дел в отношении жалоб. Так, только 3 процента этих жалоб было рассмотрено сразу, 15 процентов — после неоднократного обращения в вышестоящие следственные и прокурорские органы, а 13 процентов — только после обращения в различные инстанции. По мнению опрошенных, 79 процентов жалоб не было удовлетворено.

— А каковы основные причины подачи жалоб на действия следователей органов внутренних дел?

— Прежде всего неудовлетворительное проведение следственных действий. На это указало 33 процента опрошенных. Другая причина (ее назвали 25 процентов респондентов) — волокита и пассивность следователей. И, наконец, в 18 процентах случаев причиной подачи жалобы было недоверие к следователю и требование его замены. Вообще половина опрошенных респондентов заявила, что при расследовании уголовных дел отсутствовал психологический контакт со следователем по вине последнего, так как следователь либо не желал выяснять все обстоятельства по делу и проверять

алиби (58 процентов опрошенных), либо применял незаконные приемы и методы следствия, такие, как угрозы и шантаж (57 процентов). Отмечались и отрицательные личные качества следователей: грубость, резкий тон, чванство, неприятные привычки (47 процентов); низкая профессиональная культура и явное незнание изучаемого вопроса (33 процента), а также спешка при расследовании и демонстрирование безразличного отношения к судьбе обвиняемого (25 процентов). При наличии этих обстоятельств 45 процентов опрошенных указало на отсутствие доверия к следователю и низкий его авторитет.

— Отметили ли какие-либо недостатки в организации работы следователей опрошенные Вами люди?

— Конечно. В частности, 32 процента респондентов указали на то, что при проведении следственных действий, например допросов, очных ставок, присутствовали посторонние люди, другие следователи. Это отвлекало, не давало сосредоточиться, короче, мешало. 30 процентов опрошенных сообщили о недостаточной подготовленности следователя к следственным действиям. У него либо отсутствовал план, либо не было нужных свидетелей, либо он вообще не знал обстоятельств дела и т. д.

27 процентов анкетированных отметили длительное ожидание приема, связанное с отсутствием следователя на рабочем месте. Не остались незамеченными и такие, казалось бы, мелочи, как нехватка свободного помещения, места для проведения следственных действий (на это указало 18 процентов опрошенных), необходимых бланков, исправных пишущих машинок и магнитофонов (8 процентов).

— Как мы уже не раз упоминали, люди, среди которых Вы проводили эти опросы, содержались в следственных изоляторах. Не высказывали ли они свое мнение о режиме содержания, качестве питания обвиняемых и подсудимых в СИЗО?

— Естественно, высказывали. Так, претензии по качеству питания и режиму содержания высказали 92 процента опрошенных. 73 процента указали на неудовлетворительное обеспечение политической и художественной литературой, газетами. Неправомерно плохие бытовые условия, освещение и вентиляцию камер, отсутствие необходимых условий для соблюдения правил личной гигиены, отсутствие предметов первой необходимости отметили 86 процентов опрошенных.

— Какие пожелания, предложения об изменениях в работе правоохранительных органов были высказаны участниками опросов?

— Строго соблюдать презумпцию невиновности, исключить предвзятость и обвинительный уклон следствия и суда.

Проявлять самостоятельность и независимость мнений следователей, судей и адвокатов.

Не допускать отвлечение следователей на другие мероприятия при проведении запланированных следственных действий.

Создать необходимые условия для работы следователей, обеспечив их техническими средствами и отдельным помещением.

Для свидетелей и других лиц, вызванных для проведения следственных действий, оборудовать специальную комнату ожидания.

Давать своевременную информацию о причинах задержки приема.

Искоренять неправомерные действия работников милиции.

Беседу вела Л. АЛЕКСАНДРОВА.

ЗАКОН ДЛЯ (ПРОТИВ) НЕФОРМАЛОВ

— И это общество... запрещенное? — спросил я.

— То есть как тебе сказать... оно, конечно... Цели нашего общества самые благонамеренные... Ведем мы себя, даже можно сказать, примернейшим образом... Но — странное дело! — для правительства все как будто неясно, что от пенкоснимателей никакого вреда не может быть!

М. Е. Салтыков-Щедрин.
«Дневник провинциала в Петербурге».

Перестройку давно уже окрестили революцией журналистов. Рискну с этим не согласиться, несмотря на некоторую причастность к данной профессии. На мой взгляд, перестройку с куда большим основанием можно характеризовать как революцию неформалов. В том числе и журналистов-неформалов. Доказательства? Пожалуй-ста: едва ли не повсеместное создание народных фронтов, бум самиздата, буйная стихия многотысячных митингов и демонстраций. Все это — неформалы.

Их интересы обширны, точки приложения сил многочисленны. Они отстаивали от сноса пивнушку, оказавшуюся памятником древнего московского зодчества, и есенинский «Англетер», вырабатывали концепцию республиканского хозрасчета и добивались закрытия атомных электростанций... Их представители законодательствуют сегодня в высших органах власти и в местных Советах, возглавляют республиканские правительства, становятся мэрами городов и даже заседают в Президентском совете (не будем забывать, что ОФТ, лидером которого является В. Ярин, формально, с точки зрения закона, — неформальная организация, несмотря на общеизвестные в том сомнения).

Но неформалы неформалам рознь. Есть «Память». Есть экстремисты, на совести которых трагедии в Баку, Новом Узене и многих, увы, многих других городах, селах, поселках. Они «качают» не права, а мускулы, и если ускоряют перестройку, то только на пути к пропасти. Усугубляя кризис власти, они заставляют обывателя все чаще с нежной грустью вспоминать о временах застоя и жаждать скорейшего «умиротворения» в форме чрезвычайного положения, прямого президентского правления, короче, в военной форме.

И вот это буйство, многоцветье и многоголосье нужно подвести под нормы закона. Кому нужно? Объективно — всем: государству, стремящемуся стать правовым; возрождающемуся гражданскому об-

ществу, рассчитывающему на юридическое признание; нуждающимся в поддержке политикам и уставшим от политики жителям.

Но не надо думать, что неформалы — сплошь горячие сторонники скорейшего принятия Закона об общественных организациях. Есть среди них, и немало, убежденных противников данного нормативного акта. Одни, исповедующие убеждение через насилие, справедливо опасаются, что закон вынудит их глубже уйти в подполье. Другие просто не желают иметь никаких отношений с государством. Третьи столь вольготно чувствуют себя в юридическом зазеркалье, что готовы и впредь пребывать там: ни контроля, ни ответственности, ни налогов, ни бюрократической писанины. Сел на мотоцикл без номеров и глушителя — и жми на газ! Воля!..

А чего ждут от закона его сторонники среди неформалов? Прежде всего они стремятся стать «формалами», получить официальное признание, а вместе с ним все соответствующие статусу права: выдвигать кандидатов в депутаты, заниматься издательской и производственно-хозяйственной деятельностью, выступать с законодательной инициативой, представлять и защищать законные интересы своих членов в государственных и общественных органах, участвовать в выработке решений местными органами власти и управления и т. д. Они готовы нести ответственность за свою деятельность, так как намереваются не нарушать закон. Они верят в демократизм и справедливость будущего закона. Оправдаются ли их надежды, зависит от Верховного Совета СССР.

Сегодня у парламента есть выбор: помимо официального, многократно перерабатывавшегося проекта, существует альтернативный, созданный тремя авторами — народным депутатом СССР, кандидатом исторических наук Сергеем Станкевичем, кандидатом юридических наук Сергеем Солдатовым и автором этих строк. Я намеренно не указываю должностное положение моих товарищей: в работе над проектом мы представляли лишь самих себя, ничьих заданий или поручений не выполняли, никакого вознаграждения не получали и отвечали лишь перед собственной совестью. В определенном смысле мы сами выступали как неформалы, самодеятельные «законописцы».

Итак, есть два проекта. В этой статье я познакомлю читателя с нашим, альтернативным. Надеюсь, что авторы официального варианта не будут в обиде, тем более что они уже рассказывали о своем детище широкой аудитории.

ПЕРВОРОДСТВО — ЗА НЕФОРМАЛАМИ

«Сначала были неформалы» — так могло бы начинаться жизнеописание негосударственных структур в нашей стране. Действительно, многие ныне существующие общественные организации начинали свою деятельность как неформальные. Более того, некоторые из них рождались и первые годы функционировали в условиях подполья. Можно по-разному относиться к ним, но именно тот, «неформальный» период их деятельности стал своеобразной социальной экспертизой их жизнеспособности.

Впрочем, нашей истории известны примеры, когда общественные организации рождались по «инициативе сверху». Конечно, такой социальный фантом, как общество борьбы за трезвость, трудно причислить к неформальным. Рожденное на кончике бюрократического пера, оно не прошло социальный тест на выживание и взамен

общественного признания не получило ничего, кроме штатного расписания, материальной базы и статистической отчетности.

Фантазмагоричность нынешней ситуации состоит в том, что многие весьма респектабельные общественные организации оказались ныне, строго говоря, неформальными. Прежде всего это относится к всесоюзным организациям, поскольку до настоящего времени просто не существует нормативного акта, регулирующего их деятельность: все законодательство об общественных формированиях сконцентрировано на уровне союзных республик. Самый наглядный пример — КПСС. Объединяющая около двадцати миллионов человек, ворочающая миллиардными суммами, обладающая колоссальной недвижимостью, партия после пересмотра пресловутой шестой статьи Конституции СССР не только лишилась официального закрепления ее роли в обществе и государстве, но и оказалась одной из многих политических партий, чей правовой статус совершенно не определен.

Таковы последствия десятилетий господства партократии, подменившей собой государство и всецело распоряжавшейся, в частности, судьбами общественных организаций. Какими государственными органами было санкционировано создание, например, Союза писателей СССР и целого ряда других всесоюзных общественных организаций? Обычно вполне достаточно было соответствующего постановления ЦК. И никаких проблем не возникало, так как все общественные организации, как, впрочем, и государственные, были лишь «рычагами», «приводными ремнями», «зубчатыми колесами», соединяющими «руководящую и направляющую силу» с тем самым народом, именем которого приводилась в движение вся эта махина.

Ныне проблемы возникают. И немалые. На авансцену общественной жизни выступают все новые и новые политические партии, народные фронты, ассоциации избирателей, многочисленные фонды, предвыборные блоки и платформы, претендующие если не на власть, то уж, во всяком случае, на участие в ее осуществлении и непременно на права юридического лица. Так появившийся вслед за скромным социалистическим плюрализмом мнений реальный политический плюрализм диктует государству свои условия возрождения гражданского общества.

Иными словами, Закон об общественных организациях — это та самая «ложка», без которой немислим «обед» многопартийности в условиях формирующегося правового государства.

К СВОБОДЕ СОЮЗОВ

Официальный законопроект именуется почти так же, как и наш, альтернативный. Отличие в тех трех словах, что предусмотрительно заключены в скобки: «О свободе союзов». Мы, авторы, убеждены, что для названия закона вполне достаточно этих трех слов. И все-таки мы их прячем в скобки, дабы не создалось в натренированном бюрократическими играми мозгу впечатления, будто речь идет о каком-то совершенно другом законе, подготовка которого, естественно, не запланирована и, следовательно, не заслуживает внимания.

Есть, разумеется, и более важные, концептуальные, а не только «противоаппаратные» причины. Дело в том, что свобода союзов — более широкое понятие, чем право на объединение. Она предполагает не только свободу организации общественных формирований, но и свободу их деятельности. Так почему же один из важнейших

демократических институтов должен быть сведен к праву на объединение в конкретные виды общественных организаций, и только?!

Есть и еще аргументы. Напомню, что именно о свободе ассоциаций говорится в международных пактах о правах человека. Именно свобода союзов была в числе политических требований программы-минимум, выдвинутой РСДРП. Именно о ней говорилось и в царском манифесте 17 октября 1905 года, появившемся на волне революционных событий. Наконец, одним из первых актов Временного правительства стало постановление «О собраниях и союзах», которым устанавливалось, что все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам.

Словом, у свободы союзов в нашей стране богатое прошлое. Есть основание обеспечить ей узаконенное будущее.

Но о каких союзах должна пойти речь в Законе? Возможны два принципиально различных подхода к правовому регулированию организации и деятельности общественных формирований. Можно создать один универсальный закон, ставящий в равные условия партии и профсоюзы, народные фронты и благотворительные фонды и т. д. и переносящий регулирование специфических проблем прежде всего в уставы соответствующих союзов.

Другой путь — постепенное оснащение общества богатым ассортиментом специализированных законов — о политических партиях, о народных фронтах, о творческих союзах, о добровольных обществах и т. д. Тем самым законодательство превращается в эдакий супермаркет, где есть сорок видов одного и того же товара, а право творчество ставится на поток. В результате можно предположить появление множества законов-близнецов. Не исключено, что за ними последуют типовые уставы для различных видов общественных организаций. Так, специализация приведет, как это ни удивительно, к уравниловке, к подгонке рожденных социальным творчеством союзов под единые бюрократические стандарты.

Мы избрали иной путь. Решившись разрабатывать именно универсальный закон о свободе союзов, мы исходили из того, что он должен открывать дорогу к легальному формированию гражданского общества, а не делить общественные организации на массовые и немассовые, формальные и неформальные, «наши» и «не наши». По нашему замыслу, он должен предоставить всем союзам равные правовые возможности для организации и деятельности, а не создавать тепличные условия для одних структур и «уличные» (в прямом и переносном смысле) — для других. Пусть хотя бы приблизительно равными будут стартовые условия, а уж дальше общественно-политическая практика определит, кто станет реальной политической силой, а кто сойдет со сцены общественной жизни навсегда.

Конечно, универсальность в нашем проекте не безгранична. Под союзами здесь понимаются основанные на добровольном членстве самоуправляемые организации, преследующие цели, определенные в их зарегистрированных уставах. Сюда относятся политические партии, массовые движения, профессиональные союзы, молодежные, женские, ветеранские организации, фонды, ассоциации, добровольные общества, творческие союзы и другие организации, основанные на общности интересов их членов. Есть, разумеется, и исключения. Так, Закон не должен распространяться на те негосударственные организации, чья деятельность нацелена преимуще-

ственно на извлечение прибыли. Не сделай мы этой оговорки в проекте, не миновать бы противоречий с законами о кооперации, о собственности и другими.

Из сферы действия будущего Закона наш авторский коллектив предлагает исключить и самодеятельные общественные организации. Идея состоит в следующем: если подобные формирования не претендуют на права юридического лица, на участие в осуществлении государственной власти, на пользование государственным имуществом и участками земли, то их деятельность вполне может регулироваться актами республиканских и местных Советов, если те, конечно, увидят в том необходимость. Иными словами, предусмотрена возможность для желающих остаться неформалами существовать легально.

ВСЕ, ЧТО НЕ РАЗРЕШЕНО...

Семь десятилетий наша правовая система существовала под лозунгом «Все, что не разрешено, запрещено; но то, что разрешено, обязательно!» Таков главный принцип административно-командного законодательства. Классический догмат правового государства, как известно, прямо противоположный. На основе какого же из этих двух принципов строить законопроект?

Для создателей обоих — официального и альтернативного — проектов данный вопрос был ясен изначально. И каждый выбрал тот принцип, который казался более справедливым. Вот почему в официальном проекте дается длинный перечень целей, которые дозволяется преследовать общественным организациям, а в нашем, напротив, — краткий список запрещенных.

Для нас очевидно, что за союзами должна быть признана свобода в определении уставных целей и задач наряду с полной самостоятельностью в выработке принципов организации своей деятельности, установлении системы своих органов, форм и методов работы. Отсюда, однако, не следует пресловутая вседозволенность. Исходя из международных обязательств Советского Союза и конституционных норм, мы зафиксировали недопустимость создания и деятельности тех союзов, которые имеют целью насильственное изменение конституционного строя, насильственное нарушение единства территории СССР, союзных и автономных республик, разжигание расовой, национальной, религиозной, классовой нетерпимости и розни, посягательство на права, свободы и законные интересы граждан, совершение иных уголовно наказуемых деяний.

Впрочем, запрет касается не только целей. Мы убеждены в необходимости предохранить нарождающееся гражданское общество от возникновения тайных, военных и военизированных организаций. Вот почему в проекте зафиксировано, что деятельность союзов является гласной, а информация о съездах, конференциях, работе выборных органов, принимаемых решениях, поступлении и расходовании финансовых средств — общедоступной. Предусмотрены и гарантии против формирования организаций боевиков. Так, общественные союзы не вправе иметь в собственности, приобретать, передавать и хранить огнестрельное и иное оружие, боевую технику, боеприпасы, взрывчатые и отравляющие вещества. Исключение сделано лишь для охотничьего и спортивного оружия.

Следует ли отсюда, что деятельность организаций ДОСААФ вступает в противоречие с положениями проекта? В определенной

степени — да. Думается, что демилитаризация ДОСААФ и его приближение к добровольным спортивным обществам — куда меньшее зло (если вообще можно считать это злом, а не благом), нежели формирование военизированных организаций при, например, политических партиях, массовых движениях, патриотических объединениях. Идеология многопартийности и политического плюрализма заставляет многое пересматривать.

Создание тайных, военных и военизированных организаций рассматривается в проекте как один из видов злоупотребления свободой союзов. Есть и другие виды: создание фиктивных организаций наподобие бендеровских «Рогов и копыт»; уклонение от регистрации устава; занятие деятельностью, не соответствующей зарегистрированному уставу; продолжение деятельности союза после решения о ее прекращении. Данное перечисление нужно в союзном Законе, чтобы обратить внимание республиканских законодателей на те составы правонарушений, которые должны получить отражение в уголовных и административных кодексах.

«ПОД СОБОЮ НЕ ЧУЯ СТРАНЫ...»

Именно так, в полном согласии с гениальным мандельштамовским откровением долгие десятилетия жили советские люди, объединяемые по воле властей предержащих в общественные организации. Гражданское общество было полностью подавлено махиной партии-государства. Вот почему так важно сейчас создать правовые гарантии невмешательства государства и его органов в законную деятельность союзов. Вполне достаточно оставить за соответствующими государственными органами право контроля и надзора. Согласно нашему проекту, органы юстиции и исполкомы местных Советов должны следить за тем, чтобы деятельность союзов соответствовала зарегистрированным уставам, а уставы — Закону; прокуратура — за соблюдением законности; налоговая инспекция — за правильностью уплаты налогов.

Правда, мы знаем, что право контроля может быть легко и быстро превращено в право диктата и опеки. Вот почему в проекте проявлена осторожность при формулировании конкретных полномочий контролирующих органов. Так, орган, зарегистрировавший устав союза, может требовать от руководства общественного объединения представления принятых решений и направлять своего представителя для участия в заседаниях и других мероприятиях в качестве наблюдателя.

Хотя общественным организациям Конституцией СССР гарантируются условия для успешного выполнения ими своих уставных задач, однако эта норма в значительной степени декларативна. Стремясь наполнить ее конкретным содержанием, мы предлагаем признать за союзами некоторые преимущественные права на использование принадлежащих государству зданий, сооружений и другого имущества, а также земельных участков. Важно закрепить и такую норму: вопросы, затрагивающие интересы союзов и их членов, решаются с участием или с предварительного согласия соответствующих общественных формирований.

Не в меньшей степени, чем союзам, нужны гарантии невмешательства и самому государству. Особенно в условиях многопартийности. Легко представить, во что превратится промышленное предприятие, если его коллектив будет «осваивать новые рубежи

в свете решений» всех существующих партий. Отсюда не следует, что на том же предприятии не могут создаваться первичные организации политических партий и связанных с ними объединений. Другое дело, что никакие союзы не должны вмешиваться в дела администрации. Вот почему в проекте записано: «Деятельность государственных предприятий, организаций и учреждений не может зависеть от решений политических партий и связанных с ними общественных объединений (союзов) граждан».

Особо о деятельности общественных объединений в армии, КГБ и правоохранительных органах. Как важнейшие инструменты государственной власти они должны быть полностью деполитизированы и ответственны исключительно перед Законом. Вот почему так важно оградить эти организации от влияния каких-либо политических партий, могущих использовать свои «первички» в частях и подразделениях, в отделениях милиции и народных судах для реализации узкопартийных интересов, более того, для захвата и узурпации власти. Эти соображения заставили нас записать в проекте: «Не допускается деятельность политических партий и связанных с ними общественных объединений (союзов) граждан в Вооруженных Силах СССР, органах Комитета государственной безопасности СССР, Министерства внутренних дел СССР, прокуратуры, суда и арбитража». Думаю, что перечень этот со временем может увеличиться, отражая постепенную деполитизацию государственного аппарата.

РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК В УСТАВЕ

Родителями, а точнее, учредителями общественных союзов могут быть только граждане СССР. Так записано в нашем проекте. Официальный вариант на первый взгляд может показаться демократичнее, поскольку не закрывает дорогу в учредители государственным и общественным органам, трудовым коллективам, предприятиям, учреждениям и организациям. Но как же можно было забыть, что право на объединение Конституция СССР гарантирует гражданам, а не органам и коллективам, и что сами общественные организации — объединения граждан, а не предприятий и учреждений?!

Наша позиция исходит из недопустимости смешения государства и гражданского общества. Кроме того, мы учитываем, что государственные органы всегда создают общественные организации в своих собственных интересах, а расплачиваются за ведомственные изобретения не чиновники, а налогоплательщики. И я не сомневаюсь, что, появившись Закон об общественных организациях несколькими годами раньше, не миновать учреждения всесоюзного общества друзей мелиорации.

Идея отделения государства от гражданского общества проявилась в нашем проекте и в вопросе о членстве. Памятуя печальный опыт недалекого прошлого, мы предусмотрели, что членство в том или ином общественном союзе не может быть условием приобретения гражданином каких-либо особых прав, привилегий или льгот, служить основанием для занятия должностей в государственном аппарате. Но, как известно, помимо привилегированных организаций есть и «неудобные». Вот почему мы записали в проекте: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, ущемление

МИТИНГ — В РАМКИ ЗАКОНА

Собрания, митинги, демонстрации все больше становятся повседневным, привычным явлением. Отсюда настоятельная необходимость четкой правовой регламентации порядка их проведения.

Раньше, когда демонстрации бывали лишь на майские и ноябрьские праздники, а собрания и митинги «общественности» проводились отнюдь не по ее инициативе, вполне хватало норм Конституции. Статья 50 Основного Закона СССР закрепляет, что в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируется свобода собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, использование которой (согласно статье 39) не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан. Аналогичные статьи имеются и в конституциях союзных республик. Но перестройка, расковав активность народа, выявила недостаточность подобного регулирования. Первыми восполнять пробелы начали местные органы. Принятые многими краевыми, областными и городскими исполкомами правила проведения собраний, митингов и демонстраций вызвали много справедливых нареканий как с формально-юридической точки зрения (недопустимо, когда на местном уровне определяется порядок осуществления закрепленных в Конституции политических свобод), так и по содержанию.

Потом появился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР». Он тоже весьма далек от совершенства, хотя даже такой правовой акт лучше, чем никакого. Однако Комитет Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка счел данный Указ не соответствующим Конституции СССР. Следовательно, вполне вероятно, что он будет заменен новым нормативным актом. В связи с этим хотелось бы остановиться на некоторых положениях, которые, по моему мнению, в нем необходимо отразить.

Прежде всего форма правового акта. Естественно, это будет закон. И называться он должен не «О порядке организации и проведения...», а (в соответствии с Конституцией) «О свободе собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР».

В законе необходимо четко определить понятия «собрание», «митинг», «уличное шествие», «демонстрация». Вопрос этот не праздный, поскольку эти мероприятия осуществляются не в безвоздушном пространстве, а, как правило, в тесном соприкосновении с другими людьми, к ним не причастными.

Например, считать ли митингом пикеты социальной защиты студентов университета вокруг здания музея им. В. И. Вернадского или одинокого мужчину с плакатом, призывающим голосовать за Б. Ельцина. Образуют ли «собрание» самодеятельные художники, расписывающие торец здания, или девушки-студентки, собирающие подписи под обращением. Пока на эти и подобные вопросы отвечает не закон, а работники исполкомов, сотрудники милиции, прокуратуры и судьи.

Ныне действующий Указ предусматривает, что лица, желающие провести собрание, митинг или демонстрацию, должны получить на это разрешение исполкома местного Совета. Во-первых, это противоречит Конституции СССР, которая закрепляет лишь одно ограничение данной политической свободы — соответствие интересам народа и целям укрепления и развития социалистического строя. Во-вторых, представим себе, что готовится митинг, подобный тем, которые уже прошли в ряде городов против первых секретарей обкомов партии или против руководителей исполкома. Разрешит ли его исполком?

Часто под запрет для проведения митингов попадают в городе все мало-мальски приспособленные для массовых мероприятий места. Подобный «запретительный уклон» может привести к пагубным последствиям. Народный депутат А. Собчак в докладе о событиях в Тбилиси 9 апреля 1989 года на II Съезде народных депутатов СССР отмечал, что в предшествующие трагедии месяцы проведение несанкционированных митингов стало общим правилом в республике во многом из-за того, что власти не давали санкций на их проведение. Не в этом ли одна из причин тяжких последствий?

Необходимо от разрешительного порядка проведения мероприятий перейти к уведомительному. И уведомления эти направлять в органы внутренних дел, так как именно они отвечают за поддержание общественного порядка.

К сожалению, не все митинги и демонстрации проходят без эксцессов. Поэтому закон должен сказать и о способах поддержания общественного порядка. Начнем с того, что понятие «общественный порядок» определено только в учебной и научной юридической литературе. Ни один нормативный акт не раскрывает его смысла. Представляется, что запрещаться могут только те действия, которые представляют опасность для жизни и здоровья людей.

При разработке нового закона целесообразно использовать опыт правового регулирования поддержания общественного порядка при аналогичных мероприятиях в странах буржуазной демократии. Например, Закон ФРГ о собраниях и демонстрациях возлагает эту обязанность на организаторов мероприятия. При этом они имеют право приостановить мероприятие, потребовать удалиться лицо, нарушающее общественный порядок. И только в крайнем случае организаторы прибегают к помощи представителей полиции, присутствующих тут же.

Некоторый опыт в этом плане дала и прошедшая кампания по выборам народных депутатов. Представители многих неформальных групп успешно обеспечивали порядок на многолюдных предвыборных собраниях и митингах.

Закон должен четко определить и основания запрещения митинга, собрания, демонстрации. Сейчас действующий Указ фактически ставит это в зависимость от усмотрения исполкома.

Считаю, что митинг или демонстрация могут быть запрещены: при отсутствии письменного уведомления о проведении мероприятия; при наличии угрозы общественному порядку и безопасности людей; в случае совершения участниками мероприятия действий, нарушающих уголовный закон (ношение оружия и предметов, которые могут быть использованы для причинения ущерба здоровью граждан; пропаганда войны; призывы к расовой и национальной розни, к насильственному свержению или изменению советского го-

сударственного и общественного строя, к совершению преступлений против государства; разглашение государственной, военной тайны и тайны личной жизни; организация массовых беспорядков; сопротивление работнику милиции или народному дружиннику).

Перечень оснований для запрещения митинга (причем исчерпывающий) должен содержаться в самом законе, а меры наказания за эти действия, как известно, предусмотрены уголовным законодательством.

Необходимо определить и процедуру наложения запрета (кроме случаев массовых беспорядков, драк и т. д., когда требуются немедленные действия). Предлагаю такую процедуру: устное указание организатору ответственным сотрудником органов внутренних дел и предоставление времени на его выполнение. В случае невыполнения — обращение непосредственно к участникам и предоставление времени на выполнение нового требования. После этого применение специальных средств.

Что же касается специальных средств, то перечень их и условия применения должны быть определены законом. То есть таким актом, который принимается коллегиально, демократическим путем и доступен для ознакомления каждому гражданину. Таким законом, по моему мнению, может быть Закон СССР о правах и обязанностях советской милиции, который должен заменить устаревший ныне Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года. Иначе получается парадокс: наряды патрульно-постовой службы на виду у всех граждан ходят по городу с резиновыми дубинками, а когда эти дубинки могут применяться, знают только они сами.

И последнее: свобода собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций является выражением коллективного мнения граждан и их объединений по вопросам, представляющим общественный интерес. Одновременно это форма участия граждан в управлении государственными и общественными делами. И, наконец, собрания, митинги, демонстрации являются формой обратной связи между населением и органами государственной власти и управления, благодаря которой определяется соответствие принимаемых этими органами решений интересам и потребностям населения. Поэтому большое значение приобретают решения, резолюции, петиции, принимаемые на данных мероприятиях и направляемые компетентным органам. Закон должен предусмотреть обязательность и порядок их рассмотрения.

Ю. ДМИТРИЕВ,
юрист

В ЦЕПКИХ ПУТАХ ПРИКАЗОВ

Каким быть новому Закону о школе

Время обострило противоборство между «приказоинструкциеманией» в лице бюрократии и демократией в лице властвования законов. Законов разных. Важных. Сложных. Закон как гарант во все времена был особенно нужен просветительству. Наше время не исключение. Ибо ныне действующие Основы законодательства о народном образовании, принятые в 1973 году, состоят из малоопределенных принципов и некоторых структур без правовых механизмов их реализации. Не случайно наше народное образование шарахается из одного безрезультатного нововведения к другому. Вот почему мы не можем ограничиваться лишь старыми Основами. Перестройка — это не усовершенствование, а ломка старых стереотипов и создание новой, высшей модели. Сегодня школа, как и многие другие общественные институты, не может жить по старой схеме, которая узаконивает единообразные уроки, методы и приемы их ведения, однообразное учебное содержание. Этим просвещенческим стереотипом как универсальным инструментом школа десятилетиями обобщает похожие явления, не замечая, что содержание образования не согласуется с тем, что дети видят и понимают расхождения школьных программ с жизнью. И все это происходит во многом потому, что нет правовых ориентиров борьбы против запрограммированности школы, против канцелярского подчинения миллионов работников просвещения должностным лицам.

Перечень проблем объемён. Поэтому, кроме новых союзных Основ законодательства о народном образовании, нужны кодексы союзных и автономных республик. Прежде всего спешу сказать о том, что в законодательстве необходимо определить признаки общественно опасных административно-управленческих и профессиональных действий в народном образовании, как это сделано для врачей, строителей. Ведь в стране немало самоубийств учащихся, а ответчика перед законом нет. Даже приказ по школе о том, что никто не имеет права оглашать любое обвинение школьнику публично, не установив предварительно вины и не получив на то согласия первичного коллектива, вызвал недоумение начальства. Где уж тут говорить об укреплении нравственного, психического здоровья учащихся, что является приоритетом народного образования всего цивилизованного мира. Не сориентирован на это и учебный процесс. Достаточно сказать, что в 106 программах по 22 предметам на одну детскую голову чиновники ввели 880 тысяч «учебных единиц». Такой объем малоценного в большинстве своем материала создает непрерывное напряжение, подрывает здоровье миллионов детей. Защищать их должен закон, а не подачки чиновника.

Гуманизация, демократизация школы, сокращение объема программ, внедрение в практику свободного выбора предметов для профильного изучения и сдачи экзаменов, что во многом снимет ежедневные стрессы, должны укреплять здоровье детей. Замечу, что во многих странах эти проблемы нашли свое правовое закрепление. У нас же в народном образовании немало безответственных действий или бездействий, которые наносят огромный вред, хотя они не попадают под категорию общественно опасных деяний и нуждаются в искоренении только правовым способом. Назовем, на наш взгляд, наиболее сложные из них.

За последние годы в стране создано еще три тысячи профориентационных центров, в которых работают более 200 тысяч человек. Школы расходуют на это в месяц 500 тысяч, в год — шесть миллионов рублей. Другой пример. В союзном же действующем учебном плане выделено на 9, 10 и 11 классы вместе по математике и физике 940 уроков, по всем остальным восьми предметам — 960, а по трудовому обучению и воспитанию — 1365 часов, в том числе обучению в УПК, которые из 44 тысяч специальностей знакомят детей едва ли со 100. ПТУ обучают на давно устаревшем оборудовании, и каждый учащийся обходится государству за год в 1660 убыточных рублей. Получается, что вместо установления глубокой связи между экономическим развитием и образованием «в целях профориентации» в школе проводятся 400 часов безрезультативных бесед, экскурсий. На все это расходуются огромные средства, кроме того, создается непрерывное напряжение школьников. Отвечать же сегодня за это некому. Нет закона. В то же время практическая школа давно предлагает взамен систему профильного обучения, обучения результативного, без копейки дополнительных затрат.

До сих пор принято считать, что учеников надо ориентировать на рабочие специальности. Кажется, мы убедились в том, что понижение роли интеллигентного человека ведет к падению культуры общества в целом, пагубно сказывается на духовном, социально-экономическом и научно-техническом развитии всей нации. Потому, думается, в Основах законодательства о народном образовании необходимо подчеркнуть как очередную задачу формирование интеллигентной, мыслящей личности. Интеллигентность должна быть качеством и учителя, и школьника, и системной характеристикой всего просвещения. Пока же мы продолжаем держать школьника под прессом лишь как объект воздействия, не учитываем его изменившейся сути, новых целей жизни, не признаем его устремлений и ценностных ориентаций. А все это и привело школу к ложному ориентированию на детский коллектив, а не на личность. Постоянное развитие концепции о школьнике должно стать одной из целей народного образования.

Еще примеры. Все осложнения в школе происходят от безответственности за педагогические «открытия». Сегодня невозможно установить авторов «новинок» круглосуточного «воспитания» детей в садах, превращения школ в интернаты, многих и многих «методов» обучения, а на деле отлучения детей от школы, виновных за утверждение четырех тысяч диссертаций о школьном комсомоле, диссертаций, которые до сих пор оплачиваются из народной казны и никак не улучшили деятельность школьного комсомола и пионерии. Так же, как и за долгие годы реформы, школа не становится прогрессивней, она продолжает изучать только вчерашний опыт, отра-

жает только старые интересы. На это ориентируют действующие Основы о народном образовании. Школа же должна быть действующей моделью будущего общества. Только тогда она сможет формировать поколения для новой жизни, а не приучать их к терпимости, к новым формам повтора демагогии, застывших догм. Именно исходя из этого, многие западные страны в законодательном порядке обязывают школу опережать время, быть моделью будущего. Не случайно американская школа ввела такие учебные предметы, как «Новое мышление, мир и американцы в 21-м веке», «Математика и экономическое выживание американцев в 21-м веке» и т. д.

Поэтому мы убеждены, что в задачи школы должно войти и формирование нового мышления учащихся. Но формировать его можно, только будучи учителем творческим. Пока же он, что называется, с ног до головы опутан инструкциями, приказами. Только 4800 из них прошли через союзно-республиканские бюллетени. На местах их позиции повторили еще десятки тысяч приказов и распоряжений о том, что запрещается. Учитель не имеет права отходить от омертвелого учебного плана и должен опираться лишь на педагогические догмы.

Так школа свыклась с тем, что она являет собой конвейер, где все идет по строгим предписаниям. Если же кто из учителей отступает от них, то тут же появляется «стража» — школьная администрация, инспекции из всех этажей наробразовательного корпуса.

При подобном положении руководитель школы является лишь исполнителем режимного чертежа вышестоящего исполнителя. Все «новинки» идут до сих пор через приказы и инструкции. Так был когда-то спущен приказ: вся школа работает над одной методической темой или организационным делом пять лет. Пять. Ни меньше, ни больше! И «работали» и «работают». А наробразовательный аппарат «анализирует»: «В школе № 1 все работают по одной теме, а в школе № 2 по теме нет педчтений, конференций...» И все это без учета затраченных сил и времени учителей, школьников, родителей, без конкретного анализа результатов.

Сложившаяся юридическая незащищенность профессиональной деятельности учителя постоянно возвращает нас к трудной мысли о правах учителя, школы. У нас нет ни одного документа, который бы определял права учителя по отношению к ученику и нормы и границы профессиональной деятельности. Вот почему в новых Основах законодательства о народном образовании необходимо хоть одной статьей ограничить нашествие приказов и инструкций, обуздать дух приказного запретительства. Ибо правовое понимание себя как просто «что хочу, то и приказываю» является старым догматическим подходом, тормозящим движение вперед, поощряющим уравниловку, когда господствует принцип: будь как все.

Для сравнения скажу, что в английском парламенте ежегодно слушается доклад «Лучшие школы Великобритании», а в законе о школах имеется специальная статья об ответственности за школу, начиная от полицейского до министра. Мы же, наоборот, твердим одно — не высывайся. Вот и остаются у нас новаторы без правовой защищенности. Каждый образованный человек понимает, что новаторство — антитеза рутинерства и уже известных малоэффективных средств. Однако анализ новых идей и практических дел требует не только научной фундаментальности, но и правовой обо-

снованности и ответственности должностных лиц из органов народного образования и педнауки за создание передового опыта. Пока же против новаторов и новаторства ведется открытая и жестокая борьба.

У нас существует Всесоюзное агентство по авторским правам, Государственный Комитет по делам изобретений и открытий. Но не припомню случая регистрации педагогических моделей авторских школ. Мы не были бы первыми, если признали педагогическое авторство, но вошли бы в строй лучших мировых законодателей. Да, защита педагогической инициативы нужна, ибо административные цензоры, лозунгодатели, «мероприятийные» мужи без правовой и экономической ответственности не станут обобщать живое творчество.

Еще ряд соображений по поводу будущих Основ. В них предполагают оставить принцип: «Советский характер образования». Здесь, видимо, не будет слов «исключающий влияние религии». Однако этого мало. Мы опять делаем вид, что ничего не видим, ничего не слышим, когда вокруг нас создаются воскресные церковные школы. Педагогические коллективы на свой риск вводят новый предмет «Милосердие» с изучением религии. Между тем правовые отношения школы и церкви совершенно не определены.

В Основах нужны не только принципы, но и основные нормы, регулирующие общественные отношения в народном образовании. К такому порядку, полагаем, нужно отнести, например, районные комиссии по делам несовершеннолетних, которые насильственно направляют школьников в спецучреждения МВД СССР без признания вины их судом. Решение же комиссии может быть обжаловано не в суде, а в том же исполкоме райсовета народных депутатов.

В перечне общественных отношений в народном образовании необходимо законодательно закрепить такие позиции, как:

- признание и определение прав учителей на объединение в различные организации, ассоциации в конституционных пределах;

- право школьников бесплатно пользоваться не только учебниками, но и государственными и общественными фондами культуры, способствующими их духовному росту;

- закрепление в законах союзных республик о народном образовании концепции национальной школы с учетом союзных потребностей;

- право учащихся осуществлять любые свои требования демократическим путем, право создавать коалиции, вступать в альтернативные молодежные организации, зарегистрированные в установленном порядке.

Сегодня в законе должен содержаться ответ и на такой, к примеру, вопрос: почему не разрешается создание оплачиваемой родителями школы, школы полного дня? Это же способ качественного скачка нации, способ ее интеллектуального взрыва. Только в Сокольническом районе г. Москвы несколько тысяч родителей, желающих полностью оплачивать обучение и подлинное воспитание своих детей. Уверен, что придут в такую школу люди, которые сумеют организовать обучение и развитие детей в свете самых современных требований. Сократится рост правонарушений, государство получит немалую сумму общественного финансирования.

Но мы опять боимся чего-то и кого-то, опять занимаемся подтасовкой типа: зачем нам социальная селекция, мы же не японцы,

лучше жить с уравниловкой. Хотя будущее за той нацией, у которой больше талантов, которая будет умнее работать.

Еще ряд вопросов, которые ждут решения. В частности, закон должен защищать профессиональный плюрализм, обеспечить альтернативную общественную экспертизу педагогических идей.

Почему один из родителей не имеет права в первые 9 лет учебы ребенка прервать свою трудовую деятельность или сделать это в критических для ребенка ситуациях и не потерять при этом трудового стажа? Почему арбитражное производство не распространяется на сферу интеллектуальной собственности? Почему, как в целом ряде стран, не вводится категория — педагогический советник первого класса и т. д.? Какими полномочиями обладают ассоциации и союзы учителей, ученых, какую они могут иметь нормативно-правовую структуру, каков порядок их финансирования по отношению к АПН СССР, вузовской науке, на основе какого права они могут заниматься инвентаризацией и оценкой научных исследований?

Как в законе будет определена ответственность за разделение административных функций и функций руководства творчеством учителя, ученика, функций государственного контроля и общественного контроля? Здесь не должны приниматься во внимание возражения типа: закон не методическое письмо, все это надо делать обращениями, речами, трибунным способом, с помощью телефона, инструкторско-рассыльного корпуса. Но это уже было и завело народное образование в глубокий кризис.

Закон о народном образовании должен быть таким, чтобы пресечь практику, когда работает должность, а не личность, когда директивы и оценки даются каждым на уровне его ретивости. Закон должен быть един, а механизмы его реализации — творческими.

В. ХАДАЕВ,

директор экспериментальной средней школы № 315 АПН СССР
г. Москвы, заслуженный учитель школы РСФСР

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

Если купец, взяв товары или деньги в кредит, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то нельзя сделать ему какое-либо насилие или продать его в рабство, но необходимо позволить ему рассрочку платежа на несколько лет, потому что это несчастье от бога, а он не виноват в нем. Если же купец вверенный ему товар или пропьет, или проиграет, или испортит по глупости, то доверители поступают с ним как им угодно; хотят — ждут, хотят — продадут в рабство, на то их воля.

**Русская Правда,
Пространная редакция
(вторая половина XI — начало XII вв.)**

ВОКРУГ ОПРОВЕРЖЕНИЯ В ПРЕССЕ

Трудно и неоднозначно развивается перестройка, но есть у нее и неоспоримые завоевания. Одно из них — гласность, мощным инструментом которой являются средства массовой информации. Пресса сегодня — в авангарде перестройки. И вполне понятно, что в ее адрес высказываются не только слова благодарности, но и серьезные нарекания. Ибо словом своим пресса может поднять на добрые дела, защитить обиженного, помочь восторжествовать справедливости. Но может разжечь и вражду и ненависть.

Пресса — острое оружие. И потому журналисты должны ответственно подходить к каждой, особенно критической, публикации, тщательно проверять каждый факт, взвешивать каждое слово, чтобы не опорочить незаслуженно ни один коллектив, ни одного человека.

Это теоретически. А как обстоят дела на практике? С таким вопросом наши корреспонденты обратились к председателю Свердловского районного народного суда города Москвы **Лидии Васильевне ГЛЕБОВОЙ**.

Корр. Лидия Васильевна, как часто вашему суду приходится рассматривать дела о защите чести и достоинства в связи с публикациями в прессе?

Л. Глебова. Пожалуй, мы в этом плане стали своего рода рекордсменами. Ведь на территории Свердловского района Москвы расположено более 40 редакций газет и журналов. А так как иск предъявляется по месту нахождения ответчика, дела по статье 7 Гражданского кодекса РСФСР в производстве нашего суда есть постоянно. Причем в последние годы количество подобных дел увеличилось. Если, скажем, в 1985 году в нашем суде было рассмотрено всего 4 дела по искам граждан к редакциям газет и журналов о защите чести и достоинства, то в 1986-м — 6, в 1987-м — 35, в 1988-м — 55. В 1989 году в суд поступило 60 подобных исковых заявлений. Наиболее часто иски предъявлялись к редакциям «Социалистической индустрии», «Советской культуры», «Советской России», «Правды», «Огонька», «Журналиста», «Крокодила». Связано это, думаю, с возросшей активностью печати, усилением ее критической направленности. Некоторым это приходится не по вкусу. Бывает, что и журналисты не совсем взвешенно подходят к изложению материала, допускают голословные обвинения. Отсюда и споры.

Корр. И с какими правовыми проблемами Вы сталкиваетесь при рассмотрении подобных дел?

Л. Глебова. Как ни странно, основные проблемы не юридического, а, я бы сказала, нравственного характера. Чаще всего это выражается в отношении редакции к своим процессуальным обязанностям. Представитель ответчика, например, может не являться на собеседование к судье. А объяснение на иск — нередко отписка в чи-

сто эмоциональном духе: дескать, истец такой-сякой, нехороший, что же тут еще доказывать?! Назначаешь дело к слушанию, вызываешь повестками истца и ответчика, а в судебном заседании представитель редакции просит отложить рассмотрение дела, так как автор статьи то находится в командировке, то болен. В результате рассмотрение дела затягивается на неопределенный срок, что вызывает вполне законное возмущение истцов. Они ведь, как правило, иногородние.

По закону доказывать факт соответствия порочащих сведений действительности должен ответчик, то есть автор и редакция. Они же стремятся переложить бремя доказывания на суд. Заявляют ходатайства с просьбой выяснить то или иное обстоятельство, запросить тот или иной документ. У истцов же в таких случаях возникает сомнение в беспристрастности суда, отсюда многочисленные жалобы на то, что судья заранее принимает сторону редакции, ходатайства об его отводе. Иногда вообще думаешь: на основе чего же была написана статья? Автор не может даже указать документы, какие следует запросить, вспомнить фамилии лиц, с которыми разговаривал. Порой сразу бросается в глаза тенденциозность публикации. Побеседовал журналист с двумя-тремя «обиженными» (а то и с одним) и встал на их позицию. А ведь необходим объективный анализ ситуации.

В еженедельнике «Собеседник» была опубликована статья «Крылья для бюрократа», посвященная работе службы бортпроводников аэропорта «Домодедово». В публикации говорилось, что в последнее время число бортпроводников сократилось, а число руководителей, наоборот, увеличилось, возросла и их зарплата, в то время как бортпроводники потеряли в заработке, лишились премий. Все это автор ставил в вину начальнику службы бортпроводников, которую он представил как руководителя, причиняющего ущерб и государственным интересам, и интересам подчиненных, противника перестройки (статья была опубликована под рубрикой «Перестройка: кто против?»). В ходе судебного разбирательства ни один из фактов, приведенных в статье, не подтвердился. Автор голословно опорочил человека. Редакция признала иск, опубликовала опровержение. И более того, отказалась от дальнейшего сотрудничества с автором, расторгнув с ним трудовой договор.

Корр. Случай весьма поучительный. Но здесь все довольно ясно. А как быть в такой ситуации? В 1970 году трое граждан были осуждены за совершенные ими преступления. В том же году газета «Известия» опубликовала серию статей по материалам этого уголовного дела. А в 1976 году Пленум Верховного суда УССР приговор отменил за недоказанностью вины осужденных. И они, естественно, обратились в суд с иском к газете о защите чести и достоинства. Суд в иске отказал, сославшись на то, что в период публикации статей факты, приведенные в них, соответствовали приговору и автор, и редакция не могли предвидеть, что спустя шесть лет приговор будет отменен. Как Вы относитесь к такому решению?

Л. Глебова. Мне кажется, что в данном случае суд поступил неправильно. Речь-то идет не о добросовестности или недобросовестности автора, а о восстановлении доброго имени человека.

У нас было похожее дело. Гражданин А. в феврале 1986 года был осужден за хищение государственного имущества в особо крупных размерах и за получение взятки. Его приговорили к 15 годам лишения свободы. В сентябре 1986 года в «Правде» появилась ста-

тъя «Самый большой дефицит», где А. характеризовался как взяточник и мошенник, барин и нахал. Однако уже в июле 1986 года по кассационной жалобе приговор в отношении А. был отменен и дело направлено на новое рассмотрение. Верховный суд Якутской АССР в октябре 1986 года направил дело на доследование, и в августе 1987 года оно было прекращено за отсутствием события и состава преступления. В январе 1988 года А. обратился в суд с иском заявлением о защите чести и достоинства. Автор и редакция иск не признали, ссылаясь на то, что, давая в статье характеристику А., они основывались на данных приговора и не знали, что он отменен и дело направлено на новое рассмотрение. Суд счел эти доводы неосновательными, удовлетворил иск А. и обязал редакцию опубликовать опровержение с сообщением о том, что содержащаяся в статье характеристика А. и оскорбительные выражения в его адрес не соответствуют действительности.

Корр. Лидия Васильевна, просматривая дела по статье 7 ГК РСФСР, мы обратили внимание на то, что иски о защите чести и достоинства предъявляются порой спустя несколько лет после появления публикаций. Это же, несомненно, затрудняет рассмотрение дела. Ведь документы, подтверждающие те или иные оспариваемые факты, не могут храниться бесконечно долго, свидетелям свойственно забывать отдельные детали и обстоятельства.

Л. Глебова. Полностью с вами согласна. Думаю, следует распространить на дела о защите чести и достоинства общий трехлетний срок исковой давности, по истечении которого гражданин утрачивал бы право на предъявление иска.

Корр. Но тогда упомянутые в нашем разговоре трое осужденных, о которых писали «Известия», не смогли бы в судебном порядке потребовать опровержения. Ведь приговор в отношении них был отменен спустя шесть лет после публикации.

Л. Глебова. Вовсе нет. В таких случаях у суда есть все основания для восстановления срока исковой давности, так как он пропущен по уважительной причине. Хочу обратить внимание еще вот на какой момент. Порой журналисты, в основном правильно критикуя того или иного человека, не слишком заботятся о точности обвинений, наряду с проверенными фактами выносят на газетную или журнальную полосу свои домыслы и предположения. В результате у «героя» публикации возникает право на опровержение. Приведу конкретный пример.

Газета «Сельская жизнь» дважды рассказывала о гражданине Ш., который в течение ряда лет писал в различные инстанции жалобы на недостатки в работе одного из опытно-производственных хозяйств Северо-Осетинской АССР, где он раньше работал заведующим зерновым складом, а затем был уволен в связи с утратой доверия. В статьях говорилось, что Ш. «оптом и в розницу клеймил руководителей ОПХ, обвиняя их в воровстве, мошенничестве, преследовании за критику и других тяжких грехах». Он характеризовался как неуживчивый, грубый, аморальный человек, о котором отрицательно отзываются все жители поселка. Авторы также писали, что, работая заведующим складом элитных семян, Ш. при скромной зарплате подозрительно быстро обогатился.

В ходе судебного разбирательства все приведенные в статье факты, кроме последнего, подтвердились. Жалобы Ш. неоднократно проверялись прокуратурой, партийными и советскими органами, комитетом народного контроля. Многочисленные комиссии неизменно

приходили к выводу, что в жалобах содержатся либо клеветнические измышления, либо указания на недостатки, по которым ранее уже были приняты меры. Несколько раз проводились сходы жителей поселка, где оценили «деятельность» Ш. как клеветническую и просили больше не рассматривать его жалобы.

Но никаких достоверных доказательств в подтверждение предположения о «подозрительно быстром обогащении» Ш. авторы представить не смогли. И суд вынес решение: обязать редакцию газеты «Сельская жизнь» в течение месяца опубликовать опровержение о том, что сведения в статье «Под маской правдолюбив» об обогащении Ш. в период работы заведующим складом элитных семей не соответствуют действительности. В остальной части иска было отказано.

Корр. Так восстановлены ли честь и достоинство Ш.?

Л. Глебова. В общем-то, конечно, нет. Да ведь и иск удовлетворен лишь частично.

Корр. Разве можно защищать честь по частям? Честь — неделимое понятие. Она либо есть, либо нет, либо восстановлена, либо опорочена. Нам кажется, надо выделить два самостоятельных вида исков: о защите чести и достоинства, когда у человека есть основания требовать полной «реабилитации», и об опровержении тех или иных сведений, содержащихся в публикации. Согласитесь, что многие люди, называя свой иск о защите чести и достоинства, на самом деле просят суд обязать редакцию опровергнуть определенные порочащие их факты.

Л. Глебова. Может, чисто теоретически ваше предложение и заслуживает внимания. Но на практике, думаю, от такого разделения исков мало что изменится.

Корр. Почему же? Иск о защите чести и достоинства предусматривает возможность опровержения только не соответствующих действительности порочащих сведений. А возможны ситуации, когда содержащиеся в публикации сведения не соответствуют действительности, но не порочат человека. Например, ученого назвали кандидатом, а не доктором наук, исковеркали фамилию, имя, отчество человека, ошибочно указали определенные факты его биографии. Заинтересованность гражданина в опровержении подобных сведений очевидна. А правовой механизм отсутствует.

Л. Глебова. Возможно, вы и правы. Бывают и обратные ситуации. Все факты соответствуют действительности, но подобраны и изложены тенденциозно, да и тон статьи совершенно неприемлемый. Мы обычно указываем на это в решении, но никакого опровержения редакция давать в данном случае не обязана.

Корр. А существовал бы иск о защите чести и достоинства в чистом виде, суд мог бы обязать редакцию опубликовать извинение за оскорбительную форму подачи материала.

Теперь вот о чем. Суд вынес решение о необходимости опубликовать опровержение. Насколько добросовестно оно исполняется?

Л. Глебова. Всякое бывает. Напоминаем, требуем, штрафуем редакцию в качестве «высшей меры». В конце концов опровержение появляется.

Корр. Да, но в какой форме?! Вот газета «Советская культура», публикуя решение суда об опровержении, в своем комментарии указывает, что она тем самым лишь «поправляет» допущенные в тексте статьи «досадные неточности». Иногда «комментарий» к опро-

вержению вообще выливается в повторное оскорбление. Знакомы Вам такие случаи?

Л. Глебова. Конечно. Есть даже повторные иски об опровержении опровержения.

Корр. И какой же выход?

Л. Глебова. Ничего не изменится до тех пор, пока не произойдут перемены в сознании журналистов (да и вообще всех граждан) и они не станут добросовестно относиться к своим обязанностям, требованиям закона, судебным решениям.

Корр. Лидия Васильевна, в ходе разговора Вы уже не первый раз призываете к этому. Вероятно, с подобными призывами обращаются к истцам и ответчикам судьи и при рассмотрении каждого дела.

Л. Глебова. Разумеется.

Корр. Ну и как, есть результаты?

Л. Глебова. По крайней мере многие из тех авторов и редакций, которые уже имели дело с судом, в дальнейшем относятся к предъявляемым к ним искам о защите чести и достоинства более серьезно. Хотя в целом, конечно, проблема отнюдь не снята.

Корр. Вероятно, в деле «воспитания» журналистов более активную роль должен играть и сам закон. Например, проект Закона о печати предусматривает материальное возмещение за моральный вред, причиненный гражданину средством массовой информации. Может быть, это заставит журналистов тщательнее проверять факты, о которых они пишут?

Л. Глебова. Вполне возможно. Неплохо помогает нам Закон СССР «Об ответственности за неуважение к суду». За злостное уклонение от явки в суд истцов, ответчиков и свидетелей, а также за совершение действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду или установленным в суде правилам, он предусматривает наложение взыскания в виде административного ареста на срок до 15 суток или штрафа в размере до 100 рублей. Должностное лицо, умышленно не исполняющее решение суда либо препятствующее его исполнению, может быть подвергнуто штрафу в размере от 300 до одной тысячи рублей.

Корр. Наверное, нужна и более четкая законодательная регламентация формы опровержения?

Л. Глебова. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 2 марта 1989 года предусмотрел, что при удовлетворении иска о защите чести и достоинства суд обязан указать в решении способ опровержения, а при необходимости также текст опровержения и срок, в течение которого оно должно последовать. Более детальная регламентация вряд ли возможна.

Корр. Думается, указание Пленума применять на практике достаточно сложно. Что значит «при необходимости»? Когда такая необходимость имеется, а когда отсутствует? Может быть, целесообразнее закрепить в законе такое требование: редакция публикует в качестве опровержения резолютивную часть решения суда. И ничего больше. Никаких комментариев! Оспаривать решение надо не в опровержении, а в вышестоящем суде. Надо бы ввести в норму закона новый термин «средства массовой информации» и регламентировать форму опровержения применительно к специфике каждого из них. Подумав при этом и о таких редких, но возможных ситуациях, когда человека опозорят в документальном фильме, книге. Конечно, выпускать специальный фильм или брошюру с опровер-

жением абсурдно. Может быть, давать опровержение в центральной печати?

И еще один вопрос. Почему у нас не получил распространение внесудебный порядок урегулирования конфликтов между редакцией и лицом, затронутым в публикации? Казалось бы, чего проще: редакция, получив соответствующую претензию и согласившись с ней, сама публикует опровержение. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Ошибаться свойственно всем, и тут ничего еще особенно худого нет. Но, *настаивая* на ошибке, редакция *надолго*, если не навсегда, «оставляет занозу», портит себе имя и положение... Исправленная ошибка исчезает. Неисправленная станет гнойной язвой» (Полн. собр. соч., т. 48, с. 189).

Л. Глебова. К сожалению, не все редакции следуют ленинской рекомендации. Вы же знакомились с делами. Многие истцы обращались с претензией к редакции, но, как правило, безрезультатно.

Корр. Возможно, причина в том, что редакция не несет ответственности за необоснованный отказ опубликовать опровержение. Не регламентирован правовыми нормами и сам порядок досудебного разрешения споров граждан с редакцией.

В разработанном группой ученых-юристов инициативном авторском проекте Закона о печати и других средствах массовой информации, который лег в основу официального законопроекта, такой порядок предусматривался. Там подробно регламентировалась и форма опровержения. В проекте, в частности, говорилось, что в опровержении должно быть точно указано, какие именно сведения оказались не соответствующими действительности, когда и где они были опубликованы или иным способом распространены. Если текст опровержения получен от заявителя, его изменение или сокращение без согласования с заявителем не производятся. Опровержение должно быть дано в следующие сроки: в газете — в течение 7 дней со дня получения текста опровержения или в течение 15 дней со дня получения требования об опровержении; в иных периодических изданиях — в ближайшем или одном из двух следующих за ним подготавливаемых к печати номеров; по радио и телевидению — в ближайшей аналогичной передаче, но не позднее 15 дней со дня получения текста опровержения или требования об опровержении. Опровержение в газете или ином периодическом издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение. Текст опровержения не может более чем вдвое превышать объем опровергаемого фрагмента печатной публикации, но нельзя требовать, чтобы он был короче, чем половина страницы стандартного машинописного текста. Опровержение по радио и телевидению не должно занимать меньше эфирного времени, чем требуется для прочтения диктором половины страницы стандартного машинописного текста.

За отказ дать опровержение, признанный судом необоснованным, предусматривалось наложение штрафа на членов редколлегии в размере от 25 до 100 рублей. А главного редактора в случае нарушения установленных судом сроков распространения опровержения предполагалось наказывать штрафом в 25 рублей с увеличением этой суммы на три рубля за каждый день просрочки.

В процессе работы над законопроектом депутаты, видимо, посчитали приведенные правила незначительными деталями и они из проекта «ушли». А зря. Эти положения, как и все вопросы, затрону-

тые в нашем разговоре, не должны казаться частными и малозначительными. Ведь конечная цель перестройки — благо человека, а честь и достоинство — необходимые слагаемые его хорошего самочувствия.

Л. Глебова. Журналисты немало делают для того, чтобы обеспечить каждому гражданину ощущение собственного достоинства, самоуважения. Но при этом и сами они должны уважительно относиться и к тем, о ком пишут, и к суду, и к закону.

Корр. Ну, а закон должен быть таким, который не позволяет с собой «вольнo обращаться».

С председателем Свердловского районного народного суда
беседовали Н. ВАРЛАМОВА и С. СИДОРОВ

реклама: объявления ИНФОРМАЦИЯ

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Свердловский ордена Трудового
Красного Знамени
Юридический институт им. Р. А. Руденко

ПРАВИЛА ПРИЕМА

В СВЕРДЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ НА ДНЕВНОЕ,
ВЕЧЕРНЕЕ И ЗАОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЯ

На дневном отделении три факультета: судебно-прокурорский (готовит специалистов для работы в органах суда, юстиции, прокуратуры), следственный (для следственной работы в органах МВД), правовой службы в народном хозяйстве (для работы в юридических отделах хозяйственных организаций, учреждений в качестве юрисконсультов, органов арбитража). Кроме того, имеются вечернее отделение и заочное с двумя факультетами — «Правоведение» и государственно-правовой.

Всем студентам, зачисленным на 1-й курс дневного отделения, назначается стипендия в размере 55 руб., студенты 5-го курса получают 60 руб. в месяц. Срок обучения 5 лет.

УСЛОВИЯ ПРИЕМА

На дневное отделение принимаются лица в возрасте до 35 лет, на вечернее и заочное — без ограничения возраста, имеющие законченное среднее образование.

Институт ведет целевую подготовку специалистов для Урала, Сибири, Дальнего Востока, Северного Казахстана.

На вечернее отделение принимаются лица, работающие и проживающие в г. Свердловске.

На заочное отделение принимаются лица, проживающие в Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской, Пермской и Оренбургской областях, областях Северного Казахстана, Коми АССР, Башкирской АССР.

Срок обучения на вечернем и заочном отделениях — 5,5 лет.

ПОРЯДОК ПРИЕМА

Сроки приема заявлений:

на дневное отделение — с 25 июня по 15 июля.

на вечернее — с 25 июня по 21 июля,

на заочное — с 25 июня по 28 июля.

К заявлению прилагаются:

а) документ о среднем образовании (в подлиннике);

б) характеристика с последнего места работы для поступления в институт;

в) шесть фотографий (3×4);

г) медицинская справка (форма 086у);

д) копия трудовой книжки;

е) паспорт и военный билет (предъявляются лично).

Поступающие в институт сдают экзамены по следующим предметам:

1) русский язык и литература (сочинение),

2) история СССР,

3) обществоведение,

4) иностранный язык.

Вступительные экзамены проводятся:

на дневном отделении — с 16 по 30 июля.

на вечернем — с 23 июля по 6 августа.

на заочном — с 30 июля по 13 августа.

Адреса и телефоны приемных комиссий:

дневное отделение: 620066. г. Свердловск, ГСП-1038, ул. Комсомольская, 23, юридический институт, приемная комиссия. Тел. 44-32-34.

вечернее отделение: 620019. г. Свердловск, В-19, ул. Малышева, 26, юридический институт, приемная комиссия. Тел. 23-32-29.

заочное отделение: 620019. г. Свердловск, В-19, ул. Малышева, 26, юридический институт.

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

////////////////////////////////////

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ:

ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ДЛЯ ЖЕНЩИН, ДЛЯ ДЕТЕЙ, ДЛЯ СЕМЬИ

10 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял постановление «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи». Думается, никому не нужно доказывать, что социально-экономические проблемы в области охраны здоровья женщин и детей, укрепления семьи давно требовали безотлагательного решения, и причем первоочередного. Ведь каким бы острым ни было положение дел в других сферах, забота о женщинах и детях должна быть превыше всего, поскольку речь идет о будущем нашего общества. Сразу оговорюсь, что всех накопившихся проблем новый нормативный акт, естественно, не решает. Да это и невозможно было сделать, поскольку здесь необходимы и время, и немалые средства. Поэтому не случайно в названии постановления есть слова «о неотложных мерах», так как речь идет о наиболее острых проблемах семьи, материнства и детства.

Итак, прокомментируем наиболее важные положения нового нормативного акта.

В соответствии со статьей 1 нового постановления с 1 января 1991 года до уровня минимальной заработной платы (70 рублей в месяц) повышается размер государственного пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Следует подчеркнуть и такое принципиально важное положение, что при рождении двух и более детей пособие в размере 70 рублей будет выплачиваться на каждого ребенка (по действующему законодательству пособие по уходу за ребенком до достижения им полутора лет выплачивается в размере 35 рублей, а в некоторых районах страны 50 рублей в месяц, независимо от того, одного ребенка, двойню или тройню родила женщина).

Следующая новация — для лиц, проживающих в районах и местностях, где установлены районные коэффициенты к заработной плате, размер пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет определяется с применением этих коэффициентов. Если в данном районе действуют разные коэффициенты к заработной плате, то применяются коэффициенты, установленные к заработной плате рабочих и служащих непроеизводственных отраслей народного хозяйства.

Необходимо обратить внимание на то, что выплата пособия с учетом районных коэффициентов установлена не только для лиц, проживающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, но также для проживающих и в других регионах страны, где установлены районные коэффициенты к заработной плате.

Размер пособия с применением районного коэффициента определяется по местности, на территории которой расположено предприятие, учреждение, организация, учебное заведение, филиал, отдел, где женщина постоянно работает (учится).

Условия выплаты пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет остаются прежними. Эти пособия выплачиваются работающим матерям, в том числе женщинам-колхозницам, имеющим трудовой стаж не менее одного года. Однако постановлением из этого общего правила сделано исключение: работающим женщинам, не достигшим 18 лет, данное пособие выплачивается независимо от продолжительности трудового стажа. Напоминаем, что женщины-матери, обучающиеся с отрывом от производства в высших, средних специальных, профессионально-технических учебных заведениях, а также в аспирантуре, клинической ординатуре, на курсах и в школах по повышению квалификации, переквалификации и подготовке кадров, также имеют право на выплату указанного пособия независимо от трудового стажа.

С 1 января 1991 года работающим женщинам, не имеющим годичного стажа работы, и неработающим женщинам пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет будет выплачиваться в размере 50 процентов минимальной заработной платы, то есть в размере 35 рублей в месяц (по действующему законодательству этой категории женщин пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет в настоящее время не выплачивается).

С 30 до 70 рублей в месяц повышены размеры государственного пособия на ребенка, находящегося под опекой (на попечительстве).

С 35 до 70 рублей в месяц увеличен размер пособия на детей женам военнослужащих срочной службы. Так, с 1 января 1991 года работающая женщина, жена военнослужащего срочной службы, имеющая ребенка, будет получать пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет в размере 70 рублей в месяц (при наличии стажа работы не менее года) и дополнительно пособие на ребенка как жена военнослужащего срочной службы в размере 70 рублей в месяц (итого — 140 рублей в месяц).

Размер государственного пособия, выплачиваемого на воспитание и содержание детей одиноким матерям (вдовам, вдовцам), бывшим воспитанникам детских домов (школ-интернатов), также повышен до уровня минимальной заработной платы, то есть до 70 рублей.

На вдовцов, имеющих детей, но не получающих на них пенсию по случаю потери кормильца, распространено право на государственное пособие, выплачиваемое вдовам в соответствии с действующим законодательством (20 рублей в месяц на каждого ребенка).

Следует особо подчеркнуть, что размеры вышеуказанных пособий на общегосударственном уровне рассматриваются как минимальные. Статьей 3 постановления предоставлено право Советам Министров союзных и автономных республик, краевым, областным, окружным, районным и городским Советам народных депутатов

устанавливать в пределах имеющихся у них средств доплаты ко всем видам пособий, установленных действующим законодательством Союза ССР для семей с детьми, вводить дополнительные виды пособий и льгот, направленных на более полное удовлетворение потребностей семей с детьми, в первую очередь многодетных, неполных и молодых семей, воспитывающих детей-инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей. Кроме того, в соответствии с действующим законодательством трудовым коллективам предоставлено право производить определенные доплаты для своих работников (пункт 5 статьи 6 Закона о государственном предприятии (объединении)).

Постановлением распространены на всех детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обучающихся или воспитывающихся в учебно-воспитательных учреждениях, независимо от их типа и ведомственной подчиненности, льготы, установленные действующим законодательством для данной категории детей, находящихся в детских домах и школах-интернатах (статья 4).

Например, теперь дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, обучающиеся или воспитывающиеся в учебно-воспитательных учреждениях, независимо от их типа или ведомственной подчиненности, будут освобождены от оплаты за обучение в спортивных, художественных и музыкальных школах, школах искусств. Этим детям будет выдан единый билет, дающий право на бесплатное посещение кинотеатров, выставок, музеев, спортивных сооружений, бесплатный проезд в общественном городском (пригородном) транспорте (кроме такси). Им будут выделяться бесплатные путевки в пионерские лагеря, в том числе санаторного типа, пансионаты и профилактории, дома отдыха, студенческие спортивно-оздоровительные лагеря, а при наличии медицинских показаний — в санатории соответствующего профиля.

Установлено, что средства, взыскиваемые с родителей на содержание детей, находящихся в государственных детских учреждениях, а также назначенные им государственные пенсии и пособия переводятся на личные счета воспитанников в сберегательном банке (статья 5 постановления).

Все эти положения вводятся в действие с 1 января 1991 года.

В целях повышения эффективности диспансеризации беременных женщин, охраны их здоровья и здоровья новорожденных детей установлено, что отпуск по беременности и родам продолжительностью 56 календарных дней до родов (с 1 декабря 1990 года — семьдесят календарных дней) и 56 (в случаях осложненных родов или рождения двух и более детей — 70) календарных дней после родов исчисляется суммарно и предоставляется женщине полностью, независимо от числа дней, фактически использованных до родов (статья 6). Это принципиально новое исчисление порядка предоставления дородового и послеродового отпуска во всех случаях гарантирует женщине отпуск установленной продолжительности — 112 календарных дней (56 + 56) или 126 календарных дней (56 + 70), а с 1 декабря 1990 года — 126 календарных дней (70 + 56) или 140 календарных дней (70 + 70).

Таким образом, возможные ошибки медицинских работников при выдаче больничных листов в связи с отпуском по беременности и родам уже не будут влиять на его общую продолжительность и исключат те недоразумения, которые встречались ранее (так, по действовавшему до настоящего времени законодательству, если со дня освобождения от работы до дня родов прошло больше или

меньше установленного числа дней дородового отпуска, пособие выдавалось за все дни, фактически проведенные в отпуске, что в одних случаях приводило к уменьшению, а в других случаях — увеличению продолжительности отпуска).

До решения вопроса о рациональном трудоустройстве беременной женщины в соответствии с медицинским заключением она подлежит освобождению от работы с сохранением среднего заработка за все пропущенные вследствие этого рабочие дни за счет средств предприятия, учреждения, организации.

Для создания благоприятных условий по уходу за новорожденными и малолетними детьми предусмотрено, что отпуск по уходу за ребенком до достижения им 3-летнего возраста предоставляется полностью или по частям матери ребенка либо по усмотрению семьи его отцу, бабушке, деду или другим родственникам, фактически осуществляющим уход (ранее указанный отпуск предоставлялся только матери ребенка).

Теперь работающим мужчинам, жены которых находятся в отпуске по беременности и родам, ежегодный отпуск по их желанию будет предоставляться в период отпуска жены (статья 7).

Государство обязано создавать родителям благоприятные условия, позволяющие сочетать труд в общественном производстве с воспитанием детей. В этих целях в постановлении определены меры, направленные на гуманизацию отношения к женщине на производстве (пункт 1 статьи 8). По просьбе женщин, имеющих детей в возрасте до 14 лет, в том числе и находящихся на их попечении (по ранее действовавшему законодательству — до 8 лет), администрация обязана устанавливать им неполный рабочий день или неполную рабочую неделю.

Напомним, что работа на условиях неполного рабочего времени не влечет для рабочих и служащих каких-либо ограничений продолжительности ежегодного отпуска, исчисления трудового стажа и других трудовых прав. Женщинам, занятым неполное рабочее время, должен предоставляться полный ежегодный и учебный отпуск. Премии по выполняемой работе начисляются на общих основаниях, выходные и праздничные дни предоставляются в соответствии с законодательством. Оплата труда производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки.

Время работы женщин, имеющих детей в возрасте до 14 лет и работающих неполное рабочее время, засчитывается в общий и непрерывный стаж работы, а также в стаж работы по специальности, в том числе: при назначении пособий по государственному социальному страхованию; при назначении государственных пенсий; при выплате единовременного вознаграждения или надбавок к заработной плате за выслугу лет; при установлении окладов (ставок) работникам просвещения, здравоохранения, библиотечным работникам и некоторым другим специалистам, которым оклады (ставки) определяются с учетом стажа работы; при выплате вознаграждения за общие результаты работы по итогам за год; при предоставлении льгот лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, а также в Архангельской области, Карельской АССР, Коми АССР и в других случаях, когда действующее законодательство предусматривает предоставление работникам каких-либо льгот и преимуществ. Запись в трудовую книжку о приеме на работу вносится без указания о работе на условиях неполного рабочего времени.

Предусмотрено сохранять женщинам непрерывный трудовой стаж для исчисления пособий по временной нетрудоспособности в случае расторжения трудового договора в связи с уходом за ребенком в возрасте до 14 лет (в том числе находящимся на их попечении) или ребенком-инвалидом в возрасте до 16 лет при условии поступления на работу до достижения ребенком указанного возраста.

Постановлением распространены льготы, предоставляемые женщине в связи с материнством, на отцов, воспитывающих детей без матери (в случае ее смерти, лишения родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнского попечения о детях), а также на опекунов (попечителей) несовершеннолетних (пункт 3 статьи 8 постановления). Так, отцы, воспитывающие детей в возрасте до 3 лет без матери, не могут привлекаться к работам в ночное время (с 10 часов вечера до 6 часов утра), к сверхурочным работам и работам в выходные дни, а также направляться в командировку.

Отцы, воспитывающие без матери детей в возрасте от 3 до 8 лет, не могут привлекаться к сверхурочным работам или направляться в командировку без их согласия. Отцам, воспитывающим без матери двух или более детей в возрасте до 12 лет, предоставляется дополнительный трехдневный оплачиваемый отпуск (в пределах 28 календарных дней), а также отпуск без сохранения заработной платы до двух недель в году. По желанию работника этот отпуск может быть присоединен к основному отпуску или предоставлен в другое время (полностью или по частям). Отцам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, по их просьбе администрация обязана устанавливать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. В постановлении не приведен исчерпывающий перечень льгот, которые предоставляются отцам, воспитывающим детей без матери, а также опекунам (попечителям) несовершеннолетних. Из этого следует, что все льготы, которые предоставляются и будут предоставляться женщинам в связи с материнством, соответственно распространяются и будут распространяться на отцов, воспитывающих детей без матери, а также на опекунов (попечителей) несовершеннолетних.

Расширены льготы родителям (опекунам или попечителям), воспитывающим ребенка-инвалида (пункт 4 статьи 8 постановления). Установлено, что одному из родителей (опекуну или попечителю), воспитывающему ребенка-инвалида, будет выдаваться больничный листок на весь период санаторно-курортного лечения (с учетом времени на проезд в санаторий и обратно) ребенка-инвалида в возрасте до 16 лет при наличии медицинского заключения о необходимости индивидуального ухода за ним. Им также будет предоставляться один дополнительный выходной день в месяц с оплатой его в размере дневного заработка за счет средств социального страхования. Указанные положения вводятся в действие с 1 января 1991 года.

В. ДЕМИН

ЗНАКИ НА ДОРОГЕ

На этот раз поговорим о дорожных знаках. Участники дорожного движения воспринимают их по-разному. Речь может идти не только о том, что одни выполняют их требования, а другие нет. Есть, оказывается, иные варианты, даже проблемы. Например, психологи установили, что дети не всегда ориентируются в дорожных знаках. Определенная «зрелость» в этом отношении появляется только после 9 лет. Специальные тесты, испытывающие реакцию детей до девяти лет, показали, что малыши «читают» отдельные символы совершенно иначе, чем взрослые. Они вкладывают в них свои, индивидуальные обозначения, окрашенные свободными представлениями.

Скажем, человеческая фигура, обозначающая переход для пешеходов, понимается ими как призыв перебежать улицу. С этими факторами просто необходимо считаться, работая над проблемой детского транспортного травматизма.

Несоблюдение требований дорожных знаков взрослыми участниками движения идет от беспечности. А беспечность крайне опасна и легко может обернуться трагедией. При благоприятном же исходе вероятность новых нарушений со стороны неосознательных участников движения резко возрастает. Их может остановить только очевидный контроль за движением — например, появившаяся на пути человеческая фигура в милицейской форме. В ряде стран на улицах и дорогах уже установлены манекены в полицейской и милицейской форме, что весьма отрезвляюще действует на горячие головы — тут уж сознанием управляет страх перед наказанием. Отсутствие же контроля, безнаказанность расхолаживают до предела, хотя и в таких случаях дело может дойти до курьеза.

Например, на улице одного западногерманского городка был установлен дорожный знак «Движение без остановки запрещено», содержащий, как известно, надпись «СТОП» латинским шрифтом. Полиция не баловала вниманием этот участок движения, и водители, привыкнув к бесконтрольности и безнаказанности, перестали обращать внимание на строгий запрещающий знак. Дорожники решили сами исправить положение и нашли остроумный выход: они заменили надпись новой: «СОТП». С тех пор возле знака останавливался каждый водитель. Шоферы выходили из машины и подолгу разбирали «ошибку». На несколько лет, пока к знаку не привыкли, порядок был наведен.

Смешно-то смешно, но есть над чем подумать. Субъективного страха у человека перед улицей, дорогой, автомобилем давно не осталось. Поэтому так беспечно шныряют пешеходы перед носом автомобиля, так отчаянно жмут на акселератор лихачи. Но объективная опасность никуда не делась, даже наоборот: «пульс» улиц и дорог постоянно учащается, и автомобиль становится источником все более повышенной опасности. Таким образом, дорожники западногерманского городка преследовали верную цель: узаконить остановку, предотвратить аварии. И достигли ее. Конечно, наивен путь, по которому они пошли, но верен принцип: каждый дорожный знак

должен отчетливо выделяться, обращать на себя внимание, чтобы взгляд водителя не скользнул мимо него.

Мы идем именно этим путем: усиливаем дорожную информацию, повышаем ее качество. Значительно улучшились и условия восприятия дорожных знаков: они больше прежних по размерам, ярче по рисунку и освещенности. Светотехническая арматура объемных знаков обеспечивает их видимость в темное время суток на расстоянии трехсот и более метров. Созданы и автоматически управляемые, многопозиционные дорожные знаки. А есть еще светоотражающие. При своих больших размерах они относительно легки, даже изящны и, что более существенно, не требуют электрической подсветки в темное время: их поверхность покрыта миллионами крошечных стеклянных шариков величиной с острие иглки, вспыхивающих, едва на них попадет (даже с расстояния в полкилометра) рассеянный свет фар. А на дорогах Франции установлены «говорящие» знаки, предупреждающие водителя об опасности. В дорожный знак вмонтирован небольшой передатчик, работающий на ультракоротких волнах (радиус действия 100—150 метров). Сигнал принимается автомашиной благодаря несложному прибору, который вмонтирован между антенной и автомобильным приемником. В момент поступления сигнала прием обычной радиопрограммы прерывается, в динамике раздается характерный звук, предупреждающий об опасности. Различные новинки (пока, к сожалению, в весьма ограниченном количестве) появляются и в нашей стране.

Г. КРУГЛОВ

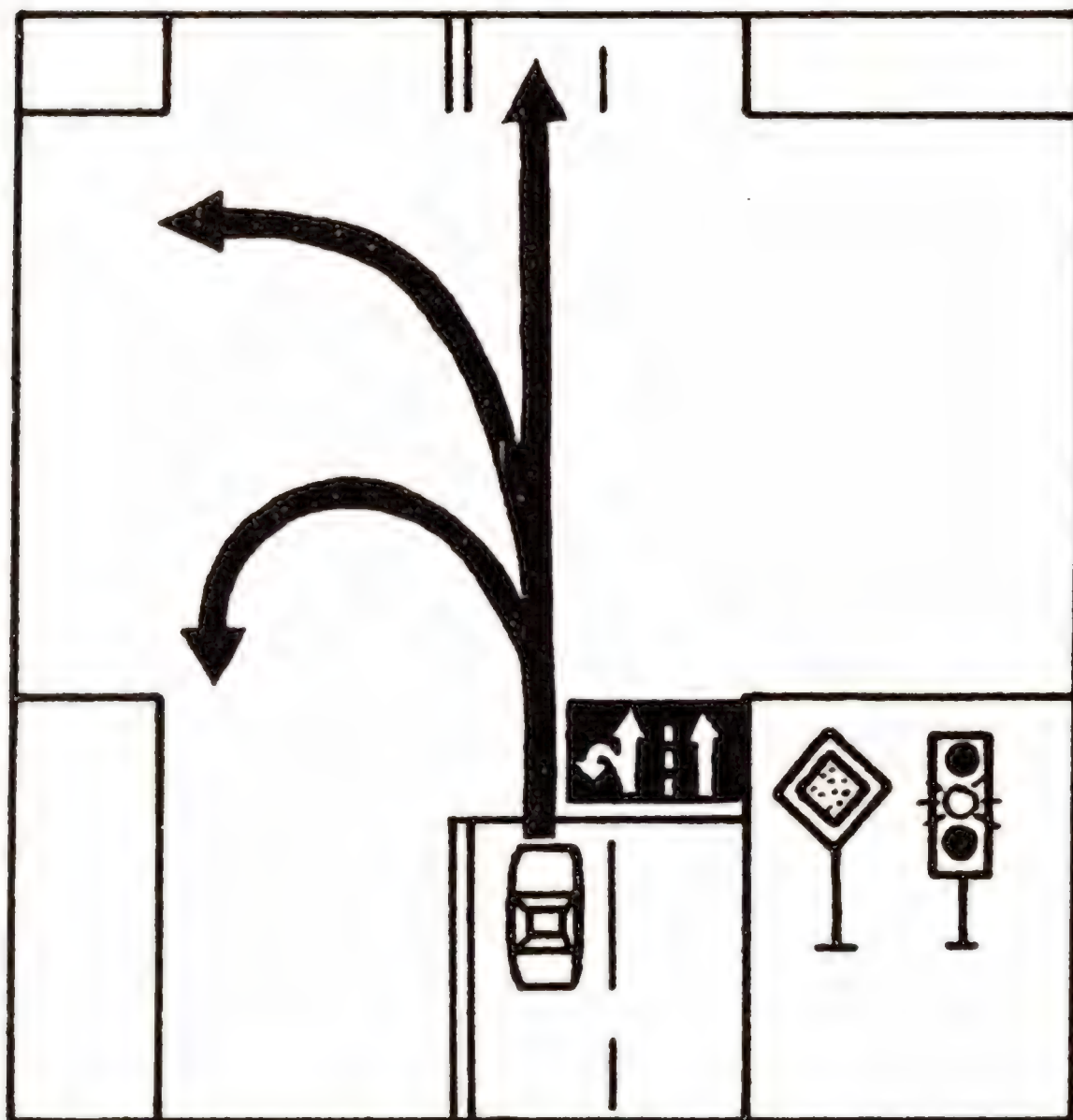
ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЗНАНИЯ

Какое административное взыскание может быть наложено за:

- 1) проезд на запрещающий сигнал светофора или жест регулировщика, повлекший повреждение транспортных средств, грузов, дорог, дорожных и других сооружений или иного имущества;
- 2) несоблюдение требований дорожных знаков приоритета, запрещающих и предписывающих дорожных знаков или разметки проезжей части, повлекшее повреждение транспортных средств, грузов, дорог, дорожных и других сооружений или иного имущества;
- 3) непредоставление преимущества в движении, повлекшее повреждение транспортных средств, грузов, дорог, дорожных и других сооружений или иного имущества;
- 4) нарушение правил перевозки людей, повлекшее повреждение транспортных средств, грузов, дорог, дорожных и других сооружений или иного имущества;
- 5) нарушение правил обгона, повлекшее повреждение транспортных средств, грузов, дорог, дорожных и других сооружений или иного имущества.

Ответы см. на стр. 51.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?

1. Светофор работает в режиме желтого мигающего сигнала. Разрешаются ли разворот, поворот и движение прямо? (см. рис.)
2. На каком расстоянии в населенном пункте разрешен разворот, если от места разворота дорога плохо просматривается, и что должен сделать водитель, чтобы совершить намеченный маневр?

Ответы см. на стр. 51.

ЮРИНЕСКИ «ИЗ ПРИКАЗА»

Уволить по сокращению критики...

«ЭВОЛЮЦИЯ»

Числился на трех работах. Ездил на двух машинах к пяти женщинам. Сейчас сидит один.

АЗБУКА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В

ВЪЕЗД. У автомобилистов большим авторитетом пользуется дорожный знак, запрещающий В., под индексом 3.1 (называемый в обиходе водителей «кирпичом»). Но В. может запрещать и специальная дорожная разметка. Ее описание дано в Приложении № 2 ПДД (индекс разметки 1.1).

ВЫНУЖДЕННАЯ ОСТАНОВКА. ПДД обращают внимание на В. о., только если она произошла в непредназначенном для обычной остановки месте (Раздел 2 «Основные понятия и термины»). Особо опасна В. о. на железнодорожном переезде. Водитель обязан принять меры, чтобы вовремя освободить пути, на которых застряла его машина, а также чтобы предупредить машинистов приближающихся поездов (п. 16.6 ПДД). Весьма нежелательна В. о. на автомагистрали (п. 17.1), при которой необходимо также постараться убрать автомобиль-помеху в сторону. При В. о. водитель обязан во всех случаях применять аварийную сигнализацию, о которой рассказывается в п. п. 8.10 и 8.11 ПДД.

Г

ГАБАРИТНЫЕ ОГНИ. Обязательность применения Г. о. предусматривается правилами движения в тоннелях с искусственным освещением (в темных — используются фары) (п. 8.8 ПДД). С их помощью следует в дневное время обозначать буксируемое транспортное средство (п. 8.9). Ими можно в крайнем случае воспользоваться вместо неисправной или отсутствующей световой аварийной сигнализации. Каким образом — сообщает п. 8.10 ПДД. Применение Г. о. в темное время суток узаконено п. 19.1. А если они неисправны? Тогда (это касается задних огней, поскольку впереди их отсутствие можно компенсировать светом фар) транспортное средство необходимо поставить на «прикол», пока дефект не будет устранен. Это требование действительно для любых условий недостаточной видимости (п. 25.6).

ГАБАРИТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ. Чрезмерно высокое или широкое транспортное средство не всегда может проехать в тоннеле, под эстакадой и т. д. Как предвидеть это? О подобной ситуации водителей предупреждают дорожные знаки под индексами 3.13 — 3.15. Если Г. п., указанные на таком знаке, меньше тех, что у вашей машины с грузом или без груза, то выход один — объезд.

ГЛАВНАЯ ДОРОГА. Это термин, объясняемый в разделе 2 ПДД. Суть его в том, что при прочих равных условиях водитель, едущий по Г. д., обычно следует через перекресток первым. Дорожные знаки, подтверждающие такой приоритет, находятся в ПДД под индексами 2.1, 2.2, 2.4, 2.5, 2.3.1 — 2.3.3. Информационная табличка, показывающая направление главной дороги, — под индексом 7.13. При движении по Г. д., пересекающей второстепенную, для водителя не действует запрет обгона, обычный для перекрестков (п. 12.3 ПДД). О порядке разъезда транспортных средств с движущимися по второстепенным дорогам информирует п. 14.10, а тех, кто едет по пересекающимся Г. д. между собой — п. 14.12. В последнем случае для водителей действует правило «помехи справа».

ГОСТИНИЦА. Указатель ее места расположения (дорожный знак сервиса) носит индекс 6.9.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АВТОМОБИЛЬНАЯ ИНСПЕКЦИЯ. Указатель поста ГАИ на дороге описывается в ПДД под индексом 6.12. О требованиях обязательного согласования с ГАИ действий, могущих ухудшить условия движения или понизить его безопасность, автомобилисту необходимо прочесть в п. п. 23.4, 26.1, 26.10, 27.4. Некоторые из них касаются и должностных лиц. О чем может идти речь? Например, отправляясь в дорогу с негабаритным грузом, обязательно нужно предварительно согласовать с ГАИ маршрут движения. Случалось, что водитель, не получивший необходимых инструкций, врезался на полном ходу в перекрытие путепровода или в пролет моста.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ОСМОТР. В разговорном лексиконе водителей это просто техосмотр. О запрещении эксплуатации не прошедших его в срок транспортных средств информацию в ПДД вы найдете в п. п. 25.2 и 27.1. Для транспорта личного пользования обязателен талон о прохождении техосмотра. Место его установки в правом нижнем углу за лобовым стеклом определено п. 25.2. Об эксплуатационных требованиях, которые учитываются ГАИ при проведении техосмотра, см. в Приложении № 3 к ПДД.

ГРУЗОВЫЕ АВТОМОБИЛИ. Хотя ПДД не разъясняют особо это понятие, оно применяется в их тексте сравнительно часто. Например, в п. 3.4 говорится об обязанности водителей грузовиков предоставлять их сотрудникам милиции с целью транспортировки неисправных (поврежденных) транспортных средств. ПДД заботятся о людях, которым выпадает случай ездить в кузове Г. а. В частности, им запрещается стоять, сидеть на бортах, находиться при движении на грузе выше бортов (п. 6.5). Грузовики, на которых перевозят детей, должны быть оборудованы и обозначены соответствующим образом (п. п. 8.8 и 26.8).

Максимальная скорость движения Г. а. зависит от их полной массы, причем для автомашин с массой более 3,5 т она значительно ниже, чем, например, для легковых (п. 11.3). Грузовикам в отличие от легкового транспорта никогда не разрешается стоянка на краю тротуара, даже при наличии информирующей таблички о таком способе парковки (п. 13.5). Поскольку мы упомянули о том, что требования, предъявляемые к движению грузовых автомашин, зависят от полной массы автомобиля, есть смысл перечислить наиболее важные, на которые стоит обратить внимание в случае, если масса грузовика превышает 3,5 т:

- при движении по левой полосе — п. 10.4;
- при движении далее второй полосы на автомагистралях — п. 17.1;
- при движении в особо установленных условиях и при обгоне (дорожные знаки под индексами 3.4, 5.30.1 — 5.30.3, 3.22 и 3.23);
- при наличии информационной таблички «Вид транспортного средства» с запрещающим знаком (индекс 7.4.1).

Исключения делаются для грузовиков, перевозящих людей либо имеющих на борту белую наклонную полосу (п. 3.4).

Водителям Г. а. следует внимательно изучить разделы 20 — о правилах буксировки и 22 — о перевозке людей.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Шестнадцатилетний Павел Круглов был принят на завод учеником слесаря. Учитывая, что Павел так называемый «трудный» подросток и состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, администрация установила ему месячный испытательный срок. В течение этого месяца Павел зарекомендовал себя отрицательно: не выполнял поручаемые ему задания, часто опаздывал на работу, в обеденный перерыв устроил драку. По представлению начальника цеха и с согласия профсоюзного комитета он был уволен как не выдержавший испытательный срок. Законно ли данное увольнение?

Задача 2

Выпускница финансового института Волкова была направлена на работу бухгалтером на завод «Маяк». Однако по распределению работать она не стала, а устроилась экономистом в управление торговли. Данный факт был вскрыт при проведении прокуратурой в порядке общего надзора проверки соблюдения трудового законодательства на предприятиях, в учреждениях и организациях города. Прокурор предложил начальнику управления торговли освободить Волкову от занимаемой должности. Волкова работает экономистом полгода, с обязанностями справляется хорошо, нарушений трудовой дисциплины не допускает. Есть ли основания для ее увольнения?

Задача 3

Токарь Гаранин пришел на работу в нетрезвом состоянии. За это приказом директора завода ему объявили строгий выговор, перевели на нижеоплачиваемую работу на три месяца и лишили премии. Считая, что три наказания за один проступок — это несправедливо, Гаранин обжаловал приказ в комиссию по трудовым спорам. Кто прав?

«ГДЕ МОЙ НАСТОЯЩИЙ ПАПА?»

Света, подруга Виты, пришла к Гражданкиным в слезах.

— Больше я не хочу жить! Это ужасно! — причитала она.

Вита протянула своей подруге стакан воды:

— Глотни водички, успокойся и расскажи все по порядку, что у тебя стряслось?

Немного успокоившись, Светлана принялась рассказывать:

— Все началось с того, что Борискины решили поставить свой шкаф в коридоре возле нашей двери. Ну, а Георгий им и сказал: мол, надо уважать и окружающих людей, а не только себя... Нам, сказал он, будет неудобно открывать дверь. Те ответили ему грубостью. Но вы же знаете характер Георгия. Он их осадил. А те и сказали: не больно, мол, высовывайся, можем тебе сразу настроение попортить... Ну и испортили не только ему, но и мне на всю оставшуюся жизнь... — И Света вновь начала всхлипывать.

— Погоди, погоди, — поднял ладонь Семен и потряс Свету за плечо. — Что-то я ничего не понимаю. Кто такие Борискины? И какая связь между характером Георгия и твоим нежеланием жить?

— Господи, какой же ты непонятливый. Я же говорю, шкаф — это только предлог для скандала. Борискины — наши соседи. Они просто терпеть не могут моего Георгия. С самых давних пор, когда мы только расписались, они прозвали его «интеллигентиком»... В общем, вышел у нас с соседями очередной скандал, и они пригрозили нам испортить настроение. И испортили.

— Ну что же все-таки Борискины сделали-то? — спросила Вита.

Света вновь поднесла платок к глазам.

— Вы же знаете, мой Ванечка не родной сын Георгию. Когда мы с Георгием расписались, Ване было всего полтора годика. Сразу же после свадьбы Георгий усыновил его. Конечно же, малыш и знать не знал, родной у него папа или нет. Мы ему об этом ничего не рассказывали. И вот вчера, на третий день после этого скандала, я привела Ваню из школы, он пошел в этом году в «нулевку», и оставила поиграть во дворе. Такая была чудесная погода. А потом... Нет, это ужасно, ужасно... — Света опять закрыла платком глаза... — В общем, мне бабушки у подъезда потом все рассказали. К Ване подошла жена Борискина, такая толстая отвратительная дама. Она угостила Ваню конфетами и о чем-то долго с ним разговаривала, поглаживая по головке. Эта Борискина, конечно же, знала, что Георгий Ване не родной отец. Ну вот! Вечером Ваня заявляет мне: «Почему ты меня все время обманываешь? Где мой настоящий папа? Ведь дядя Георгий мне не папа? Ведь так? Ведь правильно?» А на вопрос, кто ему это сказал, он молчит и только глядит в одну точку. Представляете? Это ужас, ужас... Как с этим бороться?! Я просто ума не приложу!

— Иди в ванную и приведи себя в порядок. А то в таком виде действительно лучше не начинать борьбы за справедливость! — усмехнулась Вита.

Через несколько минут умытая и причесанная Света появилась в комнате:

— Я совсем не представляю, как можно с этой Борискиной бороться? Она же теперь будет при всех делать вид, что ужасно жалеет моего Ваню, что, мол, сиротка...

Семен стукнул ладонью по столу:

— Не раскисай! С этим можно и нужно бороться посредством закона.

— А закон-то здесь при чем? — искренне изумилась Света. — Борискина ведь ничего не украла и никого не убила. Подумаешь, разве за такую мелкую соседскую месть закон может наказать? Нет, здесь закон ни при чем.

— Ты ошибаешься. Я слышал, есть такой закон, который оберегает покой детей и взрослых, усыновивших их. Поедем к нашему адвокату, он тебе все растолкует.

Поручив соседке по этажу приглядеть за Леночкой, Гражданкины вместе со Светой отправились в юридическую консультацию.

Адвокат встретил их с улыбкой:

— Заходите, заходите... Гражданкиных, как я вижу, с каждым днем становится все больше. Ну что же на этот раз с вами стряслось, милые мои клиенты?

Инициативу объяснений с адвокатом Семен взял на себя:

— С нами, к счастью, на этот раз ничего такого выдающегося не произошло. А вот у подруги жены стряслась довольно неприглядная история. — И Семен обратился к Свете: — Рассказывай...

Внимательно выслушав Светлану, адвокат поинтересовался:

— А эти бабушки, которые вам рассказали, смогут, если понадобится, подтвердить все это на суде?

— Не знаю, — пожала плечами Света. — Я на эту тему с ними не говорила. Наверное, смогут, если я попрошу... Тут же ничего такого нет...

Адвокат придвинул к себе томик Уголовного кодекса РСФСР.

— Вам правильно говорил Семен Гражданкин: этих соседей надо призвать к ответственности по закону. И такой закон есть. Вот что гласит по этому поводу статья 124¹ Уголовного кодекса РСФСР. Я прочту ее полностью:

«Статья 124¹. Разглашение тайны усыновления.

Разглашение тайны усыновления против воли усыновителя наказывается исправительными работами на срок до двух лет или штрафом до двухсот рублей либо общественным порицанием».

Так что если будет установлена вина ваших соседей, им грозят довольно серьезные неприятности.

— Господи, неужели еще надо будет в суде при всех копаться во всей этой истории?

— Иного пути, если вы хотите призвать Борискиных к ответственности, кроме суда, не существует. А призвать их к ответу нужно.

— Что же мне делать?

— Поначалу следует обратиться в районную прокуратуру. Заявление я вам напишу. По этому происшествию будет проведено расследование, которым точно установят, кто сказал вашему ребенку, что он усыновлен вашим мужем.

— Хорошо, допустим суд их как-то накажет. Но где гарантия, что об этом уже не знают дети с нашего двора? Где гарантия, что они не будут дразнить Ванюшу или еще как-то насмехаться над

ним? Ведь все видели и слышали, как он звал Георгия папой, как на все это будет остро реагировать ребенок?

— Представляю. Суд, конечно, не может заставить всех жителей вашего дома молчать и хранить вашу тайну. Это же нереально. Может быть, следует подумать об обмене квартиры. В другом районе таких разговоров не будет.

— Господи, теперь еще, кроме суда, надо искать варианты обмена. Час от часу не легче.

— Но, если вам так не хочется уезжать из этого дома, может, и заявление в прокуратуру не стоит писать? — полюбопытствовал адвокат.

Семен и Вита, не отрываясь, в упор поглядели на Светлану. Их взгляды словно бы говорили: неужели ты простишь этим мерзавцам, которые растоптали детскую душу? Посеяли раздор в дружной семье? Если простишь, они завтра сотворят еще большую пакость.

Адвокат, видимо, решив, что Света не хочет обращаться с заявлением, стал убирать Кодекс в стол, всем своим видом давая понять, что на пустые разговоры он свое время тратить не хочет.

И тут Света, сжав губы, сказала:

— Ладно, чего уж там... Пишите, пожалуйста, заявление в прокуратуру...

В. СЛАВИН

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЗНАНИЯ»

За каждое из перечисленных нарушений согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1989 года «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты СССР об ответственности за нарушение правил дорожного движения» виновный может быть оштрафован на 30 рублей или лишен права управления транспортным средством на срок от 3 до 6 месяцев.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?»

1. Разрешаются только разворот и движение прямо (Приложение I к ПДД, значение знака 5. 8. 1).

2. На расстоянии не меньше 100 метров. В показанной ситуации водитель может отъехать задним ходом на это расстояние (пункт 9.9 ПДД).

Х

ХАЛАТНОСТЬ

Почтовый ящик был пуст. «Ну и ладно, куплю газеты по дороге», — подумал Филипп Сергеевич Коротков и, выйдя из дома, направился к дальней (так ее называли в микрорайоне) автобусной остановке, рядом с которой находился киоск «Союзпечать». Но он, к досаде Короткова, не работал. «Хорошо, хоть «Табак» открыт, сигарет куплю», — пробурчал Филипп Сергеевич и, отсчитывая мелочь, подошел к окошечку табачного киоска.

— Пачку «Столичных», пожалуйста, — сказал он и спросил продавца: — А вы не знаете, почему «Союзпечать» не работает? Киоскер заболел или, может быть, просто опаздывает?

— Да нет, не заболел и не опаздывает. Посадили его.

— За что?

— За халатность. Говорят, недобросовестно выполнял свои служебные обязанности: принимая товар, не пересчитывал его, не сличал количество товара с приходными накладными, нереализованный товар не списывал, бухгалтерскую документацию не вел. А в итоге недостача почти на 2000 рублей, суд и год лишения свободы. Вот так-то.

В статье 172 УК РСФСР (соответствующих статьях УК других союзных республик) **халатность** определяется как невыполнение или ненадлежащее выполнение **должностным лицом** своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан.

Халатность относится к числу должностных преступлений.

Невыполнение обязанностей означает несовершение должностным лицом действий, входящих в круг его обязанностей. Например, в ситуации, приведенной в начале статьи, киоскер не вел бухгалтерские документы, не списывал нереализованный товар, то есть не выполнял свои служебные обязанности.

Ненадлежащее выполнение обязанностей — это нечеткое, формальное либо неполное их осуществление. В нашем примере эти действия выражались в том, что киоскер осуществлял приемку товара без сверки с приходными накладными.

Следует подчеркнуть, что при решении вопроса о привлечении должностного лица к ответственности за халатное отношение к службе органы предварительного следствия обязаны установить, какие конкретно служебные обязанности должностное лицо не выполнило либо выполнило ненадлежащим образом, входят ли эти действия в служебную компетенцию данного работника и имел ли он реальную возможность выполнить надлежащим образом соответствующие обязанности.

Как невыполнение, так и ненадлежащее выполнение служебных обязанностей могут быть однократными (например, должностное лицо потеряло крупную сумму государственных средств). Но обыч-

но халатность состоит в целой системе упущений, нарушений, неисполнении своих обязанностей. В этой системе каждый отдельно взятый факт может и не обладать признаками общественно опасного деяния, присущими преступлению, но в своей совокупности все эти факты свидетельствуют о преступно небрежном и недобросовестном отношении виновного к исполнению своих служебных обязанностей.

Обязательный признак халатности — причиненный в результате ее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан. Вред может быть материальный либо моральный. Является ли он существенным, определяется в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела при рассмотрении вопроса о привлечении должностного лица к ответственности.

Наказывается халатность лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до трехсот рублей, или увольнением от должности.

Л. КОРШУНОВА

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

Если кто, умирая, разделит дом свой между детьми, то последние обязаны последовать воле умершего. А умрет кто, не уговорившись с детьми, то получают наследство все они, выделив только часть на помин души.

Если жена по смерти мужа не идет замуж, то на нее выделить часть, а что ей муж определил при жизни, тем она, кроме того, владеет. А до мужнина наследства жене нет дела.

Если остаются дети от первой жены, то они особо получают часть, которая ей следовала бы по смерти, и то, что последний определил ей при жизни.

Если остается в доме незамужняя дочь при братьях, то до отца наследства ей дела нет, но братья обязаны ее выдать замуж сообразно с их достатком.

Русская Правда,
Пространная редакция
[вторая половина XI — начало XII вв.]

ИНТЕРПОЛ: портрет во весь рост

Станет ли наша страна членом Интерпола, покажет время. Очередная сессия Генеральной ассамблеи этой организации состоится в сентябре 1990 года в Оттаве. Ждать осталось совсем недолго.

Жители французского города Лиона, вероятно, еще не успели привыкнуть к виду этого величественного ультрасовременного здания из гранита и дымчатого пуленепробиваемого стекла, взметнувшего свои этажи на берегу Роны и как бы оправленного в зелень близлежащего парка Тэт-д'Ор. В это похожее на крепость с установленными на крыше ажурными башнями радиоантенн и окруженное ровом с водой обширное здание (полезная площадь 7 тысяч кв. метров) летом 1989 года переехала Международная организация криминальной полиции (Интерпол) из ставшей для нее тесной парижской штаб-квартиры.

Теперь уже сюда, на набережную Ахилл-Линьен, 50, а не по старому адресу в парижское предместье Сен-Клу будут приходить многочисленные письма от молодых людей из разных стран мира с просьбой принять их на работу в качестве «сыщиков Интерпола». Ведь на протяжении всей своей почти 70-летней истории эта организация всегда была окружена романтическим ореолом таинственности. Ее сотрудников многие представляют в виде атлетически сложенных супердетективов, которые, преследуя преступников и используя все известные виды скоростного транспорта, неутомимо перемещаются по странам и континентам, ведя увлекательную, полную приключений и опасности жизнь, состоящую из яростных перестрелок, головокружительных погонь, жестоких схваток и блистательных побед. Однако все это не более чем романтический грим, наложенный авторами детективных поделок в кино и литературе на сугубо деловой и прозаический лик Интерпола,— реальная жизнь ничего общего не имеет с подобного рода мифами.

Так что же это за организация — Интерпол и чем занимаются ее сотрудники? Начнем с истории...

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ... ПРЕСТУПНОСТЬ

В конце прошлого столетия криминалисты с тревогой стали отмечать в уголовной преступности новую тенденцию — увеличение числа «международных преступников», то есть лиц, которые в связи с уже совершенным ими преступлением или для совершения нового перемещаются из страны в страну. Немецкий криминолог Ф. Лист в 1883 году по этому поводу писал, что преступники начали колесить по всему свету, свободно переезжая из страны в страну. Полиция в большинстве случаев теряет их след у границ своего государства, за пределами которого преступники оказываются недосягаемыми для правосудия.

Появление этой разновидности уголовной преступности явилось результатом сложного взаимодействия многих социальных и экономических факторов того времени.

Для «международной» преступности «питательной средой» является преступность национальная, рост которой к концу XIX — началу XX столетия заметно увеличивается. Так, в Германии, например, количество преступлений с 1895 по 1905 год возросло на 65,5 процента, а во Франции с 1840 по 1886-й — на 130 процентов. Быстрыми темпами растет преступность и в других капиталистических странах.

В рассматриваемый период все формы капитала стремительно выплескиваются за национальные границы в поисках новых сфер приложения. В результате начинает набирать силу процесс расширения экономических и культурных связей между различными странами. Это, в свою очередь, потребовало либерализации пограничных режимов. Упрощение, а значит, и ускорение процедуры пересечения границы стали использовать и преступные элементы, с пути которых устранялось таким образом серьезное препятствие, ранее сужавшее географию их «профессиональной» деятельности. Иллюстрируя сложившуюся ситуацию, известный немецкий криминалист Р. Гейндель писал в свое время, что современный преступник, прежде чем взломать сейф, заказывает себе место в спальном вагоне. Он покупает инструменты для взлома в Лондоне, совершает взлом в Берлине, продает украденное в Амстердаме и тратит деньги в Париже. Кроме того, бурное развитие получают средства скоростного сообщения (железнодорожный, автомобильный, а несколько позднее и воздушный транспорт), не только сократившие расстояния между странами и континентами, но и значительно повысившие мобильность «международных преступников».

Русские криминалисты еще в начале века предсказывали возможность появления этих «издержек» технического прогресса в области средств передвижения: железные дороги и пароходы облегчают преступникам возможность скрыться, а в недалеком будущем ту же помощь будут оказывать им аэропланы.

Забегая несколько вперед, скажем, что к моменту создания Интерпола в 1923 году на дорогах мира уже насчитывалось свыше 18 миллионов автомашин, а в Европе и Америке стремительно развивалось авиационное сообщение. Если протяженность авиалиний в Европе составляла в 1918 году всего 3150 километров, то в 1924-м их длина возрастает до 23 240.

Появление новой категории «трансграничных» преступников требовало со стороны правоохранительных органов активных ответных действий и прежде всего решения ряда проблем, связанных с их розыском, идентификацией, задержанием, арестом и выдачей. Необходимо было установить постоянное сотрудничество государств в этой области, подвести под него организационные и правовые основы.

Специалисты все чаще приходили к выводу, что реализацию практических усилий в борьбе с международными преступниками должна взять на себя полиция.

АЛЬБЕРТ I ПРОТИВ КНЯЖНЫ СОФЬИ

Накануне первой мировой войны, в апреле 1914 года, в Монако состоялся I Международный конгресс уголовной полиции. Ини-

циатором его созыва и, как сейчас принято говорить, спонсором был глава княжества Монако Альберт I. Он принадлежал к старинной династии Гримальди. Представители этого рода всегда были известны своими романтическими приключениями в стиле произведений А. Дюма, а также незаурядными деловыми способностями. Сам Альберт I успешно совмещал свои государственные обязанности с научной деятельностью: он был известный океанограф, основатель одного из лучших океанографических музеев мира. Расположенное на Лазурном берегу это крошечное государство, площадью не больше лондонского Гайд-парка, уже давно было известно во всем мире не только мягким субтропическим климатом, пляжами, ласковым морем, но и знаменитым казино в Монте-Карло, приносящим казне в те годы 95 процентов всех доходов. Альберт I сам руководил финансовым ведомством в своей стране и был совладельцем казино.

Ежегодно со всего света съезжались сюда представители истеблишмента, а также множество искателей сомнительных приключений, аферистов, великосветских кокоток, мошенников и авантюристов. Это обстоятельство, кстати, дало повод Сомерсету Моэму метко назвать Монако того времени «солнечным местом для людей с темной репутацией». В то время у владельца казино еще не было, как сейчас, своей частной полицейской службы, «просеивающей» посетителей и преграждающей доступ подозрительным лицам. Тогда еще каждый входящий мог выдать себя за кого угодно: русского графа, американского миллионера или турецкого пашу. И вот однажды в Монако появилась молодая, очень красивая женщина, назвавшая себя немецкой княжной. Каждый вечер она посещала казино, ненадолго присаживалась к рулетке и делала одну ставку — не больше. Ей почти всегда везло, но она не проявляла радости по поводу выигрыша и с неизменно печальным лицом покидала зал. Таинственная незнакомка заинтересовала Альберта I. В свои 56 лет он хорошо сохранился, тщательно ухаживал за своей импозантной внешностью и не был женат. Он познакомился с Софьей (так звали княжну), пригласил ее во дворец. Они стали часто встречаться. Однажды после долгой вечерней прогулки с княжной вернувшийся во дворец герцог обнаружил, что его личный сейф, где хранилась государственная казна, взломан и из него украдены драгоценности и все наличные деньги. Утром оказалось, что исчезла и очаровательная Софья. Как потом выяснилось, она специально искала знакомства с герцогом и во время визитов во дворец высмотрела расположение всех комнат, местонахождение и конструкцию сейфа. В тот вечер она сама предложила герцогу прогулку по дворцовому парку, чтобы тот не помешал ее сообщникам совершить эту тщательно спланированную кражу...

Из Монако в соседние страны полетели телеграммы с приметами таинственной Софьи с просьбой задержать ее. Время шло, но поиски были безрезультатными. Вот тогда-то Альберт I и решил пригласить к себе на Лазурный берег руководителей полицейских ведомств многих стран, чтобы убедить их в необходимости начать совместную борьбу с «путешествующими преступниками».

Призыв был услышан, и в Монако съехались криминалисты из 24 стран Европы, Азии и Америки. Россия тоже направила на конгресс своего представителя от министерства внутренних дел.

Собравшиеся специалисты выразили в решениях конгресса принципиальное мнение о необходимости установления прямых контак-

тов между полицейскими ведомствами различных стран для борьбы с «международной преступностью». Это, в свою очередь, требовало создания организации «для взаимной помощи».

На конгрессе было решено, что сотрудничество на первом этапе должно выражаться главным образом во взаимном предоставлении информации уголовно-розыскного характера. Следующий конгресс намечалось провести в августе 1916 года в Бухаресте. Однако начавшаяся первая мировая война заставила надолго забыть о принятых резолюциях. Тем не менее западные авторы считают, что именно с конгресса в Монако началась история Интерпола.

После окончания войны Европу, а за ней и Америку захлестнула нарастающая волна преступности и сопутствующих ей криминальных явлений — наркомании, алкоголизма, проституции. По данным советского криминолога А. Герцензона, в девяти европейских странах: Англии, Австрии, Бельгии, Германии, Голландии, Дании, Италии, Франции и Швеции — в 1918 году было зарегистрировано 3,2 миллиона преступлений, в 1920 году — 4,3, а в 1923 году — 4,7 миллиона.

Такой рост преступности был вызван, во-первых, последствиями империалистической войны: гибелью более 10 миллионов трудоспособных мужчин, среди которых было много кормильцев семей; возвращением с фронтов сотен тысяч дезадаптированных войной людей; во-вторых, явился одним из результатов экономического кризиса, охватившего послевоенный капиталистический мир: появлением миллионов безработных, массовой инфляцией, разорением мелких крестьянских хозяйств, переселением многих сельских жителей в города.

Кроме того, разгром Германии, крах Австро-Венгерской монархии, восстановление государственной независимости Польши, прибалтийских государств и гражданская война в России вызвали в Европе мощные, практически не контролируемые миграционные процессы.

Указанные группы факторов безусловно оказали катализирующее влияние на темпы роста международной преступности. В результате во всех западноевропейских странах отмечается в то время значительное увеличение числа преступлений, совершенных иностранцами.

Хотя статистические показатели этой преступности отсутствуют, так как в тот период ни в одной стране уголовная статистика их специально не выделяла, однако отдельные имеющиеся данные убедительно подтверждают сказанное. Так, если с 1907 по 1917 год в Вене было зарегистрировано всего 19 случаев подделки банкнот, то в 1919 году число случаев фальшивомонетничества выросло до 193, причем 145 из них было совершено иностранцами.

Таким образом, налицо были многочисленные предпосылки, способствовавшие количественному росту и качественному изменению структуры преступности во многих странах мира.

В этих условиях задача объединения усилий полицейских служб разных стран для борьбы с международной преступностью требовала незамедлительного решения.

В 1923 году в Вене по инициативе полицай-президента столицы Австрии доктора Иоганна Шобера созывается II Международный полицейский конгресс. На конгрессе, в работе которого участвовали представители 30 стран, было принято решение о создании Международной комиссии уголовной полиции со штаб-квартирой

в Вене. Инициатора встречи И. Шобера избирают ее первым президентом. Были разработаны принципы, на которых основывалась деятельность Комиссии, и принят ее Устав. Основные функции этой организации, не столь обширные как в настоящее время, состояли в сборе и распространении информации о международных преступниках, в совершенствовании криминалистической техники полиции, а также в издании розыскного бюллетеня «Международная общественная безопасность».

Местом постоянной резиденции Комиссии была избрана Вена. Этот выбор был далеко не случаен. Во-первых, правительство Австрии выразило согласие полностью финансировать деятельность Комиссии, и, во-вторых, именно австрийская уголовная полиция в те годы располагала наиболее полными криминалистическими учетами, в которых были сосредоточены данные о преступниках многих стран Центральной Европы. Это обстоятельство существенно облегчало начальный этап создания более широкой системы регистрации международных преступников и совершенных ими преступлений.

С преступниками какого же «класса» предстояло вести борьбу новой организации?

«УПРАВЛЯЮЩИЙ БАНКОМ»

...В начале 20-х годов легендарный главарь американского преступного мира Аль-Капоне переживал золотые времена в буквальном смысле этого слова: контрабанда и нелегальная торговля спиртными напитками в условиях действовавшего тогда в США «сухого закона», налеты на банки, рэкет, эксплуатация проституции и игорный бизнес приносили ему баснословные доходы. Однажды в роскошном чикагском особняке Аль-Капоне появился незнакомый человек, представившийся управляющим одного из крупных банков Детройта. Настоящая фамилия его была Люстиг, и этот добродушный, жизнерадостный и любящий пошутить толстяк ее явно оправдывал (Lüstig — по-немецки «веселый»). Однако предложение, с которым он обратился к Аль-Капоне, носило отнюдь не шуточный, а явно криминальный характер: речь шла о возможности вооруженного ограбления хранилища банка, где якобы в качестве управляющего служил Люстиг. Причем он брался отключить охранную сигнализацию на время налета, а также указать гангстерам день, когда в банке будет большое количество наличных денег.

Забегая несколько вперед, скажем, что Люстиг был таким же «управляющим банком», как Аль-Капоне — буддийским монахом.

Опытный международный мошенник Люстиг, зная недоверчивый характер знаменитого американского гангстера, уже заранее продумал и подготовил всю операцию еще за несколько недель до своего визита к Аль-Капоне.

Для этого, изготовив фальшивую доверенность, Люстиг стал регулярно посещать центральный детройтский банк, выдавая себя за представителя одного из крупнейших банкирских домов Европы, приехавшего в США для того, чтобы заключить выгодную сделку. Через несколько дней многие служащие банка уже здоровались с общительным европейцем и не задерживали его, даже когда тот заходил в служебные помещения,— все были убеждены, что он приезжает для ведения важных переговоров с управляющим. Только тогда Люстиг счел возможным пригласить двух помощников

Аль-Капоне для «рекогносцировки». Он уверенно водил их по операционному залу, подводил к кассовым окошкам, приветливо здоровался с клерками, а затем, как и полагается любезному хозяину, проводил гангстеров к выходу. Все это создавало впечатление, что Люстиг действительно является управляющим этого банка. Аль-Капоне, которому доложили о результатах «рекогносцировки», соблазнился кажущейся легкостью предстоящего налета и дал согласие на его проведение. Тем более что Люстиг, со своей стороны, поставил только одно весьма скромное условие: небольшую часть своей доли в размере 5 тысяч долларов он просил выплатить ему заранее.

Наверное, не стоит подробно рассказывать, чем закончился налет на банк: два члена банды были убиты и один ранен после короткой и ожесточенной перестрелки с полицией, немедленно прибывшей к месту происшествия по тревоге, поднятой охранной сигнализацией. Сам Аль-Капоне и его люди поклялись страшно отомстить Люстигу, который в это время... уже плыл на трансатлантическом лайнере в Европу.

Прибыв в Париж, он поселился в супердорогом отеле «Крейон», где обычно останавливаются мультимиллионеры и особы королевских кровей. «Граф» (а именно так он зарегистрировался в книге приезжих) попросил портье ежедневно доставлять ему в апартаменты парижские газеты. Внимательному просмотру их Люстиг уделял много времени. Иногда в разделе хроники он находил сообщения о некоторых из своих прежних афер. Они льстили его тщеславию, но интересовали мало — нужны были новые идеи. Однажды его внимание привлекла заметка, в которой сообщалось о предстоящем ремонте Эйфелевой башни. Эти работы, указывалось в информации, обещают быть настолько дорогостоящими, что некоторые представители муниципалитета высказали соображения о нецелесообразности их проведения, считая, что дешевле будет просто демонтировать башню. Однако, по мнению большинства других членов муниципалитета, нельзя допустить, чтобы эта жемчужина инженерной мысли, ставшая символом и гордостью Парижа, бесславно закончила свою жизнь на свалке металлолома.

У прочитавшего эту заметку Люстига немедленно созрел план очередной акции. Он обзавелся фальшивыми документами, в которых значился высокопоставленным чиновником парижского муниципалитета. Используя их, Люстиг познакомился с месье Ф. — богатым владельцем крупной фирмы по сбору и переработке металлолома. Пригласив его на изысканный обед, Люстиг изложил свой план. «Все это пока совершенно секретно, — сказал «граф» собеседнику между двумя бокалами шампанского. — Но я могу достоверно сообщить вам, что муниципалитет все же решил продать Эйфелеву башню. Рекомендую не упустить эту возможность. Расходы на демонтаж с лихвой окупятся, так как металлолом — а это 7 тысяч тонн высококачественной стали — можно продать с большой прибылью. Однако в этом выгодном деле заинтересованы некоторые другие иностранные фирмы. Завтра в отеле «Крейон» под моим председательством состоится совещание, на котором будут обсуждены условия продажи башни. Я могу пригласить вас участвовать в этом совещании». Ф. рассыпался в благодарностях.

Когда они распрощались, Люстигу осталось только оповестить своих соучастников о месте и времени предстоящей встречи.

На следующий день в одном из небольших салонов отеля «Крейон» шестеро респектабельных мужчин, сидя в глубоких кожа-

ных креслах и попыхивая дорогими сигарами, вели неторопливую деловую беседу. Люстиг детально ознакомил собравшихся с условиями продажи Эйфелевой башни и закончил свою речь словами: «Это все, господа. Ожидаю ваших предложений. Прошу передать их мне завтра в письменном виде. Муниципалитет внимательно рассмотрит их и отдаст предпочтение лишь одному — наиболее выгодному для городских властей».

Через несколько дней Люстиг торжественно сообщил месье Ф., что именно его предложение одобрено муниципалитетом, и получил от владельца фирмы чек об оплате стоимости Эйфелевой башни. Нелишне добавить: для того, чтобы собрать достаточную для такой дорогостоящей покупки сумму, месье Ф. пришлось залезть в долги, продать все имеющиеся у него акции и ценные бумаги, а также заложить собственную виллу.

Люстиг и его сообщники немедленно реализовали чек и скорым поездом выехали в Вену. Однако вскоре все они были задержаны по ориентировке Комиссии. Новая организация делала свои первые шаги.

ПОРА СТАНОВЛЕНИЯ

В начальный период своего существования Комиссия еще не обладала статусом самостоятельной организации, а действовала лишь как вспомогательный орган Всемирного конгресса полиции, который предполагалось созывать один раз в четыре года. Этот статус Комиссия сохраняла до 1930 года, когда очередной Конгресс в Антверпене признал нецелесообразным проводить подобные встречи в дальнейшем.

Серьезные последствия для судьбы Комиссии имел приход к власти в Германии нацистов в 1933 году. Не будет преувеличением сказать, что последовавший за этим период — самые бесславные страницы в истории организации. Вскоре места немецких делегатов в Комиссии заняли представители политической полиции — гестапо. Это было грубым нарушением Устава, в соответствии с которым участвовать в работе Комиссии могли только службы уголовной полиции. Вскоре нацисты попытались поставить работу Комиссии под свой контроль, предприняв попытку перевести ее штаб-квартиру из Вены в Берлин. Тогда эта попытка не удалась. Однако вскоре после аншлюса Австрии в 1938 году по приказу шефа службы безопасности Гейдриха Международная комиссия уголовной полиции была переведена в Берлин. Тогда же Гейдрих назначил себя ее президентом. Комиссия формально продолжала существовать, но международные контакты с ней все страны прекратили. Разведка нацистской Германии активно использовала архивы Комиссии для того, чтобы среди международных преступников, находящихся в странах с колаборационистским режимом, вербовать свою агентуру. Кроме того, в Комиссии начали вести картотеку на функционеров международного коммунистического и рабочего движения.

В конце войны большинство архивов Комиссии было утрачено, а оставшаяся часть оказалась во Франции.

В 1946 году по инициативе одного из руководителей бельгийской полиции, Ф. Луважа, криминалисты 17 стран мира собрались в Брюсселе, чтобы вновь наладить «координацию в работе уголовной полиции». Было решено воссоздать Международную комиссию

уголовной полиции. Местом пребывания штаб-квартиры был избран Париж, где «осели» вывезенные из Германии архивы Комиссии. Кроме того, французские власти обещали выделить ей соответствующее здание.

В 1956 году на сессии в Вене был принят новый Устав Комиссии. Было объявлено, что отныне она будет именоваться «Международная организация уголовной полиции», а действовавший с 1947 года телеграфный адрес штаб-квартиры — «Интерпол» — становится ее вторым официальным названием. Были утверждены эмблема и флаг организации. К этому времени в ее составе числилось уже 57 стран.

СОВРЕМЕННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Устав (действующий с незначительными изменениями и в настоящее время) закрепляет структуру Интерпола, которая во многих чертах типична для современных международных организаций.

В соответствии со статьей 5 Устава Интерпол имеет высший пленарный орган — Генеральную ассамблею, а также административный орган с более узкими полномочиями и составом — Исполнительный комитет, возглавляемый президентом. Постоянно действующим рабочим аппаратом организации является Генеральный секретариат, которым руководит Генеральный секретарь.

Вместе с тем в системе Интерпола имеется орган, аналога которому нет в структуре других международных организаций — национальные центральные бюро (НЦБ). Каждая страна, вступившая в Интерпол, создает в центральном аппарате своей полиции НЦБ, которое одновременно является первичной структурной единицей Интерпола.

Но это статичный образ организации. Подлинное представление о месте и роли каждого из ее органов в повседневной деятельности дает знакомство с их компетенцией и функциями.

Генеральная ассамблея — высший орган Интерпола, образуемый делегатами всех стран-участниц. Сессии Генеральной ассамблеи проводятся ежегодно, поочередно в разных странах, как правило, осенью. Государства, не входящие в организацию, могут направить на сессию своих наблюдателей. Список приглашаемых наблюдателей предварительно передается на одобрение страны, где намечено провести сессию. В работе сессии также могут принять участие и представители других международных организаций. Наиболее часто этим правом пользуются такие организации, как ООН, ИКАО (Международная организация гражданской авиации), Таможенный Совет, а также Европейский парламент.

Отдельные развивающиеся страны нередко из-за финансовых трудностей вообще не направляют своих представителей на очередную сессию Ассамблеи, в лучшем случае — одного-двух человек, особенно если сессия проводится на другом континенте.

В состав делегации в соответствии с Уставом предлагается включать высших сотрудников уголовной полиции стран-участниц, служащих, деятельность которых в национальном масштабе связана с работой организации, а также специалистов по вопросам, включенным в повестку дня данной сессии Генеральной ассамблеи.

Заседания сессии, как правило, проходят при «закрытых дверях».

В компетенцию Генеральной ассамблеи входит решение важнейших вопросов деятельности организации, внесение изменений в Устав,

прием новых членов, рассмотрение и утверждение ежегодного плана работы, избрание руководящих должностных лиц организации, утверждение ее бюджета.

Для углубленного изучения отдельных наиболее сложных и актуальных вопросов борьбы с преступностью Генеральная ассамблея может образовывать постоянные или временные комиссии.

Каждая ежегодная сессия посвящена рассмотрению какой-то одной или нескольких крупных проблем. Например, на 58-й сессии Генеральной ассамблеи (Лион, 28 ноября — 2 декабря 1989 года) обсуждались такие вопросы, как борьба с организованной преступностью в сфере наркобизнеса, фальшивомонетничества, а также с международным терроризмом.

Исполнительный комитет — выборный орган организации, который в период между сессиями Генеральной ассамблеи наблюдает за исполнением ее решений, готовит повестку дня и материалы очередной сессии. Исполнительный комитет состоит из президента, трех вице-президентов и девяти членов. Все они должны представлять разные страны, а президент и вице-президенты — разные континенты. Президент избирается Генеральной ассамблеей сроком на 4 года, а вице-президенты и члены Комитета — на 3 года. Заседания исполнительного комитета проходят 2—3 раза в год. Решения принимаются простым большинством голосов, но президент пользуется правом голоса в случаях, когда голоса остальных членов комитета распределяются поровну. В ноябре 1988 года президентом был избран занимавший в то время пост генерального директора Национальной полиции Французской республики И. Барбо.

Важной обязанностью Исполнительного комитета является также контроль за деятельностью Генерального секретаря и его аппарата.

Пост Генерального секретаря Интерпола считается одним из ключевых и наиболее ответственных. Он возглавляет постоянно действующий рабочий орган организации — **Генеральный секретариат**, организует и направляет работу органов и служб.

В соответствии с Уставом (ст. 25) именно секретариат — тот орган, который обеспечивает проведение в жизнь решений Генеральной ассамблеи и Исполнительного комитета, координирует все операции, предпринимаемые полицейскими службами государств — членов Интерпола, то есть действует как «международный центр борьбы с уголовной преступностью», а также «как технический и информационный центр».

Генеральный секретарь Интерпола избирается Генеральной ассамблеей сроком на 5 лет из числа специалистов, обладающих значительными познаниями в области полицейских проблем. Возраст его не должен превышать 65 лет. Этот пост с 1985 года занимает англичанин Реймонд Кэндалл, выпускник Оксфордского университета. Свою деятельность в качестве полицейского офицера он начал в Уганде, а затем с 1962 года служил в специальном отделе Скотленд-Ярда. Работает в Интерполе с 1971 года. Владеет несколькими иностранными языками.

Общая численность сотрудников секретариата 300 человек, из них около 80 являются полицейскими (в звании от лейтенанта до майора) из более чем тридцати стран.

Согласно вступившему в силу в 1984 году соглашению с правительством Франции, сотрудники штаб-квартиры Интерпола поль-

зуются такими же привилегиями, как и служащие других международных организаций, расположенных на территории этой страны.

В настоящее время (после значительных изменений в 1985 — 1987 годах) секретариат состоит из 4 отделов: общего административного руководства, полицейского, справочно-информационного, технического обеспечения.

Центральное место как по важности выполняемых задач, так и по объему работы, бесспорно, занимает **полицейский отдел**, самый многочисленный среди других. Этот отдел координирует все виды практического сотрудничества полицейских органов стран-участниц в борьбе с преступностью. Он состоит из трех подотделов, известных под номерами «первый», «второй», «третий» (каждый из которых делится на группы).

Первый подотдел ведет обработку всех материалов о преступлениях против личности и собственности, а также актах международного терроризма и организованной преступности.

В этом подотделе концентрируется и обрабатывается информация о насильственных преступлениях против личности, торговле оружием, а также преступлениях против собственности, в том числе и хищениях произведений искусства. Преступления последней из указанных категорий особенно многочисленны — по данным Интерпола, ежегодно в мире совершается около 200 крупных краж, при этом найти и вернуть похищенное удастся лишь в одном случае из десяти. Тем не менее имеются многочисленные примеры эффективного участия Интерпола в расследовании этого вида хищений.

ОПЕРАЦИЯ «МАДОННА»

...6 ноября 1983 года жители Венгрии были потрясены экстренным сообщением газет, радио, телевидения: накануне из Будапештского музея были похищены 5 картин кисти величайших художников эпохи Возрождения — Рафаэля, Тинторетто и две картины представителей более поздней эпохи — отца и сына Тьеполо. Осмотр места происшествия позволил установить, что преступники проникли в музей после его закрытия, выдавив стекло в балконной двери на втором этаже здания. По мнению авторитетных экспертов-искусствоведов, украденные картины не имели стоимости в денежном эквиваленте — настолько высока была их художественная ценность. Что касается страховой оценки, то она составляла около 35 миллионов долларов.

В числе похищенных наиболее известной и ценной была картина Рафаэля «Мадонна Эстерхази». По ее названию вся операция венгерской полиции по розыску картин и преступников получила условное обозначение «Мадонна».

В ходе расследования активно отрабатывалась версия о возможной попытке преступников вывезти похищенные картины за рубеж. Поэтому было принято решение о тщательной проверке на пограничных КПП всех выезжающих из Венгрии лиц и транспортных средств. Хотя это решение было принято оперативно и его выполнение началось немедленно, но, как выяснилось позднее, мера эта все же оказалась запоздавшей. Шесть картин (из семи) преступники на личной автомашине успели вывезти за пределы страны и к тому времени уже двигались по дорогам Югославии в сторону Греции.

Несмотря на то, что венгерское НЦБ оповестило о краже картин все европейские страны, входящие в Интерпол, в первые дни расследования никакой информации, представляющей оперативный интерес, из-за рубежа получено не было. Пессимистичным относительно перспектив раскрытия преступления было и мнение приглашенных в Будапешт из разных стран криминалистов, специализирующихся на расследовании подобного вида краж.

Однако настойчивая и кропотливая работа венгерских органов милиции, а также активное содействие Интерпола принесли свои плоды. После тщательной проверки личности всех находившихся в день кражи картин в Венгрии иностранных туристов (около 10 тысяч человек) было установлено 5 итальянцев, которые прибыли в страну двумя группами — двое из Румынии, а остальные из Италии. В первую же ночь после кражи итальянцы группами в том же составе выехали из Венгрии: двое — поездом в Румынию, а трое других на личной автомашине — в Югославию. Сверив запрошенные из Италии их фотографии с имевшимися в картотеках Интерпола, удалось установить, что все они являются членами неаполитанской мафии — «каморры». Двое из них — Ивано Скьянти и Грациано Йори разыскивались Интерполом за убийство и предположительно скрывались где-то в Румынии. С помощью итальянских, греческих, румынских правоохранительных органов удалось их разыскать, арестовать, а затем обнаружить место сокрытия картин в Греции. Полотна после нескольких недель хранения в свернутом виде в земле пришлось реставрировать. Вся операция заняла 81 день и стала одной из самых удачных в истории Интерпола за последние годы.

За активное участие в ее проведении Государственный совет Венгрии наградил двух руководящих работников Интерпола орденами.

Венгерское НЦБ Интерпола («Интерпол-Будапешт») подсчитало, что им было направлено в различные страны 286 телеграмм, проведено 104 телефонных разговора, отправлено и получено около 650 сообщений, документов и писем. Кроме того, по этому делу состоялось несколько выездов венгерских специалистов в соседние страны. К сказанному остается добавить, что Венгрия вступила в Интерпол осенью 1981 года, то есть за два года до описываемых событий...

Значительные усилия приходится прилагать сотрудникам этого подразделения Интерпола также в борьбе с различного рода подделками предметов, имеющих художественную или историческую ценность.

Так, сравнительно недавно при активном содействии Интерпола в Бразилии была ликвидирована нелегальная фирма «Крез». Она специализировалась на изготовлении и сбыте поддельных предметов старины. Сфера криминальной деятельности фирмы, помимо Бразилии, охватывала еще несколько стран: Парагвай, Чили, Сальвадор, Багамские острова, Либерию, Марокко, Ливан — там были созданы ее «филиалы». В их состав входили «шеф», «посредник», «охранник» и «эксперт». Предлагаемую «посредником» «редкость» обязательно осматривал «эксперт», контору которого соучастники предварительно располагали в самом престижном районе того или иного города. В результате «экспертизы» покупатель убеждался в под-

линности предмета предстоящей покупки и готов был уплатить за него немалые деньги. Их, в свою очередь, получал шеф, появлявшийся в качестве владельца товара в сопровождении охранника в кульминационный момент сделки. После удачной продажи все представители «филиала» незамедлительно и навсегда исчезали из города. Об уровне преступных доходов фирмы можно косвенно судить по одной из ее последних операций: «подлинный» щит древнеперсидского царя Дария был продан незадачливому покупателю за 3 миллиона 900 тысяч долларов...

Второй подотдел обрабатывает информацию о финансовых и других преступлениях в сфере бизнеса, о «компьютерных» преступлениях, фальшивомонетничестве (подделка денежных знаков и ценных бумаг).

Материалов по последней из названных категорий преступлений особенно много: за год сотрудникам группы (а их всего 6 человек) приходится обрабатывать информацию примерно о 2 тысячах случаев обнаружения подделок денежных знаков в разных странах мира. В коллекции образцов фальшивых банкнот, имеющейся в этом подразделении, насчитывается более 18 тысяч поддельных купюр разных стран (примерно $\frac{3}{4}$ из них — американские доллары). На сотрудников группы возложена также обязанность подготовки и текущего обновления специального бюллетеня-справочника «Фальшивомонетничество и подлоги» (выпускаемого в виде набора несброшюрованных листов), подписчиками которого являются более 15 тысяч банков и эмиссионных учреждений мира, в том числе и в нашей стране.

ВЕРБЛЮД-ПОСОБНИК

Третий подотдел (самое большое подразделение в отделе — 30 сотрудников из 19 стран) занимается сбором и анализом информации о незаконной торговле наркотиками. С целью повышения эффективности деятельности отдел в 1985 году был реорганизован. В его составе была сформирована особая служба при руководителе подотдела, в которую были включены так называемые «офицеры связи» — сотрудники, в функции которых входит установление контактов между полицейскими службами разных стран, ведущими борьбу с незаконным изготовлением и торговлей наркотиками.

Во время реорганизации в 1985 году в составе подотдела также были образованы группа по проведению операций и группа разведки. Первая из них стала отвечать за координацию практических операций, проводимых одновременно полицией нескольких стран против действующих в них филиалов одной и той же преступной группы торговцев наркотиками.

Вторая группа — разведки — ведет сбор информации о действиях, предпринимаемых международными синдикатами торговцев наркотиками, о поездках курьеров и других участников этих групп по странам мира, их маршрутах, применяемых способах сокрытия и транспортировки наркотиков.

Все эти данные тщательно анализируются. По свидетельству руководителя этого подотдела Интерпола С. Саборина, маршруты транспортировки «белой смерти» достаточно часто меняются. Так, из-за высокой насыщенности наркотиками рынка США главари латино-американского наркобизнеса сейчас переориентировали грузопотоки своей продукции в Испанию, через которую другие европей-

ские страны стали получать около 40 процентов кокаина. Испания оказалась привлекательной для южноамериканских поставщиков отсутствием языковых и культурных барьеров, наличием 12 крупных морских портов, множества мелких гаваней и 20 международных аэропортов.

Произошло значительное изменение и структуры потребления наркотиков. Количество кокаина на подпольных рынках Европы только за последний год возросло 350 процентов, в то время как потребление героина осталось на прежнем уровне (в том числе из-за боязни заражения СПИДом через шприцы).

Что касается средств транспортировки и сокрытия «наркотовара», то здесь сотрудникам подотдела приходится непрерывно сталкиваться с самыми хитроумными и неожиданными вариантами.

В помещении Генерального секретариата Интерпола есть небольшой музей предметов, изъятых полицией при расследовании отдельных неординарных уголовных дел. Среди экспонатов — небольшой металлический контейнер, слегка заостренный с одного конца. В таких контейнерах долгое время переправлялись наркотики через Ливан в США. Эти изготовленные по специальному заказу контейнеры преступники начиняли героином, герметически закрывали и давали проглотить верблюдам. Караваны верблюдов, сопровождаемые погонщиками, пересекали ливанскую границу, не вызывая никаких подозрений.

В Интерполе имелась информация, что наркотики переправляются через Ливан, но самые тщательные таможенные досмотры результатов не давали. Однако сотрудники таможни в конце концов обратили внимание на верблюжьи караваны, проходившие пункты по определенным датам в сопровождении одних и тех же людей. Решено было подвергнуть животных рентгенографии. В результате у первого же верблюда были обнаружены в желудке несколько контейнеров с героином. Контрабанда через Ливан на некоторое время прекратилась. Но торговцы наркотиками нашли выход и стали... давать верблюдам каучуковые шарики, начиненные героином. Рентгенография в этом случае оказалась малоэффективной. В Интерполе снова обратили внимание на новый приток героина в США, который, как удалось установить, начал снова поступать через Ливан. Тогда на контрольных пунктах таможенники стали давать верблюдам слабительное. Как видим, Интерпол на время перехитрил торговцев «белой смертью». Однако способы транспортировки ядовитого зелья непрерывно совершенствуются. В последнее время в этой области был зарегистрирован ряд «технических новинок». Это и заминированные (против несанкционированного проникновения) плавающие в прибрежных морских водах склады наркотиков, которые замаскированы под старые бочки из-под горючего и снабжены радиомаяками наведения, это и небольшие безэкипажные подводные лодки, управляемые по радио, и многое другое.

Вся информация о наркобизнесе, поступающая в этот подотдел Интерпола и представляющая оперативный интерес, незамедлительно передается полиции стран-участниц. Кроме того, подотдел выпускает еженедельный бюллетень и ежемесячный обзор, в которых освещаются все изменения, происходящие в сфере незаконного производства и торговли наркотиками.

В частности, отмечается, что в настоящее время происходит процесс «интеллектуализации» наркобизнеса. В результате активной

борьбы правоохранительных органов с незаконным оборотом наркотиков руководители преступных синдикатов вынуждены менять тактику: сейчас они делают ставку на передовые технологии, привлекают к работе высококвалифицированных ученых и менеджеров. На место «наркобоссов», действовавших с помощью «кольтов» и «стэнов», все чаще приходят молодые технократы, организующие производство на самом современном уровне. Имеются данные, что специалистам — «электронщикам», состоящим на службе наркомафии, удавалось подключаться к компьютеру ФБР, где хранится строго конфиденциальная информация о торговцах наркотиками. Выполняя тот же заказ, ученые-селекционеры в Мексике вывели сорт мака коричневого цвета, плантации которого трудно обнаружить с воздуха, а химики и бактериологи в Боливии и Перу успешно разрабатывают средства защиты посевов наркосодержащих растений от уничтожающего воздействия препаратов, применяемых американскими специальными подразделениями.

Аналитики Интерпола считают, что сейчас «стратегическая линия обороны» от наркотиков должна переместиться в страны-производители и страны, через которые осуществляется их транзитный провоз.

ИНФРАСТРУКТУРА И КОММУНИКАЦИЯ

Справочно-информационный отдел секретариата строит свою работу в трех направлениях: исследовательском, систематизации справочно-информационных источников, а также выпуска официальных изданий Интерпола, справочников, различных оповещений оперативно-розыскного характера.

В ведении этого отдела находится и библиотека Интерпола. Это уникальное собрание книг, журналов, международных договоров и конвенций, посвященных борьбе с преступностью, текстов уголовных и уголовно-процессуальных законов различных государств. Ежемесячно из разных стран мира в библиотеку поступает более 170 периодических изданий, в основном криминалистического и криминологического характера.

На справочно-информационный отдел возложена также подготовка и издание официального печатного органа Интерпола — «Международное обозрение криминальной полиции». Этот журнал выходит 6 раз в год (на английском, французском, испанском и арабском языках) тиражом около 3 тысяч экземпляров.

Отдел технического обеспечения создан в 1987 году из ранее действовавших в системе секретариата службы телекоммуникаций и службы ЭВМ. Кроме них, в состав нового отдела была переведена служба уголовной регистрации, ответственная за ведение криминалистических учетов (дактилоскопической и фотокартотек) и за подготовку международных циркуляров розыскного и ориентирующего характера.

Кроме перечисленных функциональных отделов, в структуре секретариата имеется несколько небольших по численности персонала служб, не входящих в эти отделы и находящихся в непосредственном подчинении генерального секретаря. Таких служб три, и все они были созданы в период 1985—1987 годов.

На первую из них — Департамент общественных отношений возложена задача информации мировой общественности о специфиче-

ских функциях Интерпола в борьбе с преступностью, о его роли и месте среди других международных организаций.

Причиной создания второй службы — **Специальной группы** — явился налет на штаб-квартиру Интерпола в Сен-Клу ночью 16 мая 1986 года боевиков из экстремистской организации «Аксьон директ». Они взорвали бомбу в одном из помещений первого этажа. Один из охранников был ранен, а сила взрыва, потрясшего здание, была настолько велика, что в течение нескольких месяцев во всей штаб-квартире не работали лифты. Для обеспечения в будущем надежной безопасности штаб-квартиры и была сформирована эта служба.

Третьей службой стало **Европейское бюро Секретариата**, созданное для разрешения региональных проблем сотрудничества полиции европейских стран в борьбе с преступностью.

Идея создания такой службы для «чисто европейских нужд» в Интерполе высказывалась уже давно. Это объясняется тем, что на долю европейских стран приходится значительная часть работы организации. Совсем недавно создано аналогичное региональное бюро для стран Юго-Восточной Азии с дислокацией в Таиланде (Бангкок), координирующее работу полиции стран региона в основном по борьбе с незаконной торговлей наркотиками.

Первичными звеньями Интерпола, его представительствами на местах, являются **национальные центральные бюро**. Каждая страна, вступившая в Интерпол, должна создать в системе своих правоохранительных органов, выполняющих полицейские функции, НЦБ для постоянной связи со штаб-квартирой организации. Как правило, функции НЦБ выполняет центральный орган криминальной полиции страны-участницы (в Японии, например, это Национальное полицейское агентство, в Великобритании — Скотленд-Ярд, в ФРГ — Федеральное управление уголовной полиции и т. п.). В деловой переписке для краткости принято называть НЦБ по городам, в которых они расположены: «Интерпол-Токио», «Интерпол-Лондон», «Интерпол-Висбаден» и т. д. НЦБ каждой страны — это именно то образование, через которое ее полицейская служба реально участвует в международном сотрудничестве по борьбе с преступностью.

С 1987 года в Интерполе была введена автоматизированная обработка поступающих данных — вся принимаемая по каналам связи информация сразу классифицируется и вводится в компьютер.

За годы существования организации в Генеральном секретариате созданы обширные криминалистические учеты.

Самой большой является **компьютеризированная картотека международных преступников** — около 250 тысяч человек. В память мощной ЭВМ внесены их фамилии и имена, как подлинные, так и вымышленные, клички и прозвища, под которыми они известны в преступном мире, данные о внешности, сведения о времени и месте рождения, национальности, преступной специализации (мошенник, похититель произведений искусства, взломщик сейфов и т. д.), применяемом им обычно способе совершения преступления, фотографии и отпечатки пальцев.

Ведутся также компьютеризированные картотеки, содержащие сведения об украденных в разных странах автомашинах, похищенных произведениях искусства, ценных ювелирных изделиях. Имеется также справочная картотека ручного нарезного огнестрельного оружия, производимого в различных странах.

К моменту переезда в новое здание штаб-квартиры в Лионе ле-

том 1989 года полностью завершилось техническое переоснащение Интерпола. «Замена бумажного делопроизводства на оптические диски и лазерные считывающие устройства,— говорит Генеральный секретарь организации Р. Кендалл,— позволила нам сократить сроки розыска и оповещения. Скорость — залог успеха нашей работы. Теперь мы способны обрабатывать свыше 3 тысяч шифросообщений в день вне зависимости от их способа передачи: радио, телефакс, телетайп или даже морзянка из некоторых небольших стран». Если раньше для передачи сообщения в НЦБ некоторых стран требовалось до двух суток, то теперь лишь 10—15 секунд. Нет нужды говорить, что электронный банк данных Интерпола надежно защищен от постороннего вторжения.

ДЕЛА ФИНАНСОВЫЕ

Многообразный и с каждым годом всевозрастающий объем деятельности Интерпола требует значительных финансовых средств.

В довоенные и первые послевоенные годы финансирование организации осуществляли главным образом те страны, на территории которых располагалась штаб-квартира Интерпола, то есть Австрия, а затем Франция.

В настоящее время в соответствии со статьей 38 Устава доходная часть бюджета Интерпола формируется в основном из взносов (в швейцарской валюте) всех стран-участниц, а также даров, завещаний (принятие их должно быть одобрено исполнительным комитетом) и других источников. Под «другими источниками» подразумеваются средства, полученные от подписки на официальные издания Интерпола и продажи снятых им учебных фильмов.

Размер ежегодного взноса каждой страны зависит от уровня ее экономического развития, величины территории, численности населения, объема помощи, которая оказывается ей Интерполом в борьбе с преступностью. По совокупности указанных критериев все страны-члены подразделены на 12 групп. Взнос страны, включенной в первую группу (туда входит пока только США), составляет 80 условных бюджетных единиц, в двенадцатую группу (в основном это развивающиеся и маленькие страны) — 1 бюджетную единицу. Величина бюджетной единицы постоянно пересматривается организацией с учетом роста инфляции и расходов. Так, если в 1958 году «стоимость» бюджетной единицы равнялась 1350 швейцарских франков (в 1969-м — 3500, в 1976-м — 8600, в 1984-м — 11 400, в 1985-м — 12 500, в 1987 году — 15 000), то с 1 января 1990 года она составляет уже 17 300 швейцарских франков. Таким образом, ежегодный взнос страны-участницы, отнесенной к первой группе (США), составляет в настоящее время 1 384 000 швейцарских франков.

Каждая страна, вступающая в Интерпол, сама определяет, к какой группе она должна относиться, и представляет свое решение на утверждение исполнительного комитета. Если исполнительный комитет сочтет предлагаемую величину взноса заниженной по отношению к финансовым возможностям страны, он поручает Генеральному секретарю согласовать с представителями этой страны вопрос об уплате более высокого взноса.

Все страны-участницы осуществляют взнос из средств государственного бюджета, перечисляя их на счет Интерпола в один из швейцарских банков.

Расходная часть бюджета включает оплату труда постоянных и временных сотрудников Генерального секретариата, оснащение штаб-квартиры необходимыми средствами оргтехники и связи, оказание финансовой помощи развивающимся странам в строительстве зональных радиостанций, выделение сотрудникам полиции этих стран стипендий для стажировки в Генеральном секретариате или в НЦБ развитых стран и т. п.

Проект бюджета организации составляется Генеральным секретарем на каждый год, утверждается исполнительным комитетом, но вступает в силу только после его одобрения Генеральной ассамблеей.

Контроль за расходованием средств бюджета осуществляет ревизионная комиссия, избираемая Генеральной ассамблеей. В 1989 году бюджет Интерпола составил около 24 миллионов швейцарских франков.

ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ

Если говорить о будущем Интерпола, то в ближайшей перспективе организация будет поставлена перед задачей значительной активизации и расширения своей деятельности.

Резко возросшие за последнее время интеграционные процессы между странами мирового сообщества, в результате которых государственные границы становятся все более условным понятием, по-видимому, окажут определенное воздействие на динамику и характер международной преступности. Как известно, в 1992 году намерено ввести систему свободного перемещения людей и товаров в 12 европейских странах (с общей численностью населения 320 миллионов человек), объединенных в ЕЭС.

Президент Интерпола И. Барбо в одном из интервью по этому поводу заявил: «При расширении контактов граждан европейских стран — именно такова тенденция нашего времени — главари преступного мира государств Европы обязательно попытаются найти общий язык. Если уже не нашли его! Суровые факты, но реалии таковы: если он станет реальностью, у нас — полицейских — прибавится работы».

Сейчас в Интерпол входят 150 государств. Советский Союз в необходимых случаях имеет контакты с этой организацией, которые осуществляются по дипломатическим каналам. Однако...

В середине декабря 1989 года впервые официальная советская делегация в составе десяти человек посетила штаб-квартиру Интерпола. В делегацию входили представители Министерств иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов и других ведомств. Целью поездки было изучение вопроса о вступлении нашей страны в Интерпол.

**К. РОДИОНОВ,
С. ЯНИ,**

кандидаты юридических наук

Начало см. на стр. 15.

ЗАКОН ДЛЯ (ПРОТИВ) НЕФОРМАЛОВ

законных интересов граждан в связи с их членством в общественных объединениях (союзах) наказываются по закону». Только так можно прийти к подлинному, цивилизованному правопорядку.

Поскольку гражданское общество по авторской концепции отделяется лишь от государства, но не от Закона, мы сочли себя вправе включить в проект нормы, затрагивающие внутреннюю жизнь союзов. В частности, закрепляется, что членство в союзах является добровольным; никто не может быть принужден к вступлению в общественное объединение, а равно ограничен в этом праве по основаниям, не предусмотренным в его уставе; право члена союза в любое время выйти из него не подлежит ограничениям. Предусмотрена также возможность судебного обжалования членом общественного объединения решений руководящих органов союза, если они ущемляют его права и законные интересы.

Государственное признание нового общественного союза должно выражаться в форме регистрации его устава. В этом пункте наш проект сходится с официальным. Для отказа в регистрации наш вариант предусматривает исчерпывающий перечень оснований, а для его обжалования — судебный порядок, как единственно отвечающий идеологии правового государства. В судебном порядке также можно обжаловать и решение суда о прекращении деятельности (ропуске) общественного союза. Причем признание решения противозаконным влечет не только его отмену, но и возмещение всех убытков, понесенных объединением граждан.

Почему мы специально предусмотрели возможность возмещения убытков? Да потому, что проект дает возможность союзам вести обширную производственно-хозяйственную деятельность. На членские взносы, как известно, не проживешь. Особенно в условиях рыночной экономики. А если могут быть доходы, то, следовательно, нужно побеспокоиться и о возмещении убытков. В проекте зафиксировано право общественных союзов создавать предприятия, организации и объединения, проводить платные мероприятия, вести издательскую деятельность, проводить лотереи и аукционы для создания материальных условий, обеспечивающих достижение уставных целей и задач. Производственно-хозяйственная деятельность в отличие от членских взносов должна, по нашему мнению, облагаться налогом: нельзя допустить, чтобы и в дальнейшем иные общественные организации нагуливали жиры за счет налогоплательщиков.

И последнее. Альтернативный проект — это не выпад и не политический демарш. Его роль в том, чтобы активизировать дискуссию о наиболее целесообразных путях правового регулирования организации и деятельности общественных организаций, предложить одну из возможных моделей будущего Закона. Важно не ошибиться в выборе.

М. ФЕДОТОВ,
доктор юридических наук

Наш двор

У города моего детства, слава богу, осталось теплое имя. Светлое и спокойное, отдающее белизной берез. Хотя, насколько я помню, берез у нас было негусто. Все больше колонны тополей да толпы акаций во дворах и вдоль улиц.

Правда, старожилы утверждают, что когда-то серьезно ставился вопрос о переименовании города. Чтобы он в названии своем нес зримые черты эпохи. Варианты предлагались разные. Больше всего сторонников было у Сталинска-на-Каме. Еще называли Индустриальск и даже Пятилеток.

Но городу так и не довелось носить ни одного из столь звучных имен. Зато улицы у нас все «отражали», звались звонко. Их в городе было тогда всего четыре: имени Ленина, Пятилетки, Индустриализации, проспект Сталина. Да еще Стахановский переулок.

Мы жили на улице Ленина. На нашей стороне стояли три трехэтажных дома. На противоположной — школа, пожарное депо, баня.

Из всех достопримечательностей больше всего мы любили баню. Теперь уже мало кто знает, чем была единственная баня в маленьком городке. Мы жили, можно сказать, на самом «бойком» месте. Мимо нас спешил занять очередь весь город. С тазиками, вениками. Мы видели всех торопящихся туда и шествующих обратно. Да, человек после бани не тот, что до помывки. Мы любили крутиться у входа в нее. Делали вид, что у нас занята очередь, и сидели на лавочки, где умиротворенно-помывшиеся пили бледное сидро и вели разговоры. А вечером я выпаливала маме городские новости:

— Говорят, завтра хлеба в магазине не будет. На хлебозаводе поймали диверсантов. Они в тесто толченое стекло добавляли. Вот и закроют завод.

— В Стахановском жена мужа убила.

— Господи, отец,— хваталась за голову мама,— запрети ей шлаться к бане. Ведь сплетница растет.

Отец смеялся:

— Значит, стекло? Хорошо, хоть яда не приплели. А вообще-то действительно не шлаться. Сиди во дворе.

Ничего себе! Сиди во дворе, когда там все известно, ничего нового. И нас снова сдувало со двора в часы «банного пика».

И однажды именно там, у бани, я поняла, что далеко не все и не про всех знаю в нашем дворе.

Наверное, так же как и мы, к началу «банного пика» спешили занять свои места у выхода из бани нищие. Они прекрасно, видимо, знали, что человек после бани — подобревший человек, и раскладывали на земле свои кепки, ставили кружки.

Был среди них один, которого мы боялись. И если он появлялся на своем обычном месте, спешили во двор.

По-моему, чуть не все в городе знали его фамилию — Григин. Подавали ему не потому, что жалели или сочувствовали, хотя он и был одноногий. Скорее, чтоб не связываться. Кидали монеты в его кепку чаще, чем другим. Но не дай бог, если благопристойный горожанин проходил мимо, не кивал ему или подаяние казалось Григину мизерным. Из его крутой, расписанной и разрисованной груди вырывался какой-то даже не рев, а рык:

— У... падла, удавись своей копейкой. Пока мы на фронтах парились, ты тут жирел!

Григин швырял в растерянного горожанина кепку с мелочью. Тот чуть ли не извиняясь, тихо-тихо с веником под мышкой шмыгал за угол. Еще какое-то время Григин бушевал, потом звал кого-нибудь из мальчишек:

— Шкет, собери герою, да не ховай в карман.

Потом пересчитывал «выручку». Такие сцены повторялись регулярно.

Надо сказать, баня у нас работала так: день — мужской, день — женский. И вот как-то в летний «мужской» день отец и еще несколько мужчин из нашего дома отправились «на маскарад» (до сих пор не пойму, почему они так говорили).

Мы же, конечно, крутились вокруг бани. И разговор на лавке, куда я пристроилась, казался таким интересным, что даже присутствие Григина не погнало меня во двор. Главное — заметить, когда выйдут «наши», и смыться.

Хлопнула дверь. В душно-зависшем зное, когда люди из одной парилки окунались на улице в другую, они и говорили тихо. От лени ли, от усталости ли. Во всяком случае, хлопок двери привлек внимание. Григин, казалось, заснувший, осоловевший от жары, красно-мордый, с прилипшим ко лбу треугольником чубчика, вдруг напрягся, словно зверь перед прыжком и... Сегодня рык его превзошел все нормы.

Он трясся, как в лихорадке, судорожно шарил по земле рукой, ища костыль, уставившись на вышедшего из бани.

— А-а-а, вот ты где, вошь жидовская! — он мгновенно вскочил, оперевшись на костыль, рванул на себя вышедшего. Но рухнул на землю, увлекая за собой человека.

— Бежим, драка будет! — дергала меня за плечо Валька.

Но что-то впаяло меня в скамейку, и я не могла подняться. Вокруг стояли помытые, чистые мужики и смотрели. То ли не хотели испачкаться, то ли не могли пока понять, чью сторону принять. А в пыли Григин бил старика. Его костыль отлетел. Но он выхватил у старика веник и хлестал того по лицу.

— Чего они? — лениво спросили рядом.

— А... Григин жида учит...

Видимо, у Григина вся сила ушла в руки — так он неистовствовал:

— В каменном доме живешь, курицу жрешь, вошь. Жалко, что я тебя тогда в бараке не удавил. За такую гниду и срок бы не накинули.

Старик сжался в клубок, подгибался, прятал лицо и молчал.

— Да вы что, мужики? — раздался женский визг. — Забьет ведь он его!

— И забью. Он знаешь кто!! — Григин перестал хлестать. — Вражина, мразь. Враг он народу. Значит, мне, вам всем. — Григин отбросил веник. Старик отполз в сторону.

— Ку-да?! — завопил Григин и пополз за ним. Но старик пополз быстро-быстро. Я не понимала, почему он не встанет и не побежит, ведь нищий без костыля его не догонит.

Кто-то услужливо подал Григину костыль:

— Правильно ты его, солдат!

— Солдат?! Мать твою... — Раздался такой мат, что если б я не увидела, что это кричит мой отец, никогда бы не поверила. — Солдат! Не пачкай, мразь уголовная, святого. Вы ему тут подаете, а он всю войну в лагере просидел. Сам себе ногу прострелил, чтоб на фронт не идти! А она от гангрены сгнила.

Люди с недоумением смотрели на отца, на Григина. А тот заюлил по пыли на заднице. Слово про костыль забыл. Заглядывал снизу на отца, подпрыгивал на руках:

— Что ты, что ты, Владимир Семенович, я же за справедливость. Ты партийный — должен правильно понимать. Ты же меня знаешь, я на правильном пути.

Отец сплюнул в его сторону:

— Ползи отсюда!

Отвернулся, увидел меня. Сунул мне полотенце:

— Сбегай, намочи... Хотя что я? Сегодня же мужской день.

Но кто-то уже совал ему мокрое полотенце. Отец подошел к старику. Тот сидел на земле. И хотя лицо его вздулось, побурело, я увидела, что это старик из пятой квартиры нашего дома.

* * *

...Они переехали в наш дом с полгода назад. Первое, что мы узнали, у них была фамилия — Брадус. Уж как мы с ребятами только не хохмили по этому поводу.

Въехали как-то тихо и незаметно. На одной подводе перевезли пожитки: пару увязанных тюков, резную этажерку, никелированную кровать. Да выварку для белья, в которой звякала посуда. Мебелью тогда никто особо не мог похвалиться. Помню, когда родители моей подружки купили шифоньер, желтый, с большим зеркалом посередине, мы не вылезали от них: крутились перед зеркалом. И все-таки про новых жильцов двор высказался однозначно:

— Голь-шмоль...

Слово это приклеилось к ним. И теперь про старика и его жену говорили:

— Во, Брадусы потрусил...

— Голь-шмоль — кругом ноль.

Но этих сведений было мало, и двор решил, что имеет право знать все о своих жильцах.

В то время было заведено, что каждый вечер, когда спадет жара, когда женщины управятся по дому, собирались на лавочке и, как теперь говорят, общались.

А лавочка стояла как раз под нашим окном. Через него-то я и узнала, откуда в нашем дворе взялись Брадусы. Узнала и ничего-

шеньки не поняла. Мы с ребятами спорили, откуда они появились в городе. Считалось, что мы-то в городе знаем всех.

Самый умный из нас — «кругом отличник» Борька Сюртуков объяснил:

— Из Бердичева они, знать надо...

— Да не... Больно интеллигентны,— мой брат хотел переплюнуть Борьку в знаниях,— скорее всего из Ленинграда.

Так мы и не сошлись ни на Ленинграде, ни на Бердичеве и оказались правы.

Я сидела на полу у раскрытого окна, слушала разговоры взрослых на скамейке и ничего не понимала.

— Главное, нам правильно определить линию отношения к ним,— рокотал обстоятельный бас инженера Беловежского.— Как специалист он — голова. Числится лаборантом, пробирки моет. Но на самом деле что-то вроде консультанта при главном инженере. Тот, когда ни хрена не может, Брадуса зовет. Но это работа. А правильно ли, если мы с ним в быту будем общаться?

— Н-да...— длинный машинист паровоза Грузь, считавший себя борцом за правду и писателем, потому что регулярно печатался в городской газете под рубрикой «На трудовой вахте», высказался более определенно:

— Неизвестно, что еще у него на уме, вредитель же был. Химик! Это знаете, что может нахимичить! Говорят же — к взрыву какому-то причастен.

— Мы еще заметку напишем — к честным людям врага народа подселяют,— грузевская жирная жена торговала на базаре луком и непонятно почему считалась инвалидкой.

— А ты что молчишь, Семеныч? — это Беловежский говорил отцу,— разъясни нам, как политически грамотно себя вести.

Какие же они все казались мне умные, они что-то знали, понимали, чего не понимала я. Я только поняла, что Брадус — не просто новый жилец, а жилец с тайной. Ух ты!

— Что же ты, Семеныч?

Голос отца был глуховат. Мне показалось, что он говорил так, будто опасался: кто-то подслушает. Господи! Неужели я выдала себя? Во влетит!

— Думаю, что особо набиваться в знакомцы не стоит. Так, по-соседски, здравствуйте, до свиданья. Не больше.

Молчат. Наверное, кивают своими башками, соглашаясь. Отец работал в горкоме партии, и уж если он так сформулировал «политическую линию поведения», то двор будет ее придерживаться.

И вдруг я услышала, как моя бабушка громко и сердито, что с ней почти не бывало, сказала:

— Вы как хотите, враг не враг, свое отбыл, грех искупил, а человек он обходительный. Настрадался, что его теперь отвергать. Не по-божески это.

— Мама,— отец торопливо перебил ее.— Иди домой. Здесь разговоры серьезные, а не у вас на паперти. Ты меня подведешь.

— А ты меня не гони. У нас-то на паперти да в церкви все по-людски. А у вас... Человек — в чем душа держится. Вы хоть кто видели этих на Старом Чуртане?! Я их, родимых, издали углядела. И то... И что это за немцы, что по-русски говорят?

Тут, наверное, моя истово верующая бабушка стала креститься. Потому что послышалось бормотанье: «Свят-свят-свят».

...Старый Чуртан! Не было для нас в детстве места страшнее.

Родители запрещали даже ходить в ту сторону. Каких только страхов не рассказывали про это место! И вот, оказывается, что этот самый Брадус со Старого Чуртана. Он что, немец?

Нам говорили, что в тех черных бараках, за высоченным забором с колючей проволокой, — пленные немцы.

В голове был полный сумбур, и я долго в ту ночь не могла заснуть от страха ли, от жалости ли к этому старику, похожему на ощипанную подбитую птицу. Кто же он?

* * *

Ох и квас же варила моя бабушка! Он стоял под холодной водой в банках, кастрюлях. Мы с братом пили его кружками, ели с редькой и в окрошке. И ничего нам больше не надо было. Бабушка любила сидеть у окна. В жару и ребята и взрослые норовили пройти мимо нашего окна — знали, напоит квасом. И он исчезал за день. В одно из воскресений, когда родители ушли в гости, бабушка устроилась на своем «наблюдательном пункте» пораньше. Перекидываясь новостями с обитателями двора, поила их квасом.

Теперь мне кажется, что она тогда не случайно устроилась там пораньше: боялась пропустить, когда Брадусы будут возвращаться с прогулки.

Те, надо сказать, каждый вечер в одно и то же время выходили из подъезда. Старик вел жену так бережно, будто боялся, что она рассыплется. Они шли, опустив головы, словно боясь споткнуться.

— Попылили, божьи одуванчики, — смеялись мы.

Что-то гнало их из нашего двора. Может, они уходили туда, где их никто не знал и ничего про них не было известно. Не знаю. Они всегда кивали нам:

— Здравствуйте, дети.

Однажды я бухнула им:

— Гутен таг!

Старик внимательно посмотрел на меня, улыбнулся и сказал что-то длинное-длинное по-немецки.

Точно — фашист, раз так шустрит в языке да и жил в «немецких бараках». Видно, еще и не только фашист, а и инженер — раз работает. Чего же домой не едет? И мы уже придумывали, какие пакости устроить гадам...

А тем временем, сидя у окна, моя бабушка, видно, поджидала их. Ох и любопытная она была! А может, нет?

Они появились, как и рассчитала она. Проходя мимо окна, кивнули ей. И тут бабушка остановила их:

— Кваску не хотите?

Две пары глаз смотрели на нее с непониманием, ожиданием.

— Кваску, говорю, — а сама уже протягивает банку.

Отчего у старика тряслись руки, а у его жены стояли в глазах слезы?

— Спасибо, уважаемая, никогда не пил столь божественный напиток.

— А вы посидите, отдохните в тенечке, я сейчас выйду. Еще кваску вынесу.

Через пять минут двор уже знал, что бабушка сидит с «этими» и мирно беседует.

— Правда, что вы профессор?

— Да, доктор химии.

— Немец?

— Что вы, что вы, мы из Киева.

Слово Киев при бабушке лучше было не произносить. Потому что она всю жизнь мечтала, копила деньги, чтобы поехать в Киево-Печерскую Лавру. Потому она заставила старика подробно рассказывать, как там и что.

Брадусы сидели на скамейке на самом краешке, готовые в любую минуту встать и уйти. Будто заняли неположенное им место.

— Иди, иди на квасок,— кричала между тем бабушка инженеру Беловежскому. Он замялся, но выпил кружку, а бабушка уже звала следующего:

— Ты еще у меня сегодня не пил...

Подходили, пили. Вроде и уйти надо, а неудобно сразу. Роняли какие-то слова, а бабушка не унималась:

— Нет, вы послушайте, эти люди жили рядом с Лаврой.

Они были для нее уже почти как те святые монахи, мощам которых она обязательно поедет поклониться.

— А ты сегодня чего нос воротишь, писака? — ворчала вслед проходящему бабушка. Не любила она этого Грузя. Выражалась коротко: вонючка, а не человек.— Или компания не та?

Тот прошел молча. Но компания тут же стала расходиться, словно уличенная в чем-то постыдном. Поднялись и старик с женой.

— Посидите, только разговор пошел.

— Благодарю,— старик откланялся.

— Чего там, а то подышали бы еще. В нашем возрасте полезно. Вам сколько будет-то?

— Сорок семь.

Они откланялись и ушли. А я с удивлением смотрела на свою бабушку, которая долго сидела одна на скамейке. Никого не видела, не поила квасом. И, только подсев к ней, я услышала, как она тихо читала молитву.

— Ты чего, баб?

— Запомни, этих не трогайте. Не фашисты они, а страдальцы,— и тяжело вздохнула,— ох, грехи наши тяжкие. Родители-то все гуляют, пошли-ка домой.

И я пошла с ней.

* * *

Мой город... Я редко бываю там и почти ничего уже не узнаю. Мы отошли друг от друга. Теперь там — большая химия, большой город.

А я хочу помнить его тихим, засыпанным под самые окна снегом. Когда любой сугроб во дворе — готовая горка. Я хочу помнить его таким, каким он был при отце, бабушке.

Они лежат рядом. У него в изголовье на памятнике звезда, у нее — крест. Они любили друг друга. В то время такое еще было часто между зятем и тещей. Он всегда звал ее мамой. Вот и теперь они рядом. А мне уже больше лет, чем было тогда «старику». И отец в том году, когда все это происходило, был моложе меня нынешней на десять лет...

Почему-то я особенно люблю вспоминать из детства зимы. Когда топится в кухне печка, закрыты ставни и кажется, не наступит утро, а будет бесконечно свистеть и ухать за окнами вьюга. Хорошо, страшно! Да бабушка еще всякие приметы наговаривает:

— Недобро воет, по покойнику воет...

Спокойно, когда все дома. Только отец обычно приходит поздно. Ест, курит свою очередную трубку и ворчит на маму, что предыдущая, которую она сожгла в печке, тянулась лучше. Мама — медик. Она ревностно следит за здоровьем каждого из нас. Считает, что трубки крайне вредны, и потому сожгла их с десяток. Но уже на следующий день «после сожжения» отец является с работы, как говорит бабушка, с новой «соской».

Голосом Лемешева заливается черная тарелка на стене. Вот бы никогда не кончались такие вечера! Чтобы не идти утром в школу, а сейчас — спать. Но мама у нас строгая. Сказано — спать, и мы с братом плетемся. Хотя знаем, что вскоре может прийти кто-то из соседей и начнутся самые интересные разговоры. Почему в детстве кажется, что все самое интересное и самое главное тебе не разрешают, и оно проходит мимо тебя?

На кухне — разговоры, а ты укладываешься спать. Вот под окном скрип шагов. Интересно, кто это? Наверное, Нонкина мать. Она работает на станции и приходит поздно. А может, наоборот, сегодня рано возвращается после игры в преферанс Валькин отец. Во всяком случае, кто-то из них, потому что хлопает дверь в нашем подъезде.

И тут я слышу тихий стук в нашу дверь, слышу, как отец говорит маме:

— Не подходи, я сам.

Может, мне кажется спросонья, а может, и вправду голос у него тревожный. Так всегда, когда кто-то стучится к нам ночью. Он вначале тихо, на цыпочках подходит к двери, напряженно слушает, потом опять также тихо идет в кухню. И только после этого идет и на ходу громко спрашивает не то грубовато, не то в шутку:

— Кого там черти по ночам носят? Наши все дома.

Звенит цепочка, щелкает замок. Не знаю почему, но мне передается тревога отца, и я вытягиваюсь в струну от напряжения, боязни пропустить, не узнать, кто и зачем пришел.

— Извините, — слышу я голос старика.

С чего бы это он так поздно?

— Простите покорно, не разрешите позвонить, вызвать карету скорой помощи. Супруге очень плохо. А телефона у нас, знаете, нет.

Ишь ты, карету! Я первый раз слышу, чтоб скорую так называли.

— Да, да, проходите, — словно обрадовавшись, что дело в таком пустяке, предлагает отец.

Но неожиданно в разговор вступает мама. Когда дело касается медицины, она решает безапелляционно:

— Значит, так. Ты, Володя, звони, а мы с вами сейчас пойдем. Только саквояж с инструментами возьми. Пока они еще приедут...

Слышу, как она идет в комнату, а следом за ней шаги отца. Хлопнула дверь. Тихо. Не услышишь, о чем они...

Я неожиданно представляю себе жену старика — этот божий одуванчик. Она, наверное, и сейчас лежит молча, хотя ей плохо, и ждет мужа.

Звякает звонок. Мама уходит с Брадусом. Последнее, что я слышу, засыпая, как отец стучит трубкой, видимо, выколачивая ее, чтоб набить вновь.

Утром я не вспоминаю о ночном визите. А днем после школы бабушка говорит мне:

— Ешь сама. Я пошла, надо помочь. Ведь умерла она ночью-то. Мама уж под утро вернулась. Ничего нельзя было сделать.

Бабуля крестится и добавляет:

— На все воля божья. Призвал господь...

Теперь я уже не помню, вернее и не видела, как, кто хоронил ее. У солдатки-Симы на втором этаже накрыли стол. Помянули по-человечески и проводили по-людски. За саями с гробом Сима и бабушка вели старика. Гроб опускали в могилу инженер Беловежский, Валькин отец и какие-то два кладбищенских ханыги. Хотя непонятно, зачем они понадобились, гроб-то был совсем легкий. Но, говорят, положено вчетвером.

С тех пор я видела старика раза два. Помню, вечером, как раз в то время, когда он обычно водил жену гулять, вышел из подъезда. Он не шел, а словно тащил за собой ноги. Его пошатывало. Вдруг остановился, словно ощутил пустоту справа, где всегда шла она. Осел в сугроб и замер. Он был один... Может, только сейчас до него дошло это. Посидел и побрел назад. И еще. Как-то в воскресенье бабушка особенно усердно выпроваживала родителей в гости:

— Нечего сидеть, не старики, ваше дело — компании-фостроты. — Так на ее языке назывались фокстроты. А я поддакивала ей. Можно будет подольше погулять вечером. И едва за родителями захлопнулась дверь, в момент оделась:

— Бабуля, я пошла...

В тот вечер меня никто не «загонял» домой, и я ушла со двора в числе последних. Дома на кухне сидела бабушка... с Брадусом. Шаньги и пироги обступили на столе самовар.

— Сядь, попей, помяни покойную, сегодня девять ден, — приказала бабушка.

Видно было, что они сидели давно.

— Ты говори, говори, полегчает.

Старик кивал, прихлебывал чай из блюдца:

— Софочка ведь была прекрасный филолог. Специалист по Достоевскому. Из интеллигентнейшей семьи. А когда со мной... одним словом, десять лет в ссылке, потом вот ко мне сюда, когда меня освободили... Все мечтала в Киев уехать. Да-с, человек предполагает, а ОСО располагает...

Помолчал.

— Вам всем спасибо, что не побоялись, проводили ее.

— Ну, что ты. Это святое, — перебила бабушка. — За это не благодарят.

Когда Брадус ушел, она обняла меня и смущенно, что было на нее не очень похоже, попросила:

— Ты не говори нашим, что он тут был, и во дворе не болтай лишний раз.

Больше я его не видела. Кто-то сказал, что, оказывается, он уже не живет в нашем доме. Слишком шикарная комната для одного. Куда-то в барак переселили.

Как он съехал или ушел пешком из нашего двора, почему-то мало кто видел. Сима-солдатка говорила, что перед тем, как сесть в сани, где были его пожитки, он снял шапку и поклонился в сторону дома.

Я вот все думаю, почему в нашем дворе никто не видел, как он уезжал? Всех враз не было дома? Или, наоборот, смотрели тайком из-за занавесок? То ли лишний раз подойти не хотели, то ли, наобо-

рот, какую-то свою вину, не будучи виноватыми, чувствовали. Не знаю. Все скрыли задернутые занавески на окнах.

Потом пришла весна, и никто во дворе не вспоминал старика. Грех теперь так думать о них, взрослых людях моего детства, но, по-моему, многие с облегчением вздохнули, что он здесь больше не жил. И все-таки их доброта и жалость, которую они, проявляя, торопились тем не менее спрятать, стоила очень многого. Не знаю, потянул ли бы на нее сегодняшний, даже самый великодушный, щедрый поступок...

* * *

А весна колобродила в наших душах, в наших дневниках. Домой нас теперь загоняли раза с третьего. Вольно было, радостно. Мы гоняли кораблики по ручьям. Тайком удирали на Каму посмотреть ледоход. Ночью я вымучивала свои первые стихи: «И снова в реки бурная весна раскидывает солнечную просинь. И мне достать бы только два весла, чтоб из зимы сквозь лето уплыла я в осень». Во как! Одним махом через все времена года и всего лишь с помощью двух весел. Во всяком случае, в ту весну это казалось мне реальным. Все было нипочем от ожидания. Казалось, что вот завтра, послезавтра случится что-то радостное! Может, так бывает всегда, во все времена от единения весны и детства. Ведь детство само по себе должно быть весной. И бурлит оно, и колобродит в это время года вечно...

А у взрослых наоборот, что ли? Бабушка вдруг стала ворчать на меня.

— Все летаешь, безголовая.

Отец срывался на крик:

— Скоро экзамены, а у нее на уме только улица. Распустила ее,— это уже в адрес мамы.

А мама, которая обычно командовала отцом, виновато молчала.

Ох, и злилась я на них. И, главное, с чего взъелись — училась я всегда хорошо. За что орать? Хотелось или назло им умереть, вот тогда поплачут, или убежать из дому — пусть поищут.

Но вдруг я поняла, что дело вовсе не во мне. У них что-то случилось! Что? Мне никто не скажет, разве что бабушка...

Попробовала подлизаться к ней. Куда там, так шуганула, что лучше больше не подходить.

В доме стало как-то тягостно и тоскливо. По вечерам они втроем запирались на кухне и говорили вполголоса. Как-то я уловила обрывки фраз:

— Все ты, мама, со своим квасом, пирогами.— Это отец.

— А тебя кто тянул у бани в заступники лезть? — мать отцу.

— Замолчи, думаешь он пропустил, как ты ночью ходила уколы делать.

И — тихо. Потом опять отец:

— А кто тебя за язык тянул болтать во дворе, что трубки мои сжигала. Знаешь, как этот рабкор-писатель расписал: «Товарищ Сталин курит трубку, а жена товарища Куликова такими трубками печь растапливает. О чем говорит этот факт?»

Опять молчат. И снова мама:

— Но ведь он уже был освобожден... Что же будет, что будет? — всхлипывания.

В нашем доме поселился испуг, страх ожидания. Ждали, когда будет бюро. От отца я знала, что бюро — это где наказывают, снимают с работы, исключают из партии.

Надо было думать и самой разобраться, что значил их разговор.

И тут я поняла! Ведь все, о чем они говорили, связано со стариком! Как же так? Выходит, работать ему было можно, жить в нашем доме можно. А подходить к нему, помогать нельзя? Значит, и мама, и бабушка, и, главное, отец делали что-то плохое? Раз теперь отца будут разбирать на бюро. И как они там разбирают? По частям что ли? Сначала вынут у человека жалость — не жалея «страдальца», после вывернут из него «добрососедство», на котором держался наш двор, когда помогал всем, у кого что-то случилось. А под конец открутят голову, если не соображаешь, с кем можно водиться. Но самое страшное, о чем не раз рассказывал маме отец, бывает в конце заседания. Когда «сам», «первый», подводит итог: «Партбилет на стол!»

Но ведь раньше среди тех, кто единодушно голосовал за исключение, был и отец. А теперь он...

Не знаю, что было тогда во мне сильнее: страх за отца или злость на старика профессора, которого так некстати вселили в наш двор. Из-за него теперь такое. Хотя, почему из-за него? Откуда они там, в бюро, узнали про все?

Нет, все-таки в детстве голова у меня варила неплохо. Рабкор-писатель! Вот гад, который написал на отца. Вот кого надо проучить! Но как? Я ведь не могла рассказать во дворе, что происходит с отцом.

Дома все ждали этого дня. К нам по-прежнему заходили вечерами соседи. Знали ли они? Судя по тому, как плотно закрывали дверь на кухню и ничегошеньки не было слышно, разговоры велись именно об этом. Бабушка в те дни особенно часто ходила в церковь, ставила свечи. Но и это вызывало скандалы.

— Мам, ты хочешь, чтоб ему припомнили и то, что теща — верующая, из церкви не выходит?

— А при чем тут я? Меня никто, даже ваш «сам» не переделает, всю жизнь верила и буду. — Бабушка сердилась. — Отошли от бога. Ожесточили сердца. Он партийный, а я верующая. Так что теперь если партийный, то тебе и человеку в беде помочь нельзя? Ох, что же это делается?

Но в церковь ходить перестала.

В тот день отца не было очень долго. Мама курила одну папиросу за другой. Единственное, что я от нее слышала:

— Только бы пришел... Если сегодня не придет, значит, все...

Что все? Что такое «все»?

Бабушка сидела у окна. В открытую форточку вползал горьковатый запах первой листвы. В темное окно ударяли майские жуки. Стукались и падали на землю. В кустах акации путался весенний ветер. Наша северная ночь светла, и не уловить, когда начинает темнеть, а когда светать. Ровная прозрачная синева разлита в воздухе. Слышно, как бьют на Каме пароходы. От каждого гудка мама вздрагивает. Только теперь я понимаю, как полосовали они ей по сердцу. Я знала, что это буксиры тащили вниз по реке громадные плоты. Но были еще и другие, которые тянули вверх по Каме баржи с заключенными. Несколько часов от нас — и начинались Вишерлаг, Ныроблаг...

В ту короткую ночь, которая показалась маме самой длинной за всю жизнь, она, наверное, думала и о Вишере и о Ныробе... И еще о том, что будет с ней, со мной, с братом.

Отец пришел в ту ночь. Кончилось все хорошо. Если считать «хорошим», как выразился отец, «строгача» и то, что через неделю он уезжал от нас работать в колхоз, далеко за Каму.

— Ничего, ничего,— шутил он,— ведь уезжаю, а не увозят.

Все мы радовались. Как мы радовались, что отец, у которого очень больное сердце, который без нас, без дома, как и мы без него, не мог прожить и неделю, уезжает неизвестно куда и насколько. Да еще и с напутствием бюро: «Если колхоз не вытянешь, вернемся к твоему делу. И не здесь, сам понимаешь...»

Как мы радовались, что остаемся без отца! Что он всего лишь «потерял бдительность, проявил позорную для коммуниста близорукость и мелкобуржуазное слюнтяйство».

И двор радовался. Инженер Беловежский принес стоявший ко-робом брезентовый плащ с капюшоном:

— Семеныч, вещь необходимая. И не отказывайся!

Валькин отец явился... с компасом.

— Да вы что, я же не в тайгу на охоту?! — Отец веселел с каждым приходом соседей.

Они почти все перебивали у нас: солдатка-Сима пришла с бутылкой «красненького» и почтальонской сумкой, которую повесила на отца:

— Сим, это же казенная вещь? Забери от греха подальше,— совала ей сумку мама.

Раскрасневшаяся от «красненького» Сима возмущалась:

— Ну, Антонина, ты за кого меня держишь? Я казенного сроду не брала. Выкупила ее за две беленьких у заведующего. А Семенычу как удобно — не чемодан руки оттягивать. Повесил на плечо и...

За столом шумели и пели. Словно не уезжал от нас отец, а вернулся издалека. Наверное, так было надо и я опять что-то не понимала. Никто не вспоминал причину, по которой отцу приходится уезжать. Только Сима, но она когда выпьет, всегда скандалила, зажала отца между комодом и фикусом и шептала:

— Семеныч, ты должен знать. Он, правда, вредный человек и в чем его вредность?

— Забудь, Сима, не трепли о нем. Он — враг...

Сима уже не шептала, а шипела:

— Да ты что? — и вдруг, разом протрезвев, громко произнесла: — А я не верю...

— Чему? Чему? — слышались вопросы.

— Да вот Сима сегодня у нас так расхорохорилась, что не верит, будто скоро такое «радио» будет, что в нем все видно. — Отец протянул Симе стакан с квасом:

— Пей и трезвей!

— Поняла, поняла,— закивала Сима,— а только все равно не верю...

— Ну, что ты,— инженер Беловежский словно ждал именно этого разговора.— Я вам сейчас все объясню...

После мы с бабушкой мыли посуду. И я не утерпела:

— Баб, а разве это справедливо, что из-за какого-то старика с отцом так...

Я уже говорила, что бабушка вообще сердилась очень редко, а тут прямо вскинулась:

— Помочь слабому? Да Христос Иуду простил... А тут — неизвестно, в чем он был виноват... Ведь не человека же убил.

Бабушка не прощала только этот грех.

— Ты, я гляжу, злишься на старика-то, виноватишь. Не от таких на земле зло, а от таких, как Грузь. Да еще, как этот «сам» из отцовского бюро. И не болтай, что слышала.

Отец уехал. Стояла июньская жара, и мы все дни пропадали на Каме. Когда сверху шли пароходы, я вглядывалась в лица пассажиров, ждала, что, может, отец среди них. От него приходили письма: «Все нормально». А во мне с каждым днем росла тоска по нему и... желание отомстить Грузю.

Тот ходил по двору как ни в чем не бывало. Показывал газету, где снова напечатался. С ним разговаривали — видно, не хотели связываться или показать, что все знают. А я злилась на взрослых, казалось, они предали отца, нас. И однажды все-таки решилась рассказать все Вальке.

— А я знала, — спокойно сказала она, — и все думала, почему ты ему не отомстишь. Но ведь это тебя касается, тебе решать. Я — за!

Мсть мы придумали унижительную и позорную.

Иногда мама разрешала мне спать у Вальки в сарае на сеновале. Конечно, когда нас было несколько человек. Вот и в тот вечер, взяв подушки, одеяло, мы отправились в сарай. Темноты ждали долго. Я уже стала сомневаться:

— Валь, может не пойдём?

— Ты что, дура, предателей и доносчиков надо учить.

— Ладно, ладно, пойдём...

Два дня до этого мы с Валькой собирали у сараев в ведро... коровий помет, развели его водой, припасли большой кусок мела.

— Да не бренчи ты ведром. От страха что ли трясешься? Так не пойдём, — пожалела меня Валька.

— Нет, уж теперь пойдём.

И мы с ведром, из которого, по-моему, как и от нас воняло на всю улицу, двинулись к квартире Грузя. Еще у нас была малярная кисть.

Мне казалось, что слепые окна дома вот-вот прозреют и нас обнаружат. Но только стрекот кузнечиков в траве сопровождал наши шаги.

Главное — не попасться на месте. Видимо, от страха мы сделали все быстро и бесшумно. Вскоре вся дверь грузевской квартиры и ручка были измазаны, а на стенке у квартиры Валька мелом разборчиво написала сочиненное мной: «Грузь — вонючий гусь. И известно нам давно: он такое же говно».

Потом мы долго мылись на колонке. Отнесли ведро, а кисть выбросили подальше. Уже начинало светать, когда мы повалились в сено. Мычали под нами коровы — их держали тогда несколько семей в нашем доме и в соседском. Где-то звякнули подойники. Мы провалились в сон.

Надо сказать, что ночью мы были смелее. Весь следующий день не находили себе места, что будет? Я впервые подумала: а вдруг хуже от этого будет отцу, маме? Вдруг я им навредила?

Но странное дело. Никто во дворе так и не узнал о нашем «пометном деле», как назвала его Валька. И Грузь промолчал. Может,

ему было стыдно куда-то писать, жаловаться, приводить такой факт про самого себя. Не знаю. Только его соседка по площадке вечером того же дня громко возмущалась:

— Не пойму, в чем дело? На нашем этаже такая вонь, как в туалете.

На что Сима ей резонно ответила:

— Соседей вините...

* * *

Пожалуй, на этих двух «стиховорениях» про весну и про Грузю кончился первый период моего стихотворчества. На город упала снежная, долгая и студеная зима 1953 года. Писать я стала позже. Через шесть лет, когда полились стихи про «грозы и березы», а жили мы уже в другом, большом доме, вспомнилось все, что было тем летом, той весной, тем годом.

А вспомнилось потому, что в редакцию, где я работала после школы, пришел... «рабкор-писатель» Грузь. Принес очередную заметку про то, как «ударно... в честь и ознаменование стоят на вахте железнодорожники». Потом появлялся чуть не каждую неделю и все с тем же. По нему выходило, что железнодорожники в нашем городе не водят поезда, а как встали, так и стоят. Его печатали. Как объяснил мне заведующий отделом — он рабкор с многолетним стажем и не только о людях трудящихся пишет, но и остро реагирует на всякие беспорядки. Одним из первых «подключился», когда стали бичевать культ личности.

Помню, года четыре назад, когда еще был жив отец, мама прислала мне нашу городскую газету. Там поместили большой материал про отца. Я прочитала его, смотрела другие заметки и... увидела подпись: «В. Грузь». Он писал о том, как по-новому, в условиях перестройки, работают железнодорожники. Прогресс в его творчестве был явный: теперь в депо уже не «стояли», а работали.

Сколько же ему лет сегодня? Да уж за семьдесят будет. Вот так в одном номере газеты — отец и он... Только сегодня отца уже нет. И бабушки. А этот, говорят, до сих пор жив. Выступает перед пионерами как ровесник города. Города со светлым и тихим именем. Где когда-то было всего четыре улицы. Где был Старый Чуртан с его бараками и сторожевыми вышками. Где плыли по Каме баржи на Север... Где еще была река детства, а не Камское море, сглотившее деревни и церкви, в которые ходила молиться за всех за нас бабушка.

И был наш двор, куда сегодня нет дороги.

М. МИХАЙЛОВА

БЕЗ ЮРИСТОВ НЕ ОБОЙТИСЬ

Так в беседе с журналистом Сергеем ЛЕПИХИНЫМ заявил Ю. В. ГОЛИК, народный депутат, член Верховного Совета СССР, имея в виду деятельность высшего органа власти нашего государства.

КРАТКАЯ СПРАВКА.

Юрий Владимирович Голик родился в 1952 году в городе Кемерове в семье рабочего. Закончил юридический факультет Томского государственного университета. Кандидат юридических наук. Декан юридического факультета Кемеровского государственного университета.

В феврале 1989 года выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР по Центральному территориальному избирательному округу № 190 коллективом Кемеровского государственного университета. В марте избран народным депутатом СССР.

Мы публикуем беседу С. Лепихина с Ю. Голиком.

— Юрий Владимирович, Вы сами предложили свою кандидатуру в народные депутаты. Сегодня Ваш шаг необычным не кажется. Но тогда, в период первой предвыборной кампании, Ваше решение было сенсацией. Чем Вы объясните свое «самовыдвижение»?

— Я сделал это вполне сознательно и обдуманно. Попробую коротко сформулировать причину.

Перестройку часто сравнивают с революцией. Но революция (вспомним Ленина) тогда чего-то стоит, когда она умеет защищаться. А перестройка? Не потому ли она буксует, что не защищена законодательно? До сих пор нет важнейших законов, а те, которые приняты, зачастую половинчатые, многословные. Закон должен отражать естественные общественные процессы. Для того чтобы он действительно их отражал, нужно эти процессы знать, изучить их. Вот почему я убежден, что без юристов в высшем органе власти не обойтись, а сегодня особенно.

— В своей программе Вы заявили: «Самый большой и самый опасный наш сегодняшний недостаток заключается в отсутствии социалистического правового государства». О правовом государстве сегодня говорят все. А что это такое в Вашем понимании? Сегодня мы такое государство строим. Где мы находимся: в начале, в середине, в конце этого пути?

— В нашей стране юридическая защищенность человека настолько мала, что это вызывает смех и недоумение во всем цивилизованном мире. Попробуйте сегодня получить, например, с Аэрофлота так разрекламированную компенсацию за сорванный по вине ведомства авиарейс. Впрочем, и не пробуйте, не получится!

Аэрофлот охраняет свои интересы, а не Ваши. Любой ведомственный устав направлен на защиту своих интересов. А ведь за рубежом рядовой покупатель может по судам затаскать представителей фирмы, выпускающей некачественный товар, и даже вконец разорить эту фирму!

«Без моего адвоката на вопросы отвечать не буду», — эту фразу из уст арестованного мы слышим обычно в зарубежных боевиках и воспринимаем как должное. Для нас это пока несбыточная роскошь, ведь адвокатов у нас намного меньше, чем в США. Да что говорить! В этом отношении мы пока даже дореволюционную Россию не догнали. Не оттого ли люди наши со всеми житейскими бедами обивают пороги редакций газет, партийных и профсоюзных комитетов.

Правда, в отношении юридической защищенности первые шаги уже сделаны. 13 ноября 1989 года приняты новые Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, где в статье 14 впервые в нашем законодательстве сформулирована презумпция невиновности. В этой же статье по-новому говорится и о праве подозреваемого, обвиняемого и подсудимого на защиту. Это право теперь им обеспечивается путем участия защитника с момента задержания, ареста или предъявления обвинения. Но на практике этим правом воспользоваться архисложно.

На встречах с избирателями поражаюсь, как же много у нас людей обиженных и фактически бесправных. И опять повторяю, что без создания правового государства мы не сдвинемся с места. Не может бесправный человек стать хозяином в стране, создать передовую экономику.

Лишь сегодня словосочетание «правовое социалистическое государство» звучит так красиво и безобидно. Несколько лет назад за него можно было и работы лишиться, и партбилет выложить. Ведь наши прежние лидеры на дух его не переносили — и неудивительно: в правовом государстве гражданин может подать в суд на президента страны (кстати, такой процесс состоялся недавно во Франции) и выиграть дело. Правовое государство — это абсолютное равенство перед законом всех граждан — от рабочего до министра. Правовое государство — это система, при которой всегда можно законным путем найти виновного перед народом и предать его суду. Государство ответственно перед гражданином за любые свои действия.

А у нас бывает такой произвол государства, что и не опишешь. Я уж не говорю о репрессиях. Возьмите государственный заем пятидесятых годов, когда людей буквально принуждали покупать облигации, а срок выплат все откладывался и откладывался. Теперь люди получают на руки смехотворные суммы (учитывая инфляцию), и никто, конечно же, не виноват. Да, стране нужны законы, порядок и дисциплина. Но порядок демократический, а не кладбищенский, как при Сталине. Как говорил Ленин: митинговая демократия должна сочетаться с железной дисциплиной труда.

Создание правового государства — процесс длительный, сложный и весьма болезненный. Как жизнь нельзя остановить, так и этот процесс. В странах, скажем так, современной классической демократии — в Англии и США до сих пор не считают, что они создали правовое государство. Самая большая опасность на этом пути — объявить у нас о создании правового государства. Если только мы

это сделаем, общество сразу остановится в своем развитии и наступит новый период застоя.

— Уголовную политику в нашем государстве регулируют с помощью трех основных законов — уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового кодексов. В какой стадии разработки эти новые законодательные акты?

— Начнем с того, что союзный законодатель занимается не кодексами, а Основами. А на базе этих Основ республиканский законодатель строит кодексы. Пока все три этих законодательных акта не рассматривались и не приняты. Основы уголовного законодательства в работе, над ними трудится специальная группа.

— Во время обсуждения проекта Основ уголовного законодательства разгорелась настоящая дискуссия по поводу применения смертной казни. Какова Ваша позиция в этом споре?

— Вопрос о гуманизме в уголовном праве очень древний и очень сложный, ибо закон должен одновременно быть гуманным и к преступнику, и к остальным гражданам. При этом уголовное право должно еще охранять нас.

К сожалению, в последнее время нет-нет да и мелькнет на страницах печати пожелание возродить принцип талиона: «око за око, зуб за зуб». Многовековая история человечества доказала, что жестокость порождает только жестокость. Чем больше казней производится, тем больше преступлений совершается (как правило, очень тяжких). Ж.-Ж. Руссо писал, что частые казни — всегда признак слабости или нерадивости правительства. А по мнению К. Маркса, мир никогда не удавалось ни исправить, ни утешить наказанием.

Не жестокость, а неотвратимость ответственности — вот чего реально боятся преступники и вот чего нам не хватало в последние годы. Именно отсутствие неотвратимости способствовало проникновению коррупции во все поры нашего общества.

Часто меня спрашивают, как я отношусь к смертной казни? Убежден, что смертной казни, как и любому другому виду санкционированного официального насилия, не должно быть места в цивилизованном обществе. Но наша трагедия в том, что мы не достигли еще уровня развития цивилизованного общества, поэтому на сегодняшний день смертная казнь нам, к сожалению, жизненно необходима. Жестокий и очень горький каламбур!

— Что означает для Вас гуманизация уголовной политики?

— Гуманизация исполнения уголовного закона — это не всепрощение. Суть в том, чтобы человек, попав в места лишения свободы, не переставал себя чувствовать человеком. Виновным, наказанным, но человеком. И условия содержания в исправительно-трудовых учреждениях должны быть такими, чтобы человек вернулся на свободу полноценным гражданином. К чему, скажем, всех осужденных обрядать в униформу. Если считают, что он сбежит и гражданская одежда ему позволит затеряться в толпе, то надо в ИТУ сделать такой режим, чтобы побеги были исключены. Мои коллеги, побывавшие в местах лишения свободы в западноевропейских странах, были изумлены тем, что там по внешнему виду очень трудно отличить, где осужденный, а где воспитатель. И это никак не сказывается на режиме. Еще в конце пятидесятых годов на страницах газет шла дискуссия под заголовком: «За решеткой человек, или Человек за решеткой?». Тогда пришли к выводу, что на первом месте все-таки должен быть человек, а решетка должна быть средством перехода осужденного из скотского состояния в челове-

ское. Вывод был правильным, но над его практическим решением бьются до сих пор.

— М. С. Горбачев еще 8 января 1988 года на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов произнес такие слова: «Надо укреплять дух народа!». Как Вы понимаете этот призыв?

— Думаю, в обществе происходит резкая поляризация сил, размежевание добра и зла. На одном полюсе — ожесточение, озлобленность, рост преступности. На другом — доброта, терпимость, поддержка или просто улыбка.

Такая поляризация наблюдается во многих сферах нашей жизни. Например, мы видим резкий всплеск обострения межнациональных отношений в стране, а бесстрастная статистика одновременно фиксирует значительный рост межнациональных браков. Особенно он заметен, кстати, в Прибалтийских республиках. А в республиках Средней Азии, особенно последние три года, социологи отмечают значительное число случаев, когда женщины коренной национальности выходят замуж за представителей другой национальности. Еще десять лет тому назад это было редкостью, а тридцать лет назад такие случаи исчислялись единицами. Что это, дань моде или в основе лежат какие-то глубинные, не познанные нами процессы?

Можно привести и другие примеры, но не в них дело. Факт остается фактом: общество, глотнувшее действительной свободы и реальной демократии, оказалось опьяненным этими глотками. Старые схемы и связи, еще вчера казавшиеся незыблемыми, стали рассыпаться, как карточный домик, а новые мы еще не создали. А общество живет, дышит, развивается. Центроостремительные силы вдруг стали заменяться центробежными и разрывать наше общество на части. А это больно. Всем больно. Сейчас нет такого окопа, в котором можно было бы отсидеться.

Мы живем в очень интересное время. Происходящая политизация нашей жизни меняет нас всех, меняет ход и направление наших мыслей, меняет саму нашу жизнь в целом. Человек не «винтик», это должен понять каждый из нас.

— «Медицинская газета» в статье «Живут же депутаты» рассказала о тех льготах, какими пользуются сегодняшние парламентарии. Не смущает ли Вас, что у депутата «суточные» — 15 рублей, а у нас — 3 рубля 50 копеек?

— Не смущает. Самое гиблое дело — это дешевое правительство. Если мы хотим иметь крепкое государство, то мы должны иметь и крепкое правительство, а на это нужны деньги.

Действительно, суточные у народного депутата во время сессии — 15 рублей. Куда идут эти деньги? Семь рублей — за номер в гостинице. Остальное остается на питание и телефонные разговоры. В районе Кремля столовых нет, питаться приходится в ресторанах, а ресторанные цены Вы знаете. А знаете, сколько во время сессии я заплатил за телефон? В первую неделю — 80 рублей, во вторую — 70, в третью — 60. И если бы не снижал эти затраты, я бы жил впроголодь, честное слово.

Наш Верховный Совет обслуживают 600 человек. Много это или мало? Конгресс США, к примеру, обслуживают 35 тысяч человек. Сравнивайте и судите сами.

— Чем Вы лично занимаетесь в Верховном Совете? Работу в комиссиях и комитетах почти не демонстрируют на экранах телевизоров, она не так очевидна для большинства из нас.

— Ни на одном из этапов всей избирательной кампании я не скрывал, что главное, ради чего я бился за мандат народного депутата,— это стремление лично участвовать в приближении страны к правовому государству. То есть участвовать в совершенствовании нашей законодательной системы, которая должна наконец обеспечить правовую защищенность гражданина. И вот то, что теперь я участвую в этом процессе, дает мне, как профессиональному юристу, чувство настоящего удовлетворения. Хотя работы невероятно много, но это творческая, нужная обществу, долгожданная для меня работа.

Объем работы большой, поэтому рабочий день начинается в шесть утра и нередко продолжается до часу ночи. Куда уходит время? Штатные заседания Верховного Совета, комиссий и комитетов. По поручению Верховного Совета проводил и провожу различные проверки (в рамках деятельности комитета). Далеко не всегда эта работа бывает приятной.

Много времени отнимают ответы на письма. Стараюсь ответить на каждое письмо. Не всегда отвечаю сразу — и времени не хватает, и необходимую проверку провести не успеваю.

Почти каждый день встречаюсь с двумя-тремя избирателями. Едут со всей страны. Иногда напрасно (уволители человека по требованию СТК с соблюдением всех формальностей, а он требует его восстановить и уволить всех членов СТК).

Во время отпуска готовил заключения по ряду законопроектов. Верховный Совет — прежде всего орган законодательный, и наша задача — создавать хорошие законы. Работа для меня как для юриста очень интересная. Жаль, что профессиональных юристов в Верховном Совете мало, меньше, чем в любом парламенте мира. Значит, законодательство наше еще будет хромать какое-то время.

— В будущее Вы смотрите с оптимизмом?

— Да, нам отступать некуда. Заволокитим перестройку, качнемся назад, а там — мрак, темнота, катастрофа. Значит, только вперед.

Если займодавец потребует уплаты долга, а должник начнет отпираться, то займодавец обязан представить свидетелей, которые пойдут к присяге, и тогда он получит свои деньги. Если должник не отдавал ему много лет, то платить ему еще 3 гривны в вознаграждение за убытки.

Русская Правда,
Пространная редакция
(вторая половина XI — начало XII вв.)

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

Несколько штрихов к портрету знакомого незнакомца

Под алкоголиком или наркоманом следует понимать лицо, систематически злоупотребляющее алкогольными напитками или какими-либо наркотическими средствами, в результате чего наступила деградация личности. Эти личностные изменения не являются душевной болезнью, лишаящей лицо возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить своими поступками (см. Комментарий к УК РСФСР, «Юридическая литература», М., 1984, с. 143).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Наркоманы, как и наркотики, бывают разные. Извиняет меня за столь прописную истину, пожалуй, одно. То, что молодые годы провел в южном городе, где покурить «травку», прокатиться на «колесах» или сесть на «иглу» считалось делом обычным.

Самому судьба уберегла. Но многих любителей этого зелья знал лично. Для себя разделил бы их на четыре категории.

Первые — идейные. Так они себя называют. Как теперь модно говорить, платформа такова: общество не дает мне самовыразиться как личности, а посему пошло-ка оно подальше. Распоряжусь собою сам!

Вторые — наркоманы от счастья. Так у них все в жизни удачно, так складненько, будто в сказочке. Захлебывается индивидуум от полноты жизни, не знает, что бы еще попробовать... и тонет в наркотике.

Третьи — от несчастья. Эти — абсолютные антиподы вторых.

К четвертой я бы относил всех остальных. Они, по-моему, самые опасные. Хотя бы потому, что их больше. И понять их труднее. А ведь понять иногда означает простить.

К чему я все это? К тому, что читал письмо Иры К. из Москвы в шестом номере журнала за прошлый год под грустным названием «Рядом никого нет» и раздумывал: «К какой же категории отнести Иру?» К первой не подходит, на вторую не тянет, в третью не вписывается... К четвертой?

Так какая же она — наркоманка Ира К.? А никакая, по-моему. Она — всякая. Это, с моей точки зрения, ее самая страшная беда. Обычный человек, заплутавшийся в жизни и запутавшийся в себе. Таких сейчас среди нас, к несчастью, пруд пруди.

КТО, ЧТО И КАК...

«Как такое происходит? Государство, общество, родители — все стараются, чтобы воспитать из молодежи настоящих людей. Ясли — пожалуйста, школа — пожалуйста, вуз, работа — пожалуйста!

Все им! А они? Как стрекоза в басне Крылова. Ира К.— той же породы: музыка, веселая компания, праздники... Ничего другого знать не знает».

(Н. Киячко, пенсионер, Ставропольский край).

Прежде чем вернуться к Ире К., ее письму, к другим откликам на него, давайте попробуем поговорить вот о чем.

Догадываетесь ли вы, кто о нас сегодня знает больше, чем мы сами? Мне кажется, что я могу ответить на этот вопрос. Если у вас в семье школьник, то это школа.

В правоохранительных органах, на работе, наконец бабушки у подъезда столько о нас не знают, сколько в школе. Она по бедности своей вынуждена знать: где работает родитель, что он умеет и может, какие у него знакомые и даже знакомые у его знакомых.

Ничем другим объяснить телефонный звонок директора соседней школы, в которой мой ребенок никогда не учился, не могу. Приглашали на вечер-встречу со старшеклассниками и родителями. Тема: «Правовое воспитание, профилактика и борьба с наркоманией». Отговориться (каюсь, был грех) не удалось. Директор оказался чрезвычайно настойчив.

О потраченном времени жалеть не пришлось. Разговор получился живым и открытым. Высказывались различные точки зрения. Часто совершенно противоположные. Подметил несколько любопытных штрихов. Поделюсь некоторыми. Возможно, они будут интересны не только мне.

Но об этом чуть позже. Сначала попробуйте ответить на вопрос, с которым чисто риторически обратился к школьникам приглашенный вместе со мной юрист: «Есть ли в Уголовном кодексе статья, наказывающая буквально и исключительно за УПОТРЕБЛЕНИЕ наркотиков?»

А теперь, возвращаясь к встрече, о некоторых наблюдениях.

Вероятно, мы столько и так в последнее время говорим и пишем о таком жутком зле, что может создаться впечатление, будто в этой проблеме, как в футболе, разбираются все и всяк.

Может быть, это причина того, что часть родителей допускала в разговоре интонацию шапкозакидательства: «Мол, все это ваш брат-журналист виноват. Сначала за «жареным» гонялись — сделали рекламу, теперь панику разводите, пугаете народ. Проблема-то яйца выеденного не стоит. Пересажать всех наркоманов, сжечь отраву, ужесточить наказание — и все дела!»

Но стоило спросить оппонента: «А не кажется ли ему, что такое уже пробовали? С алкоголем?», — полемический задор заметно утихал.

Сильнее всего насторожило и огорчило другое. Подавляющее большинство участников встречи ответили на вопрос юриста отрицательно.

Согласитесь, довольно яркий пример того, когда в борьбе с наркоманией голос правовой пропаганды временами скорее похож на шепоток, нежели на внятный говор.

Конечно, не будем наивными. Думать, что об уголовной ответственности за пристрастие к дурману не знают «профессионалы», значит, обманываться. Не о них речь. Им-то такая пропаганда, как говорят, «до лампочки». Речь о сотнях и тысячах молодых людей, которые только-только начинают ходить по лезвию ножа или пробовать его остроту.

Как же такое происходит? По-разному, уважаемый Н. С. Княчко. Увы, по-разному...

ПОСЛЕДНИЙ КАПРИЗ

«...Мне искренне жаль Иру К. Но еще больше жаль родителей молодых людей, похожих на Иру. Временами мы, родители и близкие, сами не понимаем, что творим. Затмение разума чадолюбием побороть дано не каждой семье...»

(К. Григоренко, педагог, г. Курск).

У мамы не сложилась личная жизнь. Помешал ребенок. Она поручила мальчика бабушке с дедушкой. Те, совсем еще нестарые, его безумно жалели. Внучку потакали во всем.

Мальчик, как полагается, вырос в юношу. С возрастом милые черты мальчугана огрубели. Не только внешние. В характере тоже. Но старики замечали в нем только славное. Он все еще виделся им мальчиком.

Последним его капризом был мотоцикл. Дед и баба купили его «мальчику». Юноша поездил-поездил и однажды упал. Упал вместе с мотоциклом. Потому что умел уже не только гонять, но и выпивать. Больница. Сложная и болезненная операция. Сильные послеоперационные боли. Нужен был крепкий характер. Его не воспитали. Были жалость и всепрощение.

А еще — «добрые» советчики. Они предложили заменить силу воли анашой. Знали они о статье 224 УК РСФСР? Знали, разумеется. Но... «расстраивать» не стали.

Через три года молодой человек очнулся от наркотического сна за колючей проволокой. Это была уже вторая судимость. От свободы, кроме «колючки», отделял срок в пять лет. Не спасли ни бабулины мольбы и слезы, ни дедулины ордена и ходатайства.

НАША СПРАВКА.

Незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка с целью сбыта, а равно незаконный сбыт наркотических средств наказываются лишением свободы на срок до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой. Повторное совершение этого преступления — от 6 до 15 лет с конфискацией имущества; без цели сбыта — лишение свободы на срок до 3 лет или исправительные работы на срок до 2 лет.

Наркотическими средствами признаются такие вещества растительного или синтетического происхождения, которые имеют одурманивающее действие или вызывают эйфорию. Изготовление — первоначальное производство этих средств, их рафинирование и т. д. Приобретение — покупка, обмен на другие предметы, принятие в счет погашения долга, получение в дар и т. д. Хранение — фактическое обладание, как тайное, так и открытое. Сбыт — продажа, обмен, дарение, передача в счет погашения долга, дача взаймы и т. д.

Приобретение в виде скупки и сбыта наркотических средств с целью наживы не требует дополнительной квалификации как спекуляция (см. Комментарий к УК РСФСР, с. 468—469).

ОБИДА ГЛАВАРЯ

«...Ту подворотню и кучку мерзавцев, от которых пришлось отбиваться, я запомнил на всю жизнь. Прошло семь лет, и я живу в другом городе, а их пакостные рожи часто выступают в памяти. До сих пор содрогаюсь от омерзения, когда случается проходить по улицам мимо похожих подворотен.

Разве ты, Ира К., не замечала, что в твоей «веселой компании» под маской весельчаков скрывались такие, что под музыку при случае могли «запинать» любого, мешавшего вам ловить «кайф»?
(Игорь Гущин, строитель, г. Ленинград).

Они всегда располагались так, что их почти невозможно обойти. Можно, но очень трудно. Это делалось не без умысла. Так они показывали, что никого и ничего не боялись. Иногда это так и было. Но чаще всего это было проверкой. Пойдешь в обход, значит, боишься. Коль боишься, то, по их мнению, уважаешь. Когда же уважаешь, сделаешь то, что они прикажут.

Приказать могли всякое. Зависело от настроения. Но чаще всего закурить. Хорошо, если сумел закурить свои. Хуже, если отказывался. Чаще всего избивали, если не сердил. Намного хуже, если заставляли закурить «ихних». Особенно если пробовали такое на ком-либо не единожды.

Как-то раз жизнь столкнула этих молодчиков с юношей, не принявшим их правила. Завязалась драка. Парню повезло — поблизости проезжал милицейский патруль. Ему успели спасти жизнь. Не успели — от жестоких побоев.

Следствие. Суд. На суде всплыло много темных делишек. Каждый получил свое. Но сильнее всех «обидели» главаря. Драка, в которой он никого пальцем не успел тронуть, обошлась ему в пять лет несвободы: по статье 224² УК РСФСР.

НАША СПРАВКА.

Склонение к потреблению наркотических средств наказывается лишением свободы на срок до 5 лет.

Склонение — действие, направленное на возбуждение у другого лица или лиц желания к потреблению наркотических средств. Оно может состоять в различных формах единичного или многократного подстрекательства к потреблению этих средств. Склонение считается оконченным независимо от того, приобщилось ли склоняемое лицо к потреблению или отказалось от потребления наркотиков, либо это удалось предотвратить с помощью других лиц (см. Комментарий к УК РСФСР, с. 471).

«КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ»

«...Мне сейчас, Ира, ровно в два раза больше, чем тебе. Я так же одинока, даже еще сильнее, потому что нет ребенка. Не завела, потому что некогда было это сделать в моей «красивой» жизни. Спешила поймать «кайф». А были дом, сестра и все для счастья. Теперь «кайф» ушел, как сон, а мне остались слезы и загубленная жизнь. Тебе здорово подфартило, что остановилась так рано. Ищи пристань, а не притон...»

(Л. Зонина, Коми АССР).

Жили муж и жена. Прожили вместе двадцать лет. На двадцать первом муж и жена потеряли то, что в народе называется «одна сатана». Стало в каждом по сатане. Это всегда трудно. Особенно под одной крышей. Развелись. Дом поделили. Детей не смогли. Детки уже были не маленькими. Девочки. Старшей — 17 лет, младшей — 16.

Самостоятельности они захотели. Решили жить хозяйками. Отец подарил им свою половину дома. Уехал. Мамаша покрутилась во второй половине — соседство не понравилось. Продала. Подальше переехала.

Сестренки быстро оперились. Старшая справила совершеннолетие. В силу вошла. Младшая — за ней тенью. Жили поначалу негромко. Работали. Швеями-мотористками на фабрике. Заработки сдельные, потребности — беспредельные. Подружки вокруг разные. Но сестер тянуло к тем, что побойчее.

Прибрала их к рукам самая бойкая. Научила всему, что сама умела. Ученицы попались способные. Учительницу скоро отвадили. Через год-другой забыли, как швея-мотористка педаль нажимает. А еще через год жали педали собственных «Жигулей».

Жизнь прекрасная, но соседи ужасные. Завистливые. Не по нутру им, что люди красиво жить умеют. Чуть что — участковым пугали. Заявления писали. Дописались...

Но удача кончилась. Следователь попался дотошный и несговорчивый. В несчастный случай с соседями не поверил. Копал, копал и выкопал. Сожителя. Сожитель — тоже не подарок. Подстроил «несчастье» по просьбе сестричек, за их «доброту и заботу», а потом... Он все это убийством и притоном признал. В суде. Сам за это в тюрьму пошел, и сестричкам от его признаний не поздоровилось. Как хозяек притона их судили.

Семь лет сестрички ему кости перемывать будут. Кончилась для сестреночек «красивая» жизнь. Судили их по статье 226¹ УК РСФСР.

НАША СПРАВКА.

Организация или содержание притонов для потребления наркотических средств или предоставление помещений для тех же целей наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой.

Притон — различного рода помещения, приспособленные и используемые для употребления наркотических средств: курения, производства инъекций и т. д. Организация притона — деятельность одного или нескольких лиц, направленная к созданию притона или повлекшая его создание: подбор помещения, обсуждение с владельцем помещения условий найма, разработка плана функционирования, подбор соучастников, вербовка клиентуры, приобретение наркотических средств и средств, обеспечивающих их потребление, и т. п. Содержание притона — систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств либо распоряжение такого рода помещением. Предоставление помещений (отличие от содержания притонов) носит разовый характер (см. Комментарий к УК РСФСР, с. 473).

Не называю ни фамилий героев этих историй, ни мест, где они происходили. Но не оттого, что все это, как может иным показаться, плоды досужей авторской фантазии. Увы, это случаи из нашей с вами жизни. В каждой из них объединены обстоятельства нескольких судебных дел.

Поэтому не спешите с упреками. Лучше покопайтесь в своей памяти. И я уверен, что многие вспомнят что-то похожее. Не торопитесь также упрекать меня в том, что эти истории не имеют прямого отношения к Ире К. Имеют. Косвенное. Убедительно показывают, чего Ире удалось избежать. Правда, очень дорого это ей стоило.

«ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?»

Сейчас, Ира, я один на один с Вашим письмом. Не скажу, что это очень легко. Но есть еще четырнадцать писем из той огромной почты, что поступила в ответ на Вашу публикацию — я весьма надеюсь на их помощь. Попробую стать одним из Ваших корреспон-

дентов. Постараюсь ответить со всей откровенностью. Не делая скидки на тяжесть Вашего жизненного положения.

Итак, Вы спрашиваете: «Что мне делать?» Верю, что не лукавите, что нечаянно не заметили, как сами ответили на свой вопрос. Вот Ваш, а одновременно и мой ответ: «Я люблю своего ребенка, музыку, веселую компанию, праздники...»

Теперь читаю письма, присланные Вам.

Прочитал. Рад за Вас, Ира! Это хорошие письма. Жаль, что не хватит места в журнале, чтобы напечатать их полностью. Сделаем так — я попробую объединить их в одно...

«...Посмотрите, Ира, внимательно. Ведь все это: любовь к ребенку, музыка, компания, праздники — у Вас есть.

Вот он, Ваш малыш, рядом с Вами. Продолжайте его любить, и он будет для Вас чудесной музыкой. Не беда, что в ней иногда будут грустные мотивы — не бывает только веселой музыки. Иначе бы мы просто не знали, что она веселая.

Поглядите-ка на ребенка. Поглядите прямо сейчас, сию же секунду! Только не раздраженно, не придирчиво, без злости, без досады. Вы должны увидеть, как он жаждет Вашей ласки, теплоты, заботы. Поговорите с ним, как с задушевным другом, как со взрослым. Расскажите ему о своей боли, о печалях. Он поймет, если Вы будете честны. Он поймет Вас, как никто другой. Перечитайте с ним свои любимые детские книжки. Перечитайте вслух, не торопясь. Сделайте, Ира, это. Найдите время. Вы убедитесь, что давно уже не были в такой веселой компании, как Вы и Ваш малыш.

А когда все это у Вас получится (только не рассчитывайте, что легко), поймете, что превосходнее праздника у Вас никогда не было.

Для этого стоит жить.

И еще. Вам есть для чего жить. Простите за напоминание о прошлом — жить, чтобы Ваш сын не сделал даже шажочка по направлению к пропасти, в которую Вы едва не угодили.

Если б знать, как Вас научить этому!

Вот что Вам надо делать. Работы, сами понимаете, на долгие годы...» (Галина Андреевна Мехонцева из г. Киева; Светлана Корнилова из Правдинска Горьковской обл.; А. С. Травкин из г. Иркутска; Наталья Сазонова из Волгоградской обл.; Александр Владимирович Дудченко из Читинской обл.; всего 14 подписей).

«УГАДАЛА?» И «НЕТ» И «ДА»

Нет, Ирина Соловьева из Козловки, что в Чувашии! Нет, не угадали! Но я радуюсь вместе с Вами. Что-то в тоне Вашего письма к Ире К. из Москвы позволяет мне надеяться на это.

Ира К., когда читал Вашу почту, то одно письмо очень взволновало меня. Так, что в начале этой главы я обратился уже не к Вам, а к автору того письма. Мне кажется, что тезка Ваша — замечательная девушка. Ее письмо я бы выделил из всех.

Но чтобы не запутывать читателя, давайте проясним вопрос, вынесенный в заголовок. Он из письма этой девушки. Автор пыталась предсказать содержание ответов на Ваше письмо.

Вот то предсказание, которое не сбылось в читательских письмах. Я не расстроился. Буду надеяться, что и автор, и Вы тоже... Цитирую:

«Мне кажется, ты (Ира К.—Авт.) получишь письма типа: «...Оглянись, как это нет никого? Рядом с тобой люди... Они помогут...» Угадала?»

Еще раз: «Нет». Нет. Ира К., твоя тетка ошиблась.

«О времена, о нравы», — говорили в таких случаях древние. Времена таких писем-назиданий, видимо, прошли. Надеюсь, навсегда. Мы, кажется, начали меняться. Может быть, даже в лучшую сторону.

Среди самых интересных и дельных писем к Вам, Ира К., нет ни одного подобного. Нет ни одного, где бы в Вас кинули камень. Есть, правда, упрек Вам как матери и женщине, за бывшее пристрастие к зелью: оно из Грузии, от женщины по имени Елена. Фамилия написана не совсем разборчиво. Но вслед за упреком — предложение помощи.

В остальных письмах — ни единого осуждающего слова. Все слова в них — слова поддержки и предложения помощи. Некоторые приглашают Вас в гости, выражают желание познакомиться лично или заочно. Но, повторяю, больше всего слов-напоминаний о Вашем ребенке. Люди просят Вас жить. Жить со своим малышом. Жить на радость Вашему сыну.

Мне радостно, что и я думаю, как большинство Ваших друзей.

Но без огорчений не обошлось. Просматривая всю остальную почту по Вашему письму, вынужден признать: «Да, Ирина Соловьева, Вы угадали».

К сожалению: «Да». Да, Ира К., автор этого письма была права. Среди множества остальных писем, Ира, есть и нудные и назидательные, есть откровенно злые, полные упреков и неблагодарности к обществу, к родителям... Но не о них сейчас речь.

Хватит злобы. Не из жалости к Вам говорю я это. Вы наказали себя сами. И упреки, хула в адрес Вам подобных никого и никому не сделают лучше.

Закончу эту главу несколькими строчками опять же из письма уже известной Вам Ирины Соловьевой, Вашей сверстницы. Ее судьба, как она писала, очень похожа на Вашу. Мне показалось, что она лучше других поняла Вас.

*«Тебе, Ириша, некуда себя деть. Просто «торчалово» * так плотно зажимало все твои дни, так подчинило себе все мысли и поступки, что не стало его — разладилось, сломалось нечто, скрепляющее дни. Нужно что-то придумать, решить, и сделать это мы должны сами. Сами! Никакие дяди и тети не сделают это за нас...*

Давай поможем друг другу — вот моя рука... без «машины». (И. Соловьева, г. Козловка).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хочу напомнить не только Ире К. Многим другим. Были же и другие руки. Вы помните, Ира, это с их помощью...

«...Все началось обычно. Сигарета. Потом алкоголь. Чуть позже алкоголь с таблетками — непривычное, но приятное ощущение. Еще позже — одни таблетки, добрые друзья, снабжающие ими при первой же просьбе, быстрое привыкание, а затем... Опять появляется «добрый» друг, его услужливая рука... С «машиной»... А что в итоге?»

Итог известен всем. Вы, Ира, и многие начинали обычно. Теперь надо найти силы, чтобы кончить необычно. Не мне напоминать Вам,

* ТОРЧАЛОВО (арготизм) — название наркотических веществ, употребляется в криминогенной среде.

как заканчивается жизнь у большинства наркоманов. Вы и еще кто-то сумели зацепиться за край, выкарабкаться. Так уйдите от него! Уйдите от услужливых, но грязных рук, запачканных «машиной»!

И еще. Прошу прощения за чтение чужих писем. Но я все же попробую оправдаться. Привести смягчающие вину обстоятельства.

Есть в письме Иры К. из Москвы многое, что подкупило: откровенность, искренность настроения, критическая самооценка, боль за близких и ребенка, попытка осмыслить жизнь... Есть многое, кроме одного. Обратного адреса. Но мы все же опубликовали письмо без подписи. Слишком тяжело у нее на душе. И, наверное, очень нелегко такое письмо далось. Опубликовали в надежде, что Ира К. после публикации внимательно вчитается и в эти строки...

НАША СПРАВКА.

Лицо, добровольно сдавшее наркотические средства, освобождается от уголовной ответственности за приобретение сданных наркотических средств, а также за их хранение, перевозку и пересылку.

Лицо, добровольно обратившееся в медицинское учреждение за оказанием медицинской помощи в связи с потреблением наркотических средств в немедицинских целях, освобождается от уголовной ответственности за потребление наркотических средств без назначения врача, а также за незаконное приобретение, хранение, перевозку и пересылку употребленных наркотических средств.

(См. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР» от 29 июня 1987 года.)

Да, закон гуманен. Но хэппи энда не будет, дорогой читатель. Пока по крайней мере. А хотелось бы. Что ж, будем ждать. Даст ли о себе знать Ира К.?..

Страшно не то, что она не объявляется. Страшно другое. А вдруг мы... опоздали. Только бы не это!

Пусть уж лучше ее не было вовсе. Пусть все мы жертвы чьего-то талантливой, но жестокого розыгрыша. Пусть!

Только бы не опоздать! Только бы не это...

Владимир КАЛИТА

Отец Игорь

Репортаж из сельского прихода

К осени село Понизовье пустеет — дачники разъезжаются еще до осенней распутицы. И в такую вот пору октябрьским, на удивление ясным и солнечным днем мы с егерем Виктором Кузьмичом Лебедевым объезжали его угодья. Километрах в пятидесяти от шоссе он показал берлогу, где видел медведицу с тремя медвежатами. Подумать только, какие сохранились места! Еще больше я удивилась, когда узнала, что много зимовок медведица провела... в трехстах метрах от человеческого жилья. Никто из Понизовья и

из окрестных сел не схватился за ружье — живут здесь в основном женщины, которым за семьдесят... Так что и в нынешнюю зиму медвежье семейство осталось зимовать все там же. Неподалеку от дома местного священника.

Церковь от села отделена речкой, перегороженной шатким мостиком. Здесь нам и встретился высокий молодой человек — священник Свято-Георгиевской церкви — отец Игорь, в миру — Игорь Анатольевич Кондратьев.

Из трех предложенных ему приходов он выбрал не тот, что расположен в Вологде, и не тот, что в Устюжне, районном центре, а здесь, в глубинке. Чтобы попасть к нему, пришлось проехать пятьсот километров по шоссе от Вологды до Устюжны, а затем еще пятьдесят — вначале по шоссе, а затем по лесной дороге.

Церковь, которую выбрал отец Игорь, построили в 1903 году на пожертвования верующих. Срубили ее свои деревенские мужики по собственному, доморощенному проекту. Роспись тоже местная. Нашлась среди крестьянок и своя художница — вложила в эту работу все умение, всю душу.

Рассказывают, пытались закрыть храм в печальной памяти годы, но отстоял народ. Свято-Георгиевская церковь всегда была действующей. Даже после смерти последнего священника Николая: получил он, вспоминают, восемь лет ссылки. Власти добивались, чтобы отказался он от веры. А как же сталинская конституция? Ведь там — свобода совести... Конституция конституцией, но ОГПУ...

Отец Николай не сломался. Вернулся в свою церковь, в свое село, к людям, которые ждали его эти годы. И еще прослужил тридцать лет, до самой кончины.

А в октябре восемьдесят восьмого года приехал в Понизовье отец Игорь. С чем столкнулся он на новом месте? Вот его отчет архиерею Михаилу, отрывок из которого я привожу здесь с разрешения отца Игоря.

«В последние годы духовная жизнь на приходе заметно пошла на убыль, уменьшилось число прихожан, сократился доход. Ни один священник после отца Николая не жил постоянно на приходе. Духовенство часто менялось, и церковный совет утратил чувство доверия к настоятелю. На каждого вновь прибывшего смотрели как на временного, потому не доверяли ему никаких дел».

Сейчас, в пору перестройки, отношение государства к церкви изменилось. Положение священника более устойчивое, появилась уверенность в том, что никто более не посмеет посягнуть ни на Свято-Георгиевскую церковь, ни на чувства верующих.

С первых же дней заботы односельчан отец Игорь воспринимает как свои личные. Главная его тревога — село Понизовье, попавшее в разряд неперспективных. Он задался целью коренным образом изменить ситуацию.

...Прошел год. Вот еще один отчет архиерею: «Доход церкви увеличился, на хуторе Шелохачь зарегистрирована новая религиозная группа, там за короткий срок, всего за полтора месяца, на пожертвования верующих в сотрудничестве с Лентьевским сельским Советом народных депутатов восстановлена (и уже открыта) часовня. Обвенчал две пары. Окрестил сто шестьдесят детей».

А как же дела мирские? Сельских проблем оказалось значительно больше, чем предполагал молодой священник. Одна из самых сложных — медицинское обслуживание населения. Медпункт был закрыт пять лет назад: нет фельдшера, нет медсестры. Телефонная

связь с районным центром? Можно считать, нет такой связи. «Скорая помощь» из райцентра. Может, для кого она и скорая в районе, а в Понизовье на нее давно надеяться перестали. Словом, открыли медицинский пункт, и люди пошли на прием не к фельдшеру, а к своему сельскому врачу. К терапевту Ольге Александровне Кондратьевой. К жене отца Игоря.

Заметим, что даже в соседнем поселке Желябово с населением в две тысячи человек, где есть домостроительный комбинат и где не только квартиры для медицинских работников выделяют, но и служебные автомашины, даже там нет врача-терапевта. Очень довольны жители Понизовья, что так все хорошо со своей сельской медициной получилось.

Правда, в медпункте нет пока самого необходимого: ни соответствующего оборудования, ни лекарств первой необходимости. Так что пока супруге отца Игоря очень нелегко. Возит она сельскую аптеку, можно сказать, на себе. Из самой Устюжны рейсовым автобусом или на чем придется от автотрассы. Как повезет.

Появление в забытой Богом (пусть не судит меня строго отец Игорь) и местной властью глуши врача пробудило интерес к жизни, уверенность в завтрашнем дне у людей старшего поколения не только в Понизовье, но и в окрестных селах.

Воспряли духом солдатские вдовы, которые в годы Великой Отечественной войны взвалили на женские плечи не только непомерно тяжелый мужской труд в тылу, но и заботы о домашнем очаге, о воспитании детей.

Долг свой они выполнили честно. Дорогой ценой. Потеряли здоровье. Пенсия — мы теперь много об этом говорим — минимальная.

А местные руководители... Им бы хоть навещать ветеранов время от времени, справиться о здоровье, спросить, хватит ли у них дров на зиму? А прожиточный минимум? Сами ведь не скажут. Народ на Вологодчине совестливый и гордый. Просить? Уж лучше как-нибудь... Обойдемся. Так во всем. Хочется сказать, так раньше было.

Отец Игорь и врач Ольга Александровна навещают больных вдвоем. Она лечит, а он укрепляет дух. Божественным ли словом, мирским ли... Словом, помогает.

— На хуторе Шелохачь живет 75-летняя крестьянка, — рассказала мне Ольга Александровна. — У нее случился инсульт. Звоню ее дочери: «Надо лечить маму». А сама туда — обратно, по три километра в одну сторону, ходила к больной ежедневно. Полегчало старушке, пришла в сознание. Первое слово: «Батюшку бы мне». Пришел к ней батюшка, утешил. Знаете, вместо предполагаемых трех месяцев я делала уколы всего две недели. Потом перевела на таблетированное лечение. Недели через три моя пациентка поднялась.

В другой деревне врач и священник навещают тяжелобольную. Тоже старушку. Привезли ее из города собственные дети. И уехали. Осталась без присмотра. Раз в сутки навещает ее сестра. Покормит и запирает на замок. До следующего утра. А у старушки — четверо взрослых сыновей, которых она вырастила, поставила на ноги...

— Даже не знаешь, что страшнее в преклонном возрасте: болезнь или одиночество, — рассуждает отец Игорь. — Но мы людей в беде не оставляем: горем и радостью делимся.

Люди (не только прихожане, не только верующие) оценили энергию, предприимчивость, верность слову молодого священника: за

какое дело ни возьмется, обязательно доведет до конца. Так, отец Игорь энергично «пробивает» вопрос об открытии в деревне магазина. Поехал в сельский Совет, в райисполком: разве не знают власти о том, что за продуктами первой необходимости, за хлебом ездят крестьяне несколько «волоков». Убеждал горячо: «Нужен свой магазин».

«Ищите подходящую кандидатуру, Игорь Анатольевич», — ответили ему вместо того, чтобы помочь делом. И пришлось сельскому священнику решать кадровую проблему для сельской торговли: нашел кандидатуру на должность сельского продавца. Из своих же прихожан подобрал.

Я разговаривала с ним. Молодой человек. Холост. Купил здесь дом, теперь ждет, когда переедет к нему из Череповца мать.

— Вы молоды, не женаты, переезжаете в деревню, где нет невест. Не пугает?

— Я твердо решился на такой шаг. А невеста... Будет. Найду, привезу сюда, женюсь. Здесь прекрасно можно жить. Вот откроем скоро магазин, вначале отдел «Продовольственные товары», потом — «Промтовары», а к лету — пункт по заготовке грибов и ягод... Спасибо отцу Игорю!

Далеко не каждому под силу обивать пороги учреждений и даже терпеть унижения ради благой цели от людей с черствыми душами, от аппаратчиков, бюрократов. Стиль их работы и снискавшее печальную известность нравственное поведение в работе с обращениями граждан нам хорошо знакомы. А как работает с людьми отец Игорь? К нему тоже идут люди за помощью. И не только, как не раз убеждалась, по духовным делам. Он требует паспорт? Спрашивает прописку? Какую-нибудь справку? Нет. Внимательно выслушивает людей. И никогда не обрывает на полуслове.

Как-то поведали ему горькую историю. Доверилась старушка дальнему родственнику — подписала неведомо какую бумагу, которую он ей подсунул, с юристами не советовалась, а теперь наказана очень жестоко — собственный дом теперь ей не принадлежит. И все законно. Выкинул он ее на улицу. А сколько пришлось трудиться, чтоб заработать на дом! Все прахом!

Как же поступил Игорь Анатольевич Кондратьев? Что было ему делать? Утешить духовно? Выдать нечто хрестоматийное — Христос терпел и нам велел? Или посоветовать обратиться в правоохранительные органы? И он, безусловно, был бы прав — есть органы внутренних дел, есть народный суд, прокуратура и т. д. и т. п. Будем надеяться, что закон защитит обманутого человека и воздаст нечестному по заслугам. Но на это нужно время, а человеку жить нелегко. Отец Игорь нашел свое решение — старушка поселилась в церковной сторожке. Это нормальная крестьянская изба. А он еще ей и работу нашел по силам — алтарницей. И жалованье назначил. Правда, сложность тут была — верующие знают, что женщинам вход на алтарь воспрещен. Отец Игорь специально обращался с этим вопросом к архиерею, просил помочь. Церковные власти разрешили — теперь она работает на вполне законных, можно сказать, основаниях.

Летом, в самый разгар дачного сезона, священника можно увидеть в окружении детворы. Городские дети не знают, куда деть себя, особенно в ненастную погоду, когда не выйдешь в поле, в лес, на речку. Скучно городским мальчишкам без кинотеатра, клуба и библиотеки. Зато как здорово проводить время в обществе взрос-

лого человека, который, оказывается, в курсе всех их ребячьих дел. Дело в том, что отец Игорь — человек разносторонних знаний. Он отличный спортсмен, знает даже приемы спортивного каратэ. Сейчас посещает курсы автоводителей. Знает древнерусскую живопись, ее историю, классическую музыку — у него большая коллекция музыкальных записей. Много читает. Не только духовную литературу. Отлично рисует. И щедро делится знаниями с окружающими.

— Он к людям с добрым словом, и к нему — с пониманием и доверием.

В Понизовье я слышала это от людей не раз и не два. Удалось, например, священнику поднять людей на субботник. Не только местных жителей, но и отпускников, и дачников. Необходимость в субботнике была.

В какие только инстанции не писали старожилы о том, что давно пришло в запустение сельское кладбище, превратилось в пастбище для овец, так как ограда завалилась. Когда бюрократических отписок из разных инстанций накопилось до того много, что стало ясно — круг замкнулся, решили обратиться к священнику. Как в последнюю инстанцию. Старики говорили, что, если батюшка возьмется, толк будет. И не ошиблись. Игорь Анатольевич нашел и средства, и материал, и время. И людей организовал. Сплотило доброе дело самых разных людей — порядок на кладбище навели в один день.

А проблем на селе не счесть. Их столько накопилось за известные годы... А местные власти, их отношение? Тоже проблема. Вполне самостоятельная. И вот идут к священнику.

— Батюшка, почту нашу закрывают.

— Конечно, все это дела мирские, — говорит отец Игорь. — Но если те, кому надлежит заниматься ими, не занимаются, значит мой долг помочь людям. Если я вижу безобразие, не могу закрыть глаза и говорить, что все в порядке. Это грех больший, чем безобразие сотворить.

Много лет в селе действовала и не знала нареканий местная почта. Закрыли ее после ухода на пенсию добросовестного работника. Теперь деревни объезжает почтовая машина. Говорят, что это явление временное. Как быть? Приглашать человека со стороны? Ему ведь жилье надо найти. И опять всех выручил отец Игорь. Нашел подходящего человека. Местный уроженец, приехал, чтобы ухаживать за больной матерью. Вскоре мать умерла. Он не прочь остаться в родном селе, но как быть с работой? Так что отец Игорь опять занимается решением кадрового вопроса на селе. И опять слышишь — батюшка за дело взялся, толк будет.

В Понизовье рассказывали мне об озере Талец необыкновенной красоты. Всего-то до него три километра ходу, но люди красоты этой не видят — дорога на озеро заросла кустарником. Не проехать, не пройти... Технику бы сюда, крепкие мужские руки!

Только до озера ли деревенским жителям? С тоской думают о каждой предстоящей зиме, когда белоснежные сугробы заметут лесные дороги и люди останутся отрезанными от мира. Жди, когда пройдет бульдозер. А как человеку без дороги?

Проблемам сельским «несть числа».

Легко ли сказать, что нет в селе школы — некому в ней учиться. И детского сада нет, потому что единственный четырехлетний ребенок — Кеша, Иннокентий, сын отца Игоря. Растет мальчишка без

бабушек, воспитывается в обществе взрослых, заботится о «братьях меньших». Можно лишь посочувствовать малышу, как трудно ему без игр со сверстниками. Что же будет дальше с селом? Неужели и в самом деле нет у него перспектив? Неужели исчезнет?

— Послушай,— говорит жене Игорь Анатольевич,— в начале века здесь, в Понизовье, было два завода — кожевенный и сыродельный, три школы, два магазина, три мельницы, пекарня. Полторы тысячи коров держали на подворье. А сегодня? Обязательно надо вернуть жизнь этому селению!

Кто, спрашивается, здесь будет жить, если в школу надо ехать в Лентьево, за пятнадцать километров. Школа должна быть в селе. Здесь должны расти наши дети, наши внуки. Рядом с внуками и старикам легче умирать.

Отец Игорь вершит добрые дела. Он, смею утверждать, продолжает лучшие традиции передового российского духовенства. Игорь Анатольевич Кондратьев, наш современник — достойный гражданин страны. Перестройка для него — это реальные дела, снискавшие ему глубокое уважение односельчан. Но куда больший эффект принесла бы его поистине творческая энергия, большой энтузиазм, если все это было помножено на мудрое руководство облеченных властью закона местных «властей предержащих». В первую очередь Советов народных депутатов.

Возвращаясь домой, проезжая по прилегающим к Понизовью селам, я заметила, что нет в них ни одного заброшенного дома — горожане облагородили: обшили тесом, покрасили, покрыли новыми крышами, побелили рамы. Видимо, подумалось мне, заранее готовят «позиции», на которые будут «отступать» под старость, выйдя на пенсию. Оставят городские квартиры детям, подрастающим внукам, а сами станут доживать век на природе.

Меня до сих пор раздирают противоречия. Вне сомнения, очень хорошо, что с недавних пор по действующему законодательству горожанин имеет право приобретать дом в деревне. Очень хорошо, что заброшенные дома облагорожены, что они не разваливаются больше, что земельные участки при домах ухожены, что земля не зарастает бурьяном, а наоборот — выдает горожанину на стол дефицитные нынче продукты, что есть еще одна возможность у городских людей и здоровье поправить, и материальную пользу обществу принести. Как не радоваться такому.

Очень хочу думать, что голоса детей (не только городских, не только дачных) будущих крестьян, будущих хозяев этой земли станут звучать здесь круглый год. Сейчас их не слышно. А будут?.. Об этом думаю не только одна я. Есть у меня и такой единомышленник, как отец Игорь. От мысли этой легче.

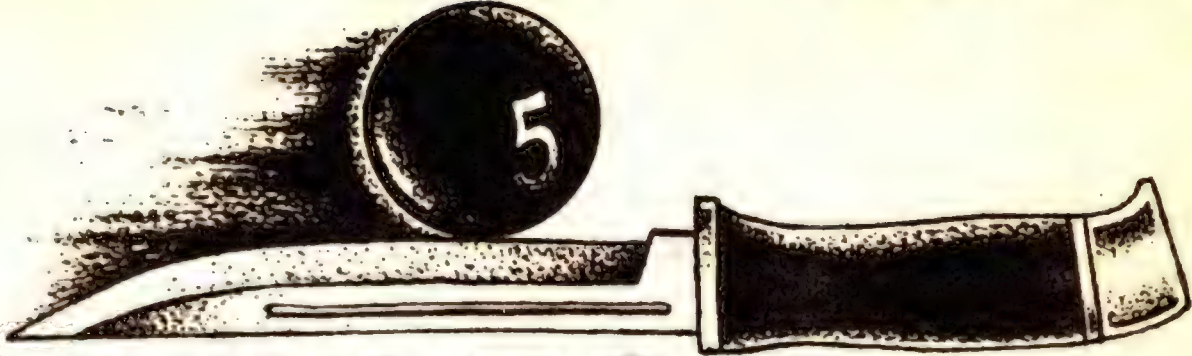
* * *

Когда материал готовился к печати, пришло письмо из Понизовья. Молодого продавца прописали. Вопрос об открытии сельской почты решился положительно. Врачу Кондратьевой выделена служебная машина.

Отец Игорь? Уверена, что не он один.

Клара ХРОМОВА

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

на бильярде играют в одиночку

ПОВЕСТЬ

Во дворе ждал Ярик. Он сидел на скамейке возле песочницы, аккуратно поддернув отглаженные брючки в крупную клетку. Вокруг копошилась и галдела малышня. Ярик наблюдал за ней с благосклонным интересом и, казалось, был полностью поглощен этим занятием. Однако Пашку заметил сразу же, едва тот появился из-за угла.

Под ребрами у Пашки что-то дрогнуло, он сбился с шага, но тут же взял себя в руки, изобразив на лице нечто вроде радостной улыбки.

И Ярик улыбнулся в ответ.

— Ты куда пропал, сынок? — слово «сынок» Ярик произносил не насмешливо, а как бы с искренней заботой, хотя едва ли был старше Пашки более чем на два года.

— Я не пропал, — быстро возразил Пашка. — Тренировки у нас часто... и экзамены вот-вот начнутся.

— Тренировки, да-а, — задумчиво и протяжно повторил Ярик. — Нехорошо так пропадать. Может, ты спрятаться решил?

И снова волна страха накатила на Пашку. Он ничего не мог с собой поделать.

— Зачем мне прятаться? — попытался он искренне удивиться. — Какой смысл?

— Смысл? — снова повторил за ним Ярик. — Тебе Леха говорил, чтобы ты к «аквариуму» подошел?

— Ну, говорил...

— Вот видишь! — в голосе Ярика звучала укоризна. — А ты не пришел

— Я же объяснил Лехе. Тренировка же...

— Это все не в кассу, сынок. Ты вчера нам выступление сорвал. Вартан на тебя очень обиделся. Просто так звать не будут, ты же знаешь, — Ярик сощурил слегка выпуклые голубые глаза. — Может, ты правда отвалить решил? Странно ты себя ведешь в последнее время. Так ты скажи. А мы обсудим. А то Вартан обижается...

Сердце у Пашки отчаянно заколотилось.

— Почему отвалить? Почему обязательно отвалить? Я же объясняю, Ярик, не мог, ну!

Некоторое время Ярик любовался достигнутым эффектом, потом резко встал.

— Ладно, бог с тобой. Выступление перенесено на сегодня. Учти: из-за тебя. Пошли!

Это было плохо, ужасно плохо, но деваться было некуда.

— Я... только сумку... Сумку домой закинуть надо. Куда с сумкой-то...

— Сумку? Давай,— разрешил Ярик, снова расслабленно опускаясь на скамейку.— Только быстро!

Клиентов было двое. Один — тощий и голенастый, как кузнецик, в тесном джинсовом костюмчике, пасся у дверей комиссионки, высматривая и подбирая покупателей. Другой, наоборот, гладенький, с круглой головой и пухлыми губами, похожий на отличника-переростка, с большой сумкой в руках скромно стоял на уголке и даже не смотрел в сторону толкучки. Через какое-то время «кузнецик» вынырнул из толпы с покупателем — веснушчатым паренком явно негородского вида. Азартно объясняя что-то на ходу, «кузнецик» повлек покупателя от комиссионки. Подождав немного, «отличник» вперевалочку двинулся следом и догнал удалявшуюся пару лишь у самой арки. Они еще постояли несколько минут, озираясь по сторонам, прежде чем скрыться во дворе.

— Пошли! — скомандовал Ярик и быстрым шагом пошел через улицу.

Леха и Аким за ним. Пашка чуть приотстал, ему было гадко и боязно.

Двор за аркой был пуст. Ярик на секунду задумался, а потом решительно рванул дверь ближайшего подъезда. Те трое деловито суетились в тусклом свете запыленного окошка. Веснушчатый покупатель потряхивал в руках новенькие джинсы, готовясь к примерке. На хлопанье двери все они повернулись и замерли в случайных позах. Ярик подошел вплотную к «отличнику».

— Я тебя предупреждал, козел? — спросил он тем вкрадчивым тоном, которого Пашка всегда боялся. И тут же, не дожидаясь ответа, лениво ткнул кулаком в испуганное толстое лицо.

Пашка увидел, как крупными брызгами разлетелась кровь — на руке у Ярика был кастет. «Отличник» тоненько вскрикнул, и Ярик ударил еще раз, злее и жестче. «Отличник» упал. Леха уже держал «кузнецика» за отвороты джинсовой курточки и, придыхая, деловито бил коленом в низ живота.

— Ребята, вы чего? — в ужасе бормотал веснушчатый покупатель, пытаясь протиснуться между Пашкой и Акимом к выходу.

«Кузнецик» тоже свалился на грязный пол. Леха распаленно бил его ногами, целясь в лицо, но Ярик его отдернул.

— Хватит! — приказал он. Леха послушно шагнул в сторону. Оправляя на руке кастет, Ярик повернулся к покупателю.

— Ты не бойся, чего трясешься? — сказал он совершенно дружески.— Это наши дела. Ты бабки им отдал? Нет? Это точно? Да не дрожи ты!

Ярик поднял с пола джинсы и сунул покупателю в руки.

— Не надо,— отказывался тот, и Ярику это не понравилось.

— Бери! Тебе что, тоже объяснять надо? Сколько они с тебя хотели слупить?

— Сто восемьдесят.

— Давай сюда полторы сотни. И иди спокойно, не дергайся. Ты меня понял? Стой! Вместе выйдем. Леха, заberi у клиентов остальной товар.

Пока Леха вытряхивал сумку «отличника» и очищал его карманы, Ярик счел возможным провести воспитательную беседу.

— Ну, что, вонючки, теперь доехало? Предупреждаю: в следующий раз, если без спроса сюда придете, ходить уже не будете. Унесут.

На площадке щелкнул замок, молодая женщина в халатике вышла из квартиры, увидела ворочающиеся на полу тела, пятна крови на ступенях, охнула и мгновенно скрылась.

Ярик довольно усмехнулся.

— Все. Рвем отсюда!

На улице они сразу же разошлись в разные стороны, будто и не были знакомы...

Видимо, телефон звонил очень долго, прежде чем вырвал Денисова из сладкого и душного утреннего сна. Разлепив глаза, он взглянул на часы — половина двенадцатого — и лишь после этого нехотя поднял трубку.

— Это ты? — спросила Лариса, как обычно не называя себя и тем более не здороваясь.

Поэтому Денисов сразу ее узнал.

Со своей бывшей женой он не разговаривал года три. По сути, оба они испытали одинаковое облегчение, когда наконец разъехались. Кроме квартиры, делить им в жизни было нечего.

— Как живешь? — поскольку эта фраза Ларисы должна была изображать некоторое внимание к Денисову, он сразу догадался, что его о чем-то станут просить.

— Нормально, — ответил. — Подожди минуту, я сейчас чайник выключу.

Он заскочил в ванную комнату и прополоскал рот, избавляясь от отвратительного металлического привкуса. Не стоило так много курить накануне.

— Я тебя слушаю, — сказал он спустя минуту.

— Нам надо поговорить, — объявила Лариса.

— Конечно, — немедленно согласился Денисов, хотя требовательность ее интонации его беспокоила. — А о чем?

— Речь пойдет о твоём сыне.

— Что-нибудь случилось?

— Объясню при встрече. Кстати, я недалеко от тебя. Минут через пятнадцать буду на бульваре.

— Ты зайдешь?

— Это лишнее, — усмехнулась Лариса, показывая тоном, что любой коварный замысел Денисова она видит на десять шагов вперед.

— Хорошо, — с облегчением сказал он. — Тогда на лавочке напротив трамвайной остановки.

Денисов не был хорошим отцом и осознавал это, надо сказать, без особых угрызений совести. Но и плохим он тоже, в общем, не был. Правда, встречались они с сыном редко, однако Денисов оп-

равдывал себя тем, что Лариса от их встреч была не в восторге, что могло отрицательно сказываться на самочувствии сына. Зато деньги он переводил вполне регулярно и звонил Пашке, как ему представлялось, частенько...

Позавтракать он, конечно, не успевал. И побриться — тоже. Так и пошел на бульвар в истертых домашних джинсах и стоптанных кроссовках, чем доставил Ларисе повод для очередного маленького торжества. На его невзрачном фоне Лариса в облегающем шелковом темно-вишневом платье, с идеально отлакированной прической смотрелась исключительно выигрышно. Каждому взглянувшему на эту пару становилось ясно, кто есть кто.

— Ты прекрасно выглядишь, — честно сказал Денисов, а Лариса сделала вид, что ей это безразлично.

— Кажется... ты давно не видел Павла? — растягивая слова, спросила она.

— Пожалуй, — смущенно подтвердил Денисов. — Но по телефону мы с ним на прошлой неделе...

— Он, кстати, уже девятый класс заканчивает.

— Я знаю, — нетвердо сказал Денисов, а сам подумал: надо же, уже девятый!

— У нас возникли некоторые проблемы, — Лариса достала из сумочки длинную сигарету. — У тебя нет спичек?

Денисов похлопал себя по карманам, протянул коробок. Спohватившись, зажег спичку.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Это... — Лариса длинно выдохнула дым, — связано с некоторыми переменами в моей личной жизни.

— Я слышал, ты собираешься замуж.

Ничего такого он не слышал ни от кого, просто решил ей немного помочь.

— Это тебя удивляет?

— Отчего же? Нет, — искренне сказал Денисов и не угадал.

Лариса ждала от него эмоций. Огорчения, например. Однако досады она внешне не показала, просто сделалась несколько суше.

— В общем, случилось так, что мне на несколько месяцев придется уехать за границу. Взять Павла с собой я просто не могу. Видишь ли... помимо чисто объективных обстоятельств... Он многое воспринимает просто в штыки. Хотя ровным счетом никакого повода...

— С твоим приятелем он, значит, не поладил. Не в строку пришелся, — не удержался Денисов.

— Ты всегда был невыносимо вульгарен, — Лариса дернула плечом и уронила столбик пепла на тонкую ткань юбки. — Мой приятель, как ты выражаешься, очень чуткий, интеллигентный человек. С Павлом он всегда предельно деликатен. Вероятно, просто переходный возраст, да и определенные черты характера...

Разумеется, она имела в виду черты характера, унаследованные Пашкой лично от Денисова.

Мимо их скамейки прошла старушка в черном костюме и волосами, выкрашенными в ярко-рыжий цвет. Густым и звучным голосом сказала: «А где моя Бабетта? Куда же она подевалась?» Бабетта — толстая одышливая сука неопределенно-приземистой породы — никуда не подевалась и надеваться не могла. Она неотрывно семенила рядом со старушкой на коротком поводке. Услышав свое имя, подняла грустную морду, вздохнула и вновь опустила к самой

земле. По меркам короткой собачьей жизни Бабетта была ровесницей своей хозяйке. Денисов глядел вслед удаляющейся паре, а Лариса тщательно стряхивала с подола пепел.

— За Павлом нужен надзор, — наконец сказала она. — Было бы неплохо, если бы это время он пожил у тебя. Начинаются каникулы, а в лагерь он отказался ехать наотрез.

— Почему бы и нет, — рассеянно согласился Денисов. — Конечно, пусть поживет.

Не очень высокий, зато крепкий, совершенно мужского телосложения, Пашка выглядел старше своих шестнадцати. Спортивные секции, в которые его пихали с пятилетнего возраста, свое дело сделали. Только лицо оставалось по-мальчишески нежным, со смешным пушком над верхней губой. На переезд к Денисову он согласился легко и даже с удовольствием. Только отчего-то сразу попросил: «Пап, можно я не буду на практику ходить?»

— Не ходи, — немедленно согласился Денисов, а сам подумал: что за практика такая?

В тот вечер Денисов не пошел в Дом офицеров, хотя там должна была состояться неплохая игра. Он испытывал несколько странные ощущения, внезапно оказавшись в положении отца-одиночки. Ужин пришлось готовить, и он взялся жарить картошку, чего в принципе не делал уже несколько лет. Но эти хлопоты неожиданно оказались Денисову не в тягость. Они сидели за столом и разговаривали о каких-то пустяках, и Денисову было хорошо от того, что они с Пашкой не разучились друг друга понимать. Жаль, правда, что Денисов слабо разбирался в современной молодежной музыке, хотя на его японском двухкассетнике и была записана какая-то модная мура. Эту муру Пашка оценил высоко, что Денисову было приятно. Потом они просто смотрели телевизор: показывали водружение очередного ордена на грудь престарелого вождя, и его неразборчивое бормотание нагоняло сладкую дремоту.

На утро, правда, домовитости Денисову не хватило. То есть он мог, разумеется, зажарить или сварить яйца, однако решил повести сына завтракать в ресторан, куда ходил все эти три года.

К величайшему сожалению, его привычный столик с утра обслуживал не Виктор, с которым у Денисова установились в некотором роде сердечные отношения, а его сменщик — Сергей, довольно заурядный хапуга, которому было совершенно плевать, с кем пришел Денисов — с сыном, подругой или римским папой. Сергею было всего важнее, сколько ему от этого перепадет на лапу. Он вообще, по наблюдениям Денисова, своих клиентов узнавал только по чаевым. Денисов Сергея презирал, но в этот раз постарался, чтобы тот его не только узнал, но и запомнил.

— У тебя какие планы на сегодня? — спросил Денисов сына по окончании завтрака.

Планов у Пашки не было, и Денисова это несколько смутило. Дело в том, что сейчас ему непременно надо было идти в Дом архитектора. Он обещал, и его ждали, а брат Пашку с собой Денисов не хотел: игра предстояла серьезная, требующая предельного сосредоточения.

— Тогда вот что, — Денисов вытащил из кармана пятерку. — У меня сегодня неотложные дела, а ты пока можешь в кино сходить. Не возражаешь?

Пашка не возражал.

— Пап, а ты где работаешь? — внезапно спросил он.

— Я-то? Как тебе сказать... В общем, сейчас я занимаюсь как бы литературной работой, — осторожно произнес Денисов. — В двух словах не объяснишь. Знаешь, давай как-нибудь потом, если хочешь...

Но они уже стояли возле киноафиши, и Пашка мгновенно потерял к своему вопросу всякий интерес.

— Во! «Спартак»! Хороший фильм?

— Отличный, — одобрил Денисов. — Керк Дуглас, Тони Кертис и даже Лоуренс Оливье. Суперзвезды! Я этот фильм в твоём возрасте смотрел раза четыре.

— Так я пойду, — Пашка махнул Денисову рукой и бросился к остановке, чтобы поспеть на подошедший автобус.

Народу в бильярдной Дома архитектора в этот час было немного, и почти всех Денисов хорошо знал. На одном из столов Ганс и Якубик — игроки довольно сильные, Денисов никогда не давал им более десяти очков форы, — лениво гоняли шары. Сразу было видно, что игра у них идет несерьезная, «по маленькой», просто чтобы занять время. Они слишком хорошо знали друг друга. На другом столе играл Валентин с незнакомым Денисову высоким парнем в джинсах и курточке. Валентин играет плохо, но в бильярдные ходит вовсе не для того, чтобы играть.

Парень с треском положил шар в угловую лузу и негромко произнес:

— Партия.

Валентин поставил кий в стойку и флегматично достал из нагрудного карманчика две полусотенные купюры.

— Ну, держи, Юрик.

Денисов понял, что незнакомый парень и был тем самым Юриком, который специально приехал откуда-то с Урала, чтобы сразиться со столичными асами. Он пожалел, что не пришел хотя бы десятью минутами раньше. Неплохо было бы присмотреться предварительно к игре этого Юрика.

— А вот и Седой, — увидел Денисова Валентин. — Тут пока тебя дожидались, я этому юноше три сотни просадил. Ты, пожалуйста, не опаздывай, дорогой, от твоих опозданий очень большие убытки.

Сочувствия к Валентину Денисов не испытал. Тому три сотни было, что Денисову трояк.

Парень со спокойным интересом смотрел на Денисова.

— Ты Седой? Третий день тебя ищу.

— Да я вроде не прятался, — пожал плечами Денисов. — Вообще, вежливые люди прежде всего здороваются, ну а потом, может быть, и переходят на «ты».

Намерением Денисова было сразу же слегка вывести парня из равновесия. Не зная сил противника, он не желал рисковать. Однако тот лишь усмехнулся.

— Здравствуй. Ты, говорят, тут первым номером выступаешь?

— Лучше бы ты конкретно сказал, чего хочешь, — Денисов продолжал следовать избранной тактике, тоном придавая словам довольно обидное звучание.

— Играть, — кратко сказал парень.

Ганс и Якубик одновременно положили кии и подошли поближе.

Рис. В. Родина

— Играть? Очень хорошо. Скажи, пожалуйста, собственно, кто ты такой? Почему желаешь играть именно со мной? И с какой стати я должен тратить на это время?

Парень и глазом не моргнул. Нервная система у него была в полном порядке.

— Если ты первый номер, то не откажешься.

— Надеюсь, Юра, вы понимаете,— интеллигентно сказал Денисов,— я свое время ценю весьма дорого и на пустую не играю...

— Нет вопросов,— перебил парень, впервые проявив некоторые признаки нетерпения.— Играем на интерес:

— И каков будет интерес?

Парень достал несколько купюр и помахал перед Денисовым.

— Я тут три сотни только что взял. Могу добавить две своих. Нормально?

— Тебе помочь, Георгий? — немедленно спросил Валентин, но Денисов отрицательно мотнул головой.

— Одна партия?

Парень слегка удивился.

— Пять партий. Каждая в сотню. Но если хочешь...

— Нет-нет, — быстро сказал Денисов. — Только не пять партий, а три. Все вместе в пять сотен. А то у меня со временем не очень.

Парень кивнул не раздумывая. Эти пять сотен у него явно не были последними.

Играли в «семьдесят одно очко». Разбивать пирамиду выпало уральцу. Он ударил хлестко и расчетливо: биток откатился в самый угол, и Денисову бить оттуда было неудобно. Уже по этому первому удару было понятно, что парень далеко не новичок. Пришлось играть без «выхода» — без акцентированного намерения положить шар. Денисов постарался лишь не сделать явной подставки.

Уралец немного подумал, а потом вполне грамотно положил «восьмерку» от борта в центральную лузу. Не оценить этого удара Денисов также не мог — кладка у Юрика была весьма уверенная. Собираясь закрепить успех, Юрик заказал «тринадцатого» от «четверки» в угол, но недокрутил биток, и «тринадцатый» с силой врезался в борт, а потом задел еще два шара, существенно изменив позицию на бильярде. Этим тут же воспользовался Денисов, положив подряд «туза» и «тройку». Юрик не смутился и, дождавшись своей очереди, красиво вогнал в угол «десятку», однако следующим ударом, прекрасно задуманным, распорядиться вновь не сумел — у него опять не получился верхний левый винт.

В принципе Денисову все было ясно. Первую партию он завершил довольно быстро — на столе, кроме битка, оставались еще три шара. Огорчения Юрик не выразил, быстро составил пирамиду, и игра продолжалась.

Денисов ощущал подъем, играл раскованно, шары катились точно по намеченным траекториям. Вначале он намеревался поскорее закончить игру и отправиться домой, но постепенно его все больше забирал холодный азарт профессионала, поэтому вторую партию он очень аккуратно, с разрывом всего в несколько очков, проиграл. Зрители были этим несколько потрясены, и только Валентин, отлично знавший тактику Денисова, холодно усмехнулся. Это Валентина устраивало, он тут же поставил на Денисова из расчета два к одному. Ставку принял Якубик и даже давний завсегдатай бильярдных Чива, лысый мужик лет шестидесяти с безволосым бабьим лицом. Хотя Чива был типом опустившимся, почти алкашом, и вряд ли мог выставить больше червонца, Валентина это не смутило. Он не брезговал никакими ставками, а в данном случае ему был важен факт выигрыша, а не сумма. Если бы Денисов взял и вторую партию, Чива не пошел бы и на один к пяти.

Воспользовавшись тем, что Юра отлучился в клозет, Денисов подошел к Валентину.

— Валентин, что это за клиент?

— Не сомневайся, Седой, клиент упакованный, — заверил Валентин. — Играй спокойно.

— Откуда он взялся?

— Говорит, что с Урала — пусть будет с Урала. Не смущайся, это я его привел.

— Так это твой дружок? — удивился Денисов. — Зачем же я его раздеваю?

— Играй спокойно, — настойчиво повторил Валентин. — Разве я сказал «дружок»? Он попросил, и я его привел. Ты его деньги не считай, он за них не горбатился и сейчас за удовольствие платит. А я удовольствие бесплатно имею.

Тут Юрик вернулся, и игра продолжилась. Теперь Денисову понадобилось все его искусство. Он набирал очки синхронно с противником, не отпуская его от себя, но и не опережая намного, постоянно маня надеждой. Из-за этого приходилось класть сложные шары, изображая при этом удивление успеху или сильную досаду запланированной неудаче. В общем, Денисов Юрика заманивал, и тот постепенно покупался на этот нехитрый спектакль.

Когда на столе, кроме битка, остались только «тройка» и «десятка», Юрик набрал шестьдесят четыре очка. Денисов приотстал чуть больше, чем намеревался, у него было только пятьдесят четыре. Хочешь — не хочешь, а заканчивать игру придется последним шаром. И тут он ошибся. Может быть, впервые за всю сегодняшнюю игру. То ли глаз сморгнул, то ли рука дрогнула, но вместо полноценного удара по «тройке» вышла слабенькая мазка. «Тройка» поднялась к длинному борту, отразилась и встала точно против угловой лузы. Даже пятиклассник забил бы сейчас этот шар, а Юрик пятиклассником не был. Ударил без малейшего волнения, и «тройка» чисто скатилась в сетку.

А позиция на бильярде сложилась отвратительная. «Десятка» стояла вплотную к губке угловой лузы, а биток откатился к противоположному короткому борту. Мало того, что из такого положения «десятка» просто не забивалась — дело было не в том. Практически любой вариант удара Денисова мог так изменить расположение шаров, что Юрик однозначно получал крупный шанс на победу. В любой другой ситуации Денисов бы не стал рисковать, а просто отдал бы пять очков в виде штрафа, легонько коснувшись кием битка. Однако сейчас это означало проигрыш: Юрику тех самых пяти очков до семидесяти одного и не хватало. Зрители молчали — кто нервно, кто злорадно — в зависимости от сделанных ставок. Якубик что-то громко зашептал Гансу, но смолк под угрюмым взглядом Валентина.

Денисов не спеша помазал мелом наклейку кия, потом стер ладонью и снова помазал. Теотретически он знал, что следует делать. Но удар требовался ювелирный. Даже у Денисова такие удары получались не всякий раз. Но сегодня у него все должно выходить, как ему хочется. Денисов еще раз прочертил взглядом предполагаемый путь битка и прицелился. В тишине бильярдной удар прозвучал коротко и отрывисто. Закрученный биток пролетел по сукну, глухо ткнулся в длинный борт, тут же легко и звонко в «десятку», а затем, продолжая ломанную кривую, рикошетируя от бортов, вернулся почти в точку удара. «Десятка» же, восприняв вращательное движение битка, плавно отошла от лузы и встала на короткий борт. Оба шара теперь стояли практически на одной прямой у противоположных концов бильярда. Денисов выдохнул и фальшиво сказал:

— Вот черт, не лезет в лузу. Не хочет!

Обычная холодноватая усмешка кривила губы Валентина, но

Денисов понимал, что тот взволнован. Валентин наслаждался спектаклем, мастерски разыгранным на синем сукне. С нескрываемой, жадной завистью смотрели на Денисова Ганс и Якубик. Только Чива, прозевавший или просто не понявший смысла происшедшего, равнодушно моргал красноватыми веками без ресниц. Но Денисову было плевать на Чиву. Лишь настоящие знатоки могли оценить красоту и тактический замысел этого удара.

Теперь уже Юрик должен был сильно думать, и при всем желании Денисов не смог бы подсказать ему выход. Дальше все случилось, как и было должно. Нечеткий удар Юрика выкатил оба шара к центру, и Денисов завершил партию эффектным абриколом от борта в середину.

Юрик спокойно положил кий и достал из толстого бумажника деньги.

— Не повезло,— сказал он без сожаления.— Может, еще раз?

Денисов ждал этого предложения, поэтому нарочито вяло пожал плечами.

— Не знаю, что сказать. Вообще-то у меня сегодня есть кое-какие дела...

— Я удваиваю. На штуку пойдешь? — тон Юрика сделался почти категорическим, и Денисов понял, что как следует его зацепил.

Денисов улыбнулся и впервые с начала игры жестко взглянул в глаза партнеру..

— Отвечаю! — сказал Денисов.

Играть кончили лишь спустя час после официального закрытия бильярдной. В общей сложности Денисов вынул у Юрика почти три тысячи. Тот был заметно огорчен, но отнюдь не потерянной суммой, а проигранными партиями. Юрик тоже любил бильярд по-настоящему.

Буфет, разумеется, уже не работал, но Денисов щедро оплатил буфетнице Алефтине сверхурочные и выставил пару коньяка. Юрик пить не стал. Едва пригубив стакан, поднялся.

— Надеюсь, мы еще сыграем? Я в столице буду через пару месяцев. Где тебя найти?

— У бильярда, сынок,— влез Чива, успевший высосать свою порцию и мгновенно захмелеть.— У бильярда его всегда и найдешь.

— Хорошо,— Юрик немного наклонил голову, потом оглядел компанию и внятно сказал — вроде бы только для Чивы, а на самом деле для всех:

— Я не сынок. Счастливо!

Чива сообразил, что лучше в данном случае не возражать. Он попытался исправить свою ошибку извиняющимся хихиканьем и первым полез жать руку Юрику, но тот брезгливо обнес его рукопожатием.

— Много их развелось, сопливых,— изображая из себя мудрого старика, прокомментировал Чива, когда убедился, что Юрик ушел насовсем.— Скажи, Седой: как сопливый, так сразу лезет в короли. Да, Валентин, скажи?

Но никто не собирался ему отвечать. Чива давно уже был на закате, хотя все еще и не желал примириться с этим. Выпив, он жаждал общения, но понимал, что не прогоняют его лишь из жалости. В конце концов после одной-двух попыток влезть в разго-

вор Чива затих и просто угодливо моргал глазками, сосредоточив внимание лишь на том, чтобы не оказаться обойденным, когда разливают выпивку.

Пашки дома не было. Это обеспокоило Денисова, но он все же решил лечь, специально поджидать сына у окошка ему казалось как-то неудобно, большой ведь уже парень. Засыпать, конечно, не собирался и ворочался в постели до часу ночи, пока наконец не услышал, как Пашка осторожно царапает ключом, отыскивая в лестничном полумраке замочную скважину. Денисов сделал вид, что спит, а сам наблюдал сквозь полуприкрытые веки, как Пашка, стараясь не шуметь, но все время наталкиваясь с непривычки на мебель, прокрался в кухню, грохнул там чайником, всполошенно замер и, повозившись там еще немного, вернулся в комнату на свое кресло-кровать, заранее разложенное для него Денисовым.

Просыпался Денисов обычно поздно. Девять часов для него была рань несусветная, встать в такое время — подвиг невероятной доблести. Однако, будучи теперь действующим отцом, он намеревался подвиг этот совершить и был немало удивлен тем, что, проснувшись, застал Пашку уже на ногах. Сын его был одет, умыт и даже успел вскипятить чайник.

— Ты чего так рано? — смущенно спросил Денисов.

— В спортшколу надо сходить. Мы в августе на сборы поедем.

— А! — сказал Денисов. — В спортшколу — это хорошо. А вчера чего так поздно пришел?

— Мы с ребятами на пруды купаться ездили.

— Понятно, — сказал Денисов, совершенно не понимая интереса к купанию по ночам.

Ему хотелось еще порасспрашивать Пашку подробнее, но он чувствовал, что навязываться не стоит, и лишь поинтересовался:

— Ты когда придешь?

— Часа через два.

За эти два часа Денисов задумал самостоятельно приготовить домашний обед. Не обнаруженные прежде качества семьянина ныне прогрессировали на глазах. В принципе он все умел, хотя кухонными делами занимался крайне редко. Надо было сходить в магазин, купить что-нибудь мясного, нажарить картошки с луком, накрошить салат из свежих овощей, да побольше сока на стол — отличный обед получится.

Выбрав самую вместительную сумку из имевшихся в доме, Денисов вышел во двор. Утро стояло ясное и теплое — в точности под настроение Денисова. И специально, чтобы настроение это испортить, навстречу шел участковый Гуськов.

— Денисов, ну-ка иди сюда! — строго сказал Гуськов, хотя Денисов шагал прямо на него и сворачивать никуда не собирался.

«С какой стати он мне «тыкает»?» — вяло возмутился про себя Денисов.

Гуськов работал здесь участковым всего год. Ходили слухи о том, что на эту должность его переместили с гораздо более престижной вроде бы за чрезмерное пристрастие к спиртному. Впрочем, это могли быть только слухи. Пахло от Гуськова всегда очень крепко, но исключительно дешевым одеколоном. Лицо у него было широкое и красное, подстриженные под «польку» густые пепельные

волосы тщательно зачесаны назад, и весь он — плотный, налитой — крепко и уверенно попирает коротковатыми ногами землю.

— Денисов, ты когда мне справку принесешь с работы? — требовательно спросил Гуськов.

— Я уже приносил. Три месяца назад, — промямлил Денисов.

— Так то три месяца назад. А у меня есть сведения, что ты целыми днями в бильярдных ошиваешься. Почему ты сейчас не на работе? Мне на участке тунеядцы не нужны.

— Отгул у меня, — с отвращением сказал Денисов.

— Я проверю, какой у тебя отгул. Смотри, Денисов, доиграешься, — лениво процедил Гуськов.

«Сейчас дам ему червонец, и он заткнется, — подумал Денисов. — Или лучше — полсотни».

— Что значит «доиграешься»? — сказал он. — Бильярд никем не запрещен. Весьма достойные люди любили бильярд. Буденный, например. Или Ворошилов.

— Достойные? — Гуськов вытащил из кармана платок и протер лицо с такой интенсивностью, как протирают лобовое стекло автомобиля. — Ты порядочных людей с тунеядцами не равняй. Значит так: завтра мне приносишь справку с работы. В противном случае я тебе официально делаю предупреждение. Под расписку. И будем решать. А как ты хотел?

— Я прошу мне не тыкать. — Денисов попытался стать оскорбительно вежливым. — Мне не нравится ваша манера разговаривать.

— Да я тебе в отцы гожусь, сынок, — тон у Гуськова действительно сделался отечески-укоризненным. И вроде бы получалось, что не из хамства природного так Гуськов говорил, а исключительно по причине человеколюбия. — Ради тебя же стараюсь. Ну в самом деле: молодой, здоровый — работать бы и работать. А он с утра до вечера шары катает.

— В общем, завтра, — Гуськов снова стал строг, — ко мне в опорный пункт со справкой.

В итоге настроение у Денисова было испорчено. Три месяца назад справку ему сделал приятель из любителей бильярда — директор учебно-производственного комбината. Все было по закону: Денисова оформили на работу, выдали справку, а через три дня уволили по собственному желанию. Давно бы надо было найти по примеру многих такое место, где можно было бы числиться, отдавая кому-то зарплату, да Денисову все не подворачивался подходящий случай. Впрочем, Денисов не слишком-то утруждал себя поисками. Совесть его была чиста, он не крал, не спекулировал. Он честно зарабатывал своим искусством на хлеб с маслом, а если кто считает, что это так просто, пусть сам попробует.

Денисов сделался профессиональным игроком в бильярд лет двадцать назад, когда ушел без сожаления с четвертого курса института, хладнокровно рассудив, что ни в одном КБ ему не станут платить в месяц столько, сколько он способен без всякого напряжения зарабатывать за неделю. Правда, официальным тунеядцем он стал не сразу, числясь несколько лет ассистентом оператора на киностудии. Эта непыльная работа оставляла достаточно времени для основного занятия, а на зарплату Денисову было вообще наплевать. Тем более что хватало ее только на сигареты.

Но иногда шевелился у него в душе некий червячок: кто ты, собственно, Денисов, есть на этом свете? Кто тебя уважает, кто

любит? Кто знает о твоих талантах и ценит их, кроме завсегдатаев бильярдных?

Вначале ему удавалось легко прогонять подобные мысли. Знали его многие. Среди его знакомых были крупные специалисты, известные литераторы и просто большие начальники. Даже один замминистра был, хотя и республиканского значения. Все они самолюбвенно любили бильярд и даже оказывали Денисову — из уважения к его искусству — некоторые услуги, вроде путевки в престижный пансионат или авиабилетов в разгар курортного сезона. Однако увлечение бильярдом отнюдь не мешало им, кроме того, ходить по улицам, не оглядываясь на участковых, расти в должностях и получать юбилейные награды. Денисов же во все времена оставался просто игроком, нелегалом-профессионалом полузапрещенной игры. Об этом неизбежно приходилось помнить, потому что червячок со временем рос, формируясь в изрядного гада.

Особенно противно было Денисову еще до развода ходить с Ларисой в гости к каким-то там ее бывшим однокашникам. Любой стотридцатирублевый инженер, одетый в мятые штаны и стиранную-перестиранную рубашку, мог поставить Денисова в тупик простым вопросом: а кем вы, собственно, работаете? Денисов в этих случаях что-то врал, а у Ларисы делалось такое лицо, будто она с Денисовым незнакома. Лариса всегда с презрением относилась к его занятию и с годами все менее считала необходимым это скрывать. Хотя деньги тратить ей нравилось. Миллионером Денисов, конечно, не был, но получал все же поболее своего дружка-замминистра.

Хочешь не хочешь, а с ощущением своей социальной неполноценности приходилось мириться. В конце концов деньги были, проблем, напротив, почти не было. Тем более, что после развода Лариса над ухом уже не зудела. Но вот теперь в его дом вошел почти взрослый сын, и все снова переменялось. И размахивая сейчас хозяйственной сумкой, Денисов с горечью думал о несправедливости мира, в котором ему, Денисову, не находилось места по достоинству.

Настроение его несколько улучшилось после посещения мясного магазина. Тут он взял некоторый реванш сразу и у судьбы, и у Гуськова. Дело в том, что Денисов окончательно решил готовить цыплят табака, для чего, естественно, прежде всего требовались непосредственные цыплята. На витрине же, естественно, кроме пары синих от времени курей, от которых давно отвернулись и люди, и обстоятельства, ничего не было. Зато за прилавком стоял мясник Алик, и для Денисова все тут же нашлось. Гуськов в этой ситуации цыплят мог бы и не получить. Тем более так быстро.

Денисов вернулся домой и принялся за стряпню. Случайно вспомнилось, что перед жаркой цыплят табака полагается хорошенько отбить. Вспомнилось также, что в последний раз Денисов видел кулинарный молоток, кажется, в кладовке.

Тесная кладовка была завалена всяким хламом, которому по чести уже давно место было в мусорном ведре, да у Денисова все руки не доходили. Хлам этот — наследственный, не выброшенный прежде, да так и перевезенный по инерции на новую квартиру, тихо лежал здесь никому не мешая. Денисов никак не мог взяться за решительную расчистку. Оттого всякий раз, залезая в кладовку за чем-либо, ему приходилось последовательно перекладывать из угла в угол почти все содержимое. Вот и теперь молоток на глаза сразу не попался, а значит, лежал где-то в самом низу.

Денисов переставил лыжи, откинул в сторону пару картонок и неожиданно наткнулся на спортивную сумку голубого цвета. Такой у Денисова никогда не было, это он помнил точно. Заинтересованно вытащив сумку, он удивился ее тяжести и потянул язычок «молнии».

Несколько мгновений Денисов растерянно смотрел в сумку, а потом вынес ее на кухню и принялся замедленно выкладывать на стол все содержимое: три небольшие иконы, массивный серебряный складень, полиэтиленовый пакетик с кольцами, сережками и желтыми цепочками, крохотный портативный диктофон и три толстые пачки денег, перехваченные медицинскими резинками. Во рту разлилась вселенская сушь.

«Что же это такое? — подумал он с тоской. — О, господи!» Денисов вдруг ощутил, что должен немедленно сесть: за несколько секунд невероятно устали ноги. Он рухнул на табуретку и уставился пустым взглядом на разложенные в аккуратный ряд предметы. У него не было иллюзий: вещи, конечно, краденые. Денисов имел достаточное представление о замызанном криминальном мире. Мир этот, хотя и не соприкасался с пространством Денисова, всегда присутствовал рядом — играть в бильярд воры любили не меньше всех прочих, а Денисову было плевать, откуда берутся деньги у тех, кто желает их проиграть.

Но почему это случилось именно с Пашкой? Как же так? Неужели он мог?.. Нет, конечно же, нет. Он придет и все объяснит. Где же он шляется, черт возьми!

Денисов принялся собирать вещи и вдруг, повинувшись безотчетному порыву, подошел к окну. И немедленно отпрянул. Двое во дворе — один в милицмейской форме, другой в штатском, с короткой уставной прической, смотрели на его окна. То есть Денисов не мог бы сказать с уверенностью, что именно на его, зато был убежден, что появились они здесь не случайно.

Он перебежал в комнату и выглянул в щель между шторами. Те двое уже заходили в подъезд. Обратившись в слух, Денисов ждал. Хлопнула дверь лифта, и все надолго смолкло, а потом дверной звонок по-дурному заголосил, требуя внимания.

Милиция не дремлет, со злой растерянностью подумал Денисов. Быстро же они работают. Но еще не вечер. Все-таки сумку он обнаружил раньше их...

Он снова бросился в кухню, торопливо побросал барахло в сумку и слегка приоткрыл окно. Если будут ломать дверь, он вышвырнет во двор эту проклятую сумку. Пусть потом доказывают. Черта с два у них получится.

Однако до этого дело не дошло. Погремев еще немного, звонок утих, опять загудел лифт, а еще через минуту милиционеры вышли из подъезда.

У Денисова слегка отлегло от души. Теперь нужно как можно скорее унести вещи из квартиры. Второй раз его никто не застанет врасплох. Куда? В подвал? На чердак? Чушь собачья? Лучшее место — на вокзал, в автоматическую камеру хранения. Ищите потом, ищите. Просто так я сына вам не отдам...

Схватив сумку, Денисов бросился к двери. Остановился. Вернулся в кухню и запихнул сумку вместе со всем содержимым в большой и непрозрачный полиэтиленовый пакет.

К остановке трамвая шел дворами. Яркий солнечный свет раздражал его невыносимо. Денисову хотелось сумрачного холодного

ненастья, загоняющего всех под крыши. Но пока, к счастью, навстречу не попало ни одного знакомого лица. Он вышел к хоккейной коробке — четырехугольнику, утопанному до булыжной твердости земли, обнесенному дощатым заборчиком с проволочной сеткой по верху. Впритык к забору рос колючий кустарник, да так густо, что в него никогда не лазили даже мальчишки и алкоголики, прячущиеся от чужих назойливых глаз.

До трамвая оставалось два шага — обойти коробку и миновать помойку, но именно оттуда навстречу Денисову шел участковый Гуськов с двумя милиционерами. Сердце екнуло и остановилось. Подавив первый порыв броситься бежать, Денисов понял, что ни Гуськов, ни его спутники пока не видят его сквозь два слоя частой проволочной сетки. Они беседовали о чем-то своем и глядели в основном под ноги, чтобы не споткнуться о всякое ржавое железо, обильно набросанное возле мусорных баков. Бежать было нельзя, бежать было глупо. Денисов быстро осмотрелся: никого. И сунул пакет сквозь тесное сплетение ветвей вплотную к заборчику. Отступил на шаг — пакет оказался скрыт совершенно. Тогда Денисов пошел прочь, все еще напряженно ожидая окрика в спину. Он отходил от кустов все дальше, и напряжение сменялось досадой: чего он испугался? Что ему мог сделать Гуськов? Нет ведь таких законов, чтобы хватать и обыскивать людей на улице ни с того ни с сего. Но все эти мысли без задержки скользили в мозгу, а ноги несли будто сами по себе. Денисов сейчас, может быть, впервые ощутил, насколько он боится милиции, Гуськова, от которого нет у него никакой защиты. И не было сил преодолеть этот глупый темный страх, охвативший его.

«Ничего, — успокаивал и оправдывал он себя, — пусть полежит до вечера, так даже лучше».

Он вернулся домой, разыскал кулинарный молоток и вновь занялся цыплятами. Порезал, отбил, промыл, натер чесноком и полил уксусом. Нехитрая работа мешала думать, и это было хорошо.

Когда наконец вернулся Пашка, цыплята доходили на сковородке. Они сели обедать, и, к своему удивлению, Денисов обнаружил, что ему без особого труда удастся вести какой-то никчемный разговор. Проклятая сумка была далеко, и словно бы вместе с ней ушли из дома опасность и беда. В какой-то момент Денисову даже показалось насовсем.

Потом Пашка сам взялся мыть посуду, а Денисов с книгой в руках растянулся на диване, убеждая себя, что целиком поглощен чтением. Пашка гремел тарелками, а потом сквозь шум льющейся воды Денисов услышал, как скрипнула дверь кладовки. Ему не надо было видеть, что делает сейчас Пашка. Он все чувствовал и так. Вот Пашка передвинул коробки и замер в короткой растерянности. Вот начал перекладывать старую обувь, зацепил и поймал в последний момент заскользившую по стене связку лыж. Снова остановился, тихонько прикрыл дверь кладовки, завернул кран и вошел в комнату. Денисов увлеченно перелистнул сразу несколько страниц книжки. Пашка тихо сел в кресло, потянул со стола наугад заграничный бильярдный журнал, раскрыл где попало и тупо уставился в центр страницы. Тогда Денисов захлопнул книжку.

— Не нашел? — поинтересовался он.

— Ч-что? — Пашка вздрогнул и вскинулся.

— Сумку свою.

— Какую сумку?.. Где она?

— Откуда у тебя эти вещи?

— Это не мое... Пап, где она? — На побледневшего и съездившего Пашку жалко было смотреть.

— Нет ее здесь.

— Отдай мне ее,— тоскливо застонал Пашка.— Я должен вернуть... Это не мое.

Денисов подошел к столу и положил руку на плечо сына.

— Что случилось, Паша, расскажи мне.

Пашка совсем плохо соображал со страха, он не слышал Денисова и тянул свое.

— Ну, пожалуйста, пап, отдай сумку...

Все это походило на тихую истерику, и Денисов постепенно сам начал пугаться. А Пашка вдруг вскочил и с силой отбросил руку Денисова.

— Отдай! — заорал он.— Где сумка?

Он смотрел на отца с такой ненавистью, как смотрят только на злейшего врага, и, поняв это, Денисов содрогнулся.

— В милиции твоя сумка! — тоже закричал он, опасаясь сейчас более всего, что Пашка наговорит, натворит такого, чего исправить уже будет нельзя.— Я ее в милицию отнес!

Пашка сразу обмяк, глаза у него сделались тусклыми, челюсть отвисла, как у старика.

— Ка-а-к? За-а-чем? — сказал он совершенно неживым голосом и почти свалился обратно в кресло.— Знаешь, что теперь будет?

— Ничего не будет,— нарочито грубо возразил Денисов.— Успокойся и расскажи, в чем дело. И не выдумывай себе лишнего.

Пашка — обыкновенный перепуганный насмерть мальчишка — молчал страшно долго.

— Короче... убьют меня теперь за это... Ты не знаешь... От них не спрячешься.

Денисов слушал его сумбурный рассказ и постепенно осознал, что его Пашка как следует влип. Он оказался членом уличной шайки и несколько раз участвовал в делах, за которые по головке не гладят. На одном таком деле и взяли иконки с деньгами и стекляшками. Пашка в тот раз сам не грабил. Он стоял на стреме, когда его старшие товарищи чистили квартиру какого-то фарцовщика. Кстати, в присутствии самого хозяина. Старшие товарищи были убеждены, что фарцовщик в милицию жаловаться не станет, но на всякий случай велели Пашке подержать вещички у себя некоторое время...

— Ясно,— проговорил Денисов, когда Пашка замолк.— Ладно, все еще не так страшно. Насчет милиции я пошутил. Сейчас пойдем и принесем твою сумку. Но с одним условием: отдавать ее я буду сам. Договорились? И на этом мы со всеми подобными делами покончим. Навсегда.

— Они тебя слушать не станут,— возразил Пашка, а в глазах и в голосе его так и полыхала надежда.

— Посмотрим,— сказал Денисов.— В общем, это мое дело. Разберемся. Одно я тебе обещаю твердо: больше ты их никогда не увидишь. Но и ты должен так же твердо обещать...

Не дослушав, Пашка отчаянно закивал головой, замычал даже в приступе чувств, а у Денисова от жалости на глазах выступила влага. Бедный Пашка!

Через десять минут они были во дворе с хоккейной коробкой.

Здесь по-прежнему было пусто и тихо. Даже пенсионеры никогда не сидели здесь на скамеечках. Двор этот, вероятно, казался им неуютным. Денисов подошел к тому месту, куда он засунул сумку и, оглянувшись, полез в кустарник.

Сумки не было.

— Сейчас-сейчас,— бормотал Денисов, ощупывая соседние кусты. Пашка нетерпеливо топтался на асфальте.

— Сейчас,— Денисов полз на четвереньках вдоль забора, словно еж в сухой листве. За ворот рубашки на вспотевшую шею ему сыпалась какая-то труха, битое стекло раскровянило ладонь.

— Чего хулиганите! — крикнул со стороны злобный голос.— Не садили, не растили, а ломать — все мастера. Щас милицию вызову!

От неожиданности Пашка едва не подпрыгнул на месте. С тротуара на них с ненавистью смотрела крепкая усатая старуха.

— Никто ничего не ломает,— устало сказал Денисов, вылезая из кустов.

— Ломать-то каждый сумеет. Хулиганье! — не унималась старуха, готовая излить на них весь запас раздражения, накопленный за долгую жизнь.— И молодого тому же учит!

— Чего вы кричите? — обиженно сказал Пашка, но Денисов потянул его за собой.

— Пошли!

Старуха, не переставая, ругалась им вслед, и, даже когда они свернули за угол, еще слышали некоторое время ее пронзительный голос. Шли молча и только у самого подъезда Пашка потерянно спросил:

— Куда же она делась?

— Черт знает куда,— пожал Денисов плечами.— Сперли сумку. Нет ее.

— Что же теперь делать?

— Ничего,— ответил Денисов уверенным тоном, который, однако, совершенно не соответствовал его настроению.— Все будет нормально. Твои дружки знают, где ты сейчас живешь?

— Я никому не говорил. То есть сказал, что буду жить у отца, но адреса они не знают.

Денисов подумал, что надо было бы предупредить Ларису, если она не уехала еще со своим приятелем, чтобы не проболталась. Поэтому он сразу потянулся к телефону, едва они вошли в квартиру, но аппарат ожил прежде, чем Денисов успел к нему прикоснуться. Они с Пашкой переглянулись, захваченные одной и той же внезапной мыслью, а потом Денисов снял трубку.

— Будьте любезны, Пашу позовите, пожалуйста.

Вежливый юношеский баритон должен был вызывать безусловное доверие. Именно поэтому Денисов насторожился.

— Вы ошиблись. Здесь таких нет,— ответил он и ясно услышал, как собеседник ухмыльнулся.

— Передайте ему, что звонил Ярослав,— сказали на том конце телефонной линии и повесили трубку.

— Кто такой Ярослав? — спросил Денисов сразу же побледневшего Пашку.

— Это Ярик... Значит, теперь они меня найдут... Ну кто тебя просил брать сумку!

Пашка вновь возвращался к исходной точке их разговора, и Денисов постарался этого не допустить.

— Все, все. Хватит. Мы это уже проехали. Пойми ты, чудак,

нет никакой разницы... Представь себе, что мы просто вышвырнули эту дрянь с моста в реку. Нет ее и никогда больше не будет. Вот отсюда и следует исходить, а все прочее абсолютная ерунда...

Он говорил долго, очень убедительно и совсем бы успокоил сына, если бы не проклятый телефон, начинавший звонить аккуратно каждые пятнадцать минут. Денисов вначале просто переживал этот трезвон, не снимая трубки, а потом вовсе выдернул шнур из розетки.

Утром следующего дня все происшедшее воспринималось намного легче. Такое уж замечательное свойство каждого утра. Пашка выглядел куда бодрее и даже первым вызвался готовить завтрак. Умываясь, Денисов с удовольствием слушал, как Пашка ворочает в кухне кастрюльки, хлопает дверцами шкафов, но вдруг звуки эти разом смолкли, а когда Денисов завернул водопроводный кран, в квартире вообще наступила странная и тревожная тишина.

Денисов вышел на кухню. На столе была рассыпана мука, руки у Пашки были в муке, и даже лоб измазан. А сам Пашка стоял у окна и смотрел во двор. Там на длинной скамейке в ленивых позах сидели три парня — ровесники Пашке или слегка постарше.

— Вон они, меня ждут, — тоскливо сообщил сын. — Вон тот, слева — Ярик. С ним Данила и Трактор.

— Трактор? Почему Трактор? — удивился Денисов.

— Он картавит, — объяснил Пашка, — вот его и прозвали. Быстро они меня нашли. Мать, наверное, сказала.

Настроение у него совершенно упало. А Денисов, наоборот, едва не развеселился. Вот, оказывается, кого так испугался его сын. Ярик, Трактор — чушь какая-то. Обыкновенные сопляки. Денисов, конечно, представлял, что и такие сопляки в определенной ситуации могут оказаться опасными, но только не теперь. А сейчас он их просто задавит.

— Не волнуйся. Ты, давай, завтраком займись. А я схожу с ними потолкую.

Все же он прихватил на всякий случай турник, массивную заднюю часть своего составного кия, сунул его в рукав рубашки — кто их знает, сопляков, как разговор сложится, а то еще полезут сдуру с ножами...

Он бодро вышел из подъезда и направился как бы мимо скамейки, но, поравнявшись, внезапно остановился.

— Чего ждете, ребята?

Денисов спросил напористо, нахально и пристально вглядываясь в лица юнцов, и те в первое мгновение растерялись.

С минуту они молчали, а потом Ярик осторожно сказал:

— Сидим просто.

Но уже через несколько секунд добавил, обретая вновь наглую уверенность:

— А в чем дело?

Им было лет по семнадцать-восемнадцать. Довольно крепкие, спортивного вида ребята. Если такие в темном подъезде навалятся втроем, отмахнуться будет непросто. Но что с некоторым удивлением отметил Денисов — аккуратноенькие и чистенькие, подстриженные в меру, и в меру модно одетые. Во времена юности Денисова шпана выглядела совершенно иначе.

— Вы ведь Павла ждете? — без предисловий начал Денисов. —

Не ждите, ребята, не надо. Ничего хорошего из этого не получится. И так уже дело дрянь, а может быть намного хуже.

— Пугаешь, папаша,— лениво сказал Ярик.

Дружки его молчали угрюмо и настороженно.

— Зачем? — удивился Денисов.— Я объясняю. Ты и сам сообразишь, что к чему. Ты же за сумочкой пришел, верно?

Денисов сразу решил разговаривать с одним Яриком, понимая, что он в этой тройке за главного.

Ярик не ответил. Не то чтобы смутился. Скорее просто ждал, что скажет Денисов дальше.

— А пришел ты зря,— продолжал Денисов.— Сумка-то уже в милиции.

Какая-то тень пробежала по лицу Ярика. Не страх, но определенно беспокойство. Он коротко переглянулся с дружками.

— Я сумку в милицию отнес,— Денисов внимательно следил за реакцией собеседников.— Пока просто сказал, что нашел. На улице подобрал. Но это пока, понимаешь? А что завтра скажу — это видно будет.

— В каком смысле? — заинтересовался Ярик. Спеси у него заметно поубавилось.

— В самом прямом,— голос Денисова зазвучал теперь жестко.— Увижу, к примеру, еще хоть раз, что ты тут под окнами ошиваешься. Или дружки твои подойдут еще хоть раз к Пашке ближе, чем на километр, вот тогда я объясню, откуда взялась сумка. И тогда, дорогой, тюрьма.

— И Пашке вашему тоже,— буркнул Ярик.

— Вот в этом я не уверен,— улыбнулся Денисов.— Пашка-то всего-навсего на стреме стоял. Да к тому же сдаваться пойдет сам. Неприятностей, конечно, не избежать — что ж тут поделаешь! Но неприятности — они разные бывают. У кого мелкие, а у кого и покрупнее. Вот ты, например, где тогда был?

— Я дома сидел,— сказал Ярик довольно нервно.

— Они разберутся. Им за это деньги платят,— Денисов взглянул на часы, заторопился.— Так, ребята, мое время истекло. Дальше вы все сами додумаете. Но помни, что я сейчас сказал, Ярик, или как тебя там. Не дай бог мне тебя здесь еще увидеть.

— Не выступай особо, мужик,— огрызнулся Ярик, но Денисов видел: это он только чтобы не потерять уж совсем лица перед своими дружками.

На самом деле Ярик был изрядно смущен. Можно было бы, конечно, ему еще добавить, но Денисов решил не пережимать.

— Будь здоров,— сказал он и пошел домой.

Дверь квартиры Пашка распахнул, едва кабина лифта с Денисовым остановилась на площадке.

— Ну вот, а ты боялся,— весело сказал Денисов, предупреждая рвущиеся с губ сына вопросы.— Все в порядке. Я же говорил тебе, что все будет нормально.

— Что ты им сказал, пап? Ну чего они?

— Просто объяснил, что, если к тебе кто-нибудь хотя бы подойдет, будет очень плохо. Мне кажется, они поняли меня правильно.

О к о н ч а н и е с л е д у е т .

Очень хочется рассказать об одной дачной истории. Потому как она, на взгляд автора, будет посерьезнее и потрагичнее всяких там шекспировских драм. Ну, подумаешь, короля Лира обобрали родные люди. В нашем перестроечном быту и не такое еще бывает. Вот послушайте, например...

Жил-был на построенной им собственными руками даче полковник в отставке, ветеран трех войн и кавалер одиннадцати государственных наград Заводчиков Дмитрий Георгиевич. И был у него племянник — тоже Заводчиков, только Лев Георгиевич, «ведущий специалист и член партии», как явствует из характеристики, выданной ему на руки одним московским учреждением. Дядюшка и племянник не то чтобы очень уж любили друг друга, но ладили. Без семейных баталий. Дядюшка приглашал племянника жить летом у себя на дачном участке, правда, в отдельном летнем домике, официально именовавшемся в документах «хозблоком». Но племянник был не в претензии, резонно полагая, что после смерти жены у дядюшки ближе родственников нет и дача после кончины ветерана по завещанию отойдет к нему. Сейчас ведь очень престижно иметь дачи.

Так что все было в полном ажуре, пока между дядюшкой и племянником не пробежала кошка. Вообще-то говоря пробежала совсем не кошка, а женщина, и не пробежала, а пресекла устремления племянника. Короче говоря, в один прекрасный январский день 1983 года дядя возьми и женись. А что? Любви все возрасты покорны...

Племянник почувствовал угрозу давно составленному завещанию и давай уговаривать дядюшку: подари, мол, дядя, мне свою дачу. На память о себе и нашей совместной дачной жизни. Чтобы она как реликвия осталась в нашей семье, и так далее, и тому подобное. А дядюшка в ответ: «Ну а я где буду жить с молодой женой?» Племянник радостно так отвечает: «Да здесь и жить будете. Где и

жили. Хозяином будете, а я вас, благодетеля, на руках буду носить вместе с вашей молодой супругой, пусть она даже по причине не очень молодого возраста немного полновата на вид!» Дядюшка не согласился. «Узнай,— сказал он племяннику,— как оформить дарственную на половину дачи». «Узнавал,— ответил племянник.— Мособлсовет запретил оформлять по частям, дарить можно только дачу целиком». «А как же я буду?» — спросил дядюшка. По причине довольно солидных лет он понимал, что чувства, даже родственные, проходят, а документы остаются вечно. «Секретарь сельсовета сказала, что к договору мы приложение можем сочинить, какая часть за вами пожизненно останется...»

Ну как они там условия сочиняли, да как их утрясали, мы говорить не будем, при сем не присутствовали. Документы об этой родственной договоренности остались в виде приложения к договору дарения. Его скрепила гербовой печатью и своей подписью секретарь Ильинского поссовета Раменского района Московской области товарищ Суслова. И стал племянник по договору дарения собственником чужого дачевладения — так юристы говорят.

Ну а дальше, читатель, вы правильно догадались: начались в этой дружной семье громкие скандалы. Из-за чего они разгорелись, опять не станем говорить: не присутствовали, а только от свидетелей на суде слышали. Ну а свидетели народ хитрый, могут ведь и неправду сказать. Одним словом, спровадил любящий племянник престарелого дядюшку и его «молодую» в холодный летний домик от скандалов подальше и во имя мира на дачном участке, принадлежащем теперь ему. А сам перебрался в построенный Дмитрием Георгиевичем дом со всеми дачными удобствами — туалетом и газовым отоплением. Так-то вот!

Пожил этак дядюшка и возмутился: как же так получилось, что из-за своего благородного порыва порадеть племяннику он без дачного угла вовсе остался и никаких условий, что обговаривались перед дарением, племянник выполнять не желает. И подал в народный суд Раменского района челобитную, то есть иск о признании договора дарения недействительным, поскольку условий Лев Георгиевич не выполняет, гонит его из дома и с территории дачи, построенной, между прочим, собственными руками на законных основаниях.

А племянник привел в суд многочисленных свидетелей с соседней дачной улицы, которые, конечно, про условия дарения ничего сказать не могли, поскольку не при них договор составлялся и подписывался. Но зато были твердо уверены, что должны изобличить «молодую» жену дядюшки во всех смертных грехах, а главное — доказать, что она является охотницей за наследством. И стали доказывать, приводя всякие эротические подробности из семейной жизни, что она ему вовсе не жена, а так, вроде няни или патронажной сестры из общества милосердия. Особенно усердствовал адвокат Яблочкин, метавший громы и молнии по сему поводу, чем очень расстроил дядюшку, который в зале суда чуть даже не побил его тростью, повторяя при этом: «Она мне законная жена, и не смейте ее иначе называть!»

Но суд эротические подробности оставил на совести адвоката и свидетелей, и хоть не сразу, но признал: договор дарения заключен под условием, что противоречит закону, поскольку дарение — это безвозмездная передача имущества другому лицу, чего в данном случае не было. Мособлсуд с таким мнением народного суда

Раменского района согласился, и решение вступило в законную силу. Дядюшка теперь имел право пользоваться своей собственностью, жить в тепле и ходить в собственный туалет в различное время суток и при всякой погоде, как он того пожелает. Что дядюшка и сделал, заняв дом, поскольку теперь документы на основании решения суда были на его имя.

Но племянник не успокоился. Временно отступив с утраченной территории, он кинулся в Московскую областную прокуратуру за поддержкой. Ну а там, прочитав дело, рассудили: «Дядюшка вначале хотел подарить половину дачи? Так? Ну пусть и дарит половину, незачем договор целиком отменять». И срочно направили протест в Президиум Мособлсуда. А тот протест отклонил после того, как все выслушал, даже заявление племянника о том, что ему дарили всю дачу, что явно расходилось с доводами прокуратуры.

Ну и что такого? — спросит читатель. Обычное, мол, дело — один юрист так думает, другой — иначе. Но не спешите. К протесту была еще бумажка заготовлена. Постановление прокурора области Б. Наместникова о приостановлении исполнения решения суда. Каждый сведущий человек скажет: подумаешь, протест отклонили и бумажка силу утратила. Ведь закон гласит: приостанавливать исполнение решения суда можно только до окончания надзорного производства по делу. Отклонили, так значит и действие «приостановления» кончилось. Наивные люди! Любая бумажка, если ее с толком и чувством использовать, имеет великую силу. Племянник, то есть Лев Георгиевич, отправился с этой бумажкой в милицию и прокуратуру Раменского района, потряс ей, поплакал, что, мол, его с дачи попросили.

А сам под этот шумок в отсутствие дядюшки взломал дверь и, вставив собственный замок, лишил любимого родственника дачи и всех находившихся в ней вещей личного, так сказать, назначения — брюк, нижнего и постельного белья, ботинок и прочих предметов, коих в наших магазинах и за деньги сегодня не купишь. Присвоил, короче говоря, без всяких там судов дачу, признав самостоятельно договор действительным заново. Каково! На глазах и при молчаливом попустительстве властей предержажших, призванных строго охранять закон и, между прочим, решения народных судов.

Дядюшка написал в районную прокуратуру заявление: помогите, мол, накажите за самоуправство. Но районный прокурор Ю. Сорокин резонно ему заметил: «Не чужой же вам человек, не с улицы, дверь взломал. Свой! Племянник! Как за это наказать? Вот если бы чужой, тогда чистое самоуправство, мы бы наказали! А так, увольте!» Хотя закон об этом деянии по-другому говорит, но не зря же придумали пословицу бывалые люди: «Закон, что дышло, как начальник захотел, так и вышло!» Еще лучше отреагировал заместитель областного прокурора С. Бацкалев: «Каков нахал этот племянник! Не так и не для этого мы ему «приостановление» на руки выдали. Надо его за это самоуправство наказать!»

И наказал. Продлил действие этого самого «приостановления» на неопределенный срок. Пока по его представлению новый протест уже Прокуратура РСФСР подготовит. А то, что продлевать срок «приостановления» может только она, а не Мособлпрокуратура, про то Сергей Андреевич говорить не желает. Есть, мол, такая лазейка в гражданско-процессуальном кодексе. И не я, и в то же время и я могу приостановить действие решения суда, ведь надзорное производство по делу продолжается, пусть и другой инстанцией. А ес-

ли оно будет продолжаться десять лет? И все время будет действовать «приостановление»? И в дачу, которая по решению суда является дядюшкиной, будет лазить племянник с отмычкой, поскольку пользоваться-то дачей нельзя, исполнение решения суда приостановлено. А значит, племянник может душить дядюшку в своих объятиях, изъясняя таким образом свои родственные чувства. Такая вот логика!

Как можно признать договор дарения действительным в части, когда судом, по мнению прокуратуры, все доказательства исследованы, после чего сделан вывод: безвозмездного дарения не было. Значит, на половину дачи дарения не было, а на половину было, причем безвозмездное... Хотя сам племянник признает и кричит на всех перекрестках: «Мне всю дачу дарили... Пусть хоть и под условием!»

Ну с племянником все понятно, он своего богатства упускать не желает, а высокообразованные юристы? Они что, не понимают, что если дарят булку целиком, то не отщипывают от нее для себя кусочек. Или дарят, или не дарят. Нельзя же подарить «Жигули», обусловив, что одно колесо на правах собственности будет принадлежать дарителю...

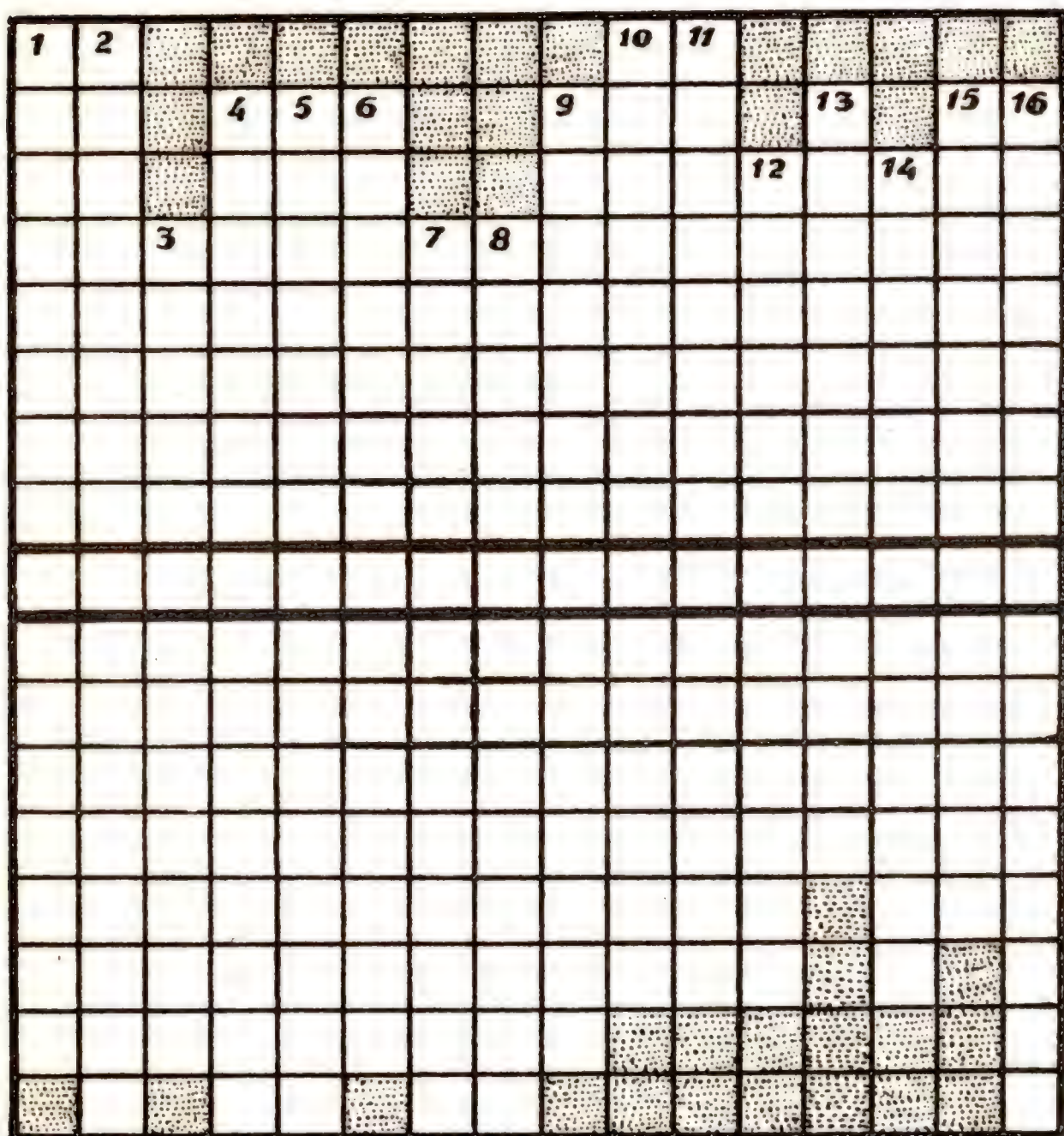
Ну это по мнению суда. Есть вот и другие мнения.

А пока по решению суда у дядюшки дача вроде бы есть. А по бумаге из прокуратуры она тоже вроде бы есть, но собственником ее он быть не может. До загадочных времен. До окончания надзорного производства. Когда же оно кончится, один бог ведает. А как же быть с правом собственности? С новыми законами на этот счет? Да никак! Важно иметь топорик и замок под рукой — поставь его на чужую дверь и сразу станешь собственником. А решение суда что? Бумажка... И тянется эта «возледачная» канитель из-за разного отношения к закону уже свыше полугода. Дядюшка терпит и уповает на то время, когда юристы и всякие должностные люди в прокуратуре поймут, что играть в темные игры с законом недостойно, поскольку мы обязались построить правовое государство.

А пока его собственноручно выстроенная собственность находится под замком у племянника и никаких перспектив на возвращение ее законному владельцу не предвидится. Хотя закон строго возбраняет чинить препятствия к пользованию личной собственностью. Но ведь мы уже приводили поговорку, которую придумали бывалые люди. «Возледачный» роман продолжается, и дядюшкина жена срочно ищет в магазинах одежду для полковника в отставке, кавалера многих государственных наград, ветерана трех войн. Ну как тут не сказать, что против лома — нет закона?!

Аким УХВАТОВ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

РАСШИФРУЙТЕ СЛОВО

Правильно отгадав 16 слов по вертикали, вы прочтете в выделенной строке по горизонтали зашифрованное слово.

По вертикали: 1. Установленный законом порядок возбуждения, расследования, судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел. 2. Грубое нарушение законодательства. 3. Система подбора на службу людей не по деловым признакам, а по знакомству. 4. Признанная государством способность физических и юридических лиц иметь права и нести обязанности, предусмотренные и допускаемые законом. 5. Предъявление конкретному лицу обвинения в совершении преступления. 6. Преступление, состоящее в незаконном изготовлении, сбыте или хранении крепких спиртных напитков. 7. В международном праве одно из средств мирного разрешения споров между государствами. 8. Попытка (незаконная или осуждаемая) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь. 9. Один из основных принципов современного международного права. 10. Умышленное использование служебного положения в корыстных целях. 11. Совокупность законов, определяющих нор-

мы поведения в какой-либо области права. 12. Добыча или уничтожение диких животных с нарушением правил охоты, рыболовства и других требований законодательства об охране животного мира. 13. Должностное лицо юридической службы министерства, ведомства, предприятия. 14. Лишение государственной властью монет силы законного средства платежа и обращения. 15. Распоряжение правительственного учреждения. 16. Лицо, совершившее преступление, заключающееся в изготовлении с целью сбыта или в сбыте поддельных денежных знаков, ценных бумаг.

Составитель Н. ПАНАСЮК
Винницкая обл. г. Жмеринка

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 1. Конкин. 3. Аллонж. 8. Конфискация. 10. Кони. 11. Отдел. 12. Оуэн. 15. Проект. 16. Трофей. 17. Оборот. 19. Крупье. 22. Вина. 23. Армия. 24. Указ. 27. Ардаматский. 28. Каратэ. 29. Аренда.

По вертикали: 1. Кодекс. 2. Иена. 4. Лицо. 5. Жирант. 6. Диктат. 7. Акцепт. 8. Контрабанда. 9. Ярузельский. 13. Недра. 14. Бонус. 18. Тюрьма. 19. Кристи. 20. Свиток. 21. Измена. 25. Адат. 26. Якир.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Юноша уволен незаконно. При приеме на работу лиц, не достигших 18-летнего возраста, испытание не устанавливается (статья 21 Кодекса законов о труде РСФСР). Поэтому Павел может быть уволен только на общих основаниях. В частности, за нарушение трудовой дисциплины при условии, что к нему ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания (пункт 3 статьи 33 КЗоТ РСФСР). Кроме того, для увольнения несовершеннолетнего работника администрация должна получить согласие не только профсоюзного комитета, но и районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних (статья 183 КЗоТ РСФСР).

Задача 2

Основания для увольнения Волковой есть. Согласно пункту 34 Положения о распределении и использовании в народном хозяйстве выпускников высших и средних специальных учебных заведений руководителям предприятий, учреждений и организаций запрещается принимать на работу молодых специалистов до истечения обязательного срока работы по распределению без удостоверения о направлении на работу или справки о предоставлении возможности самостоятельного трудоустройства. В случае с Волковой это требование не было соблюдено. А лица, принятые на работу с нарушением правил, установленных трудовым законодательством, подлежат увольнению (часть 2 статьи 254 КЗоТ РСФСР).

Задача 3

За каждое нарушение трудовой дисциплины может быть наложено только одно дисциплинарное взыскание (часть 3 статьи 136 КЗоТ РСФСР). Перечень дисциплинарных взысканий определен в статье 135 КЗоТ РСФСР: замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок, увольнение. Поэтому объявлять строгий выговор и переводить на нижеоплачиваемую работу за один и тот же проступок нельзя. Администрация должна выбрать какое-нибудь одно взыскание. А вот лишение премии к дисциплинарным взысканиям не относится и может применяться как дополнительная мера воздействия на нарушителя наряду с привлечением его к дисциплинарной ответственности.

В случае обнаружения полиграфического брака просим обращаться в ОТК типографии, печатающей данную часть тиража журнала.

Сдано в набор 24.04.90. Подписано в печать 24.05.90. А 07483.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Заказ 2224. Цена 60 коп.

Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.

Телефон 281-68-12

Отпечатано 1 100 000 экз. (из общего тиража 9 150 000 экз.) с фотоформ ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» в типографии издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.

Зак. № 671.

Рис. И. Новикова

Рис. В. Богачева

145

60 коп.
Индекс 71075

